

А.А.Кремко

ЖИЗНЬ ЗА КАДРОМ

Николаев
2004

УДК 94(47)1905
ББК 63.3(2)522
К49

Кремко А.А.
К49 Жизнь за кадром. — Николаев: ЧП Гудым И.А.; 2004.
— 128 с.
ISBN 966-96187-5-4

УДК 94(47)1905
ББК 63.3(2)522

ISBN 966-96187-5-4

© Кремко А.А., 2004
© ЧП Гудым И.А., 2004
© ЧП Непомнящий А.С., 2004

Благодарность за помощь в издании книги. Благодарность
за помощь в издании книги. Благодарность за помощь в
издании книги. Благодарность за помощь в издании книги.
Благодарность за помощь в издании книги. Благодарность за
помощь в издании книги. Благодарность за помощь в издании
книги.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Шестьдесят для мужчины – дело серьезное. Это время, когда перед тобой маячит пенсия, когда уже принято подводить итоги. И, одновременно, в шестьдесят ты чувствуешь, что можешь сделать еще очень и очень много. Пускай, уже нет того здоровья и юношеского задора, что в молодые годы, но зато есть нечто, не менее ценное – огромный жизненный опыт, накопленный за минувшие десятилетия.

За прожитые годы я видел немало. Тем более, что сама профессия фоторепортера, художника, всегда стремящегося уловить неповторимое, прекрасное мгновение, располагает к тому, чтобы увидеть как можно больше. Мне довелось исколесить полстраны – и Украины, и того могучего и несокрушимого Советского Союза, которого мы уже никогда не вернем, и о котором наши внуки будут знать только из учебников истории, наших рассказов, и, конечно же, кадров кино-, видео- и фотохроники.

Я неоднократно бывал в зарубежных поездках. Встречался с очень многими знаменитыми людьми, тесно общался с теми, кто через десятилетия стал известным всей стране и далеко за ее пределами.

Словом, я много повидал на своем веку.

Но нигде и никогда я не встречал земли краше, чем моя родная Николаевщина. Где бы я ни был, какими бы неземными красотами не любовался, я ни на один день не забывал горький запах полынных трав выжженной солнцем степи, подернутую дымкой водную гладь наших величественных лиманов, кислотовато-терпкий вкус прекрасного южного вина, наши неповторимые живописные пейзажи. Тем более я не мог забыть наших людей, николаевцев, сумевших создать своими руками мощные военные корабли и крупнотоннажные гражданские суда, лучшие из тех, что были в распоряжении великого государства.

Вместе со своим поколением я пережил немало исторических событий, которые уже стали достоянием истории: хрущевскую оттепель, брежневский застой, горбачевскую перестройку, распад Союза и труднейшее время становления независимого украинского государства. Мне пришлось бывать на атомных станциях и в секретнейших ракетных частях стратегического назначения, в Звездном городке, где испытывались передовые образцы аэрокосмической техники и на крупнейших в мире стройках.

Я всегда старался быть в гуще событий, вел и продолжаю вести до сих пор фотолетопись нашей жизни. Тысячами снимков, репортажей, фотоочерков, которые публиковались, в том числе и за границами СССР и Украины, я отражал жизнь и труд николаевских корабелов и хлеборобов, красоту нашего края, мужество, мудрость, доброту и гостеприимство нашего народа.

И вот однажды я решил для себя, что было бы здорово рассказать о своей жизни вам, дорогие читатели, приоткрыть завесу над тем, что было «за кадром». Поверьте, мне есть чем с вами поделиться.

Я не хотел, чтобы мои воспоминания были блеклыми и однообразно-неинтересными. Поэтому принципиально для себя решил: не прибегать к глянцу и ретуши, излагать события простым и доступным языком, не избегать «острых углов». Сознательно отошел от привычной для мемуаристики строгой хронологической последовательности, чтобы мой труд читался легко, просто и с интересом. А иначе - не стоило бы его и писать.

Заранее прошу прощения, если мои трактовки известных событий и оценки конкретных персоналий не совпадают с общепринятыми, кажутся вычурными, неправильными, излишне резкими. Я воспринимал людей и события именно так, и потому описал свою жизнь сквозь призму собственного видения.

Не смею больше тратить ваше драгоценное время на прочтение этого предисловия. Переворачивайте страницу и читайте рассказ человека, не мыслящего своего существования без объектива под рукой, о нашей минувшей и сегодняшней жизни - в кадре и за кадром.

С уважением,
Александр Кремко.

1

А.А.Кремко

2

А.А.Кремко

5

1

Я родился 18 мая 1944 года в селе Большая Корениха, которое расположено вблизи от Николаева. Тогда это был Варваровский (ныне Николаевский) район, а сейчас это уже один из микрорайонов областного центра. Разумеется, я всегда чувствовал и сегодня чувствую себя коренным николаевцем. Здесь родился и вырос, здесь прошли мои лучшие годы, здесь живу до сих пор.

За несколько дней до моего рождения в мае 1944 года погиб мой отец Александр Леонтьевич Кремко. Все годы войны он плавал на судах по Черному морю, и у него была так называемая бронь, освобождавшая от призыва в действующую армию. Но в сорок четвертом уже не хватало военной силы, поэтому в армию призывали всех подряд. Его забрали буквально с корабля, дали в руки винтовку – и вперед.

Д-1А

Такие новобранцы были необученными, и, как правило, погибали в первых же боях, многими тысячами, иногда совершенно неоправданно. Так было и в наших николаевских краях, в районе села Ковалевки, где погибли тысячи советских солдат, в марте 1944 года форсировавших ледяной Южный Буг. А ведь их жизни можно было сохранить. Но генералы и маршалы, руководствуясь высокими стратегическими соображениями, об этом совершенно не задумывались. Они посылали новобранцев на явную смерть, и те в большинстве своем уже не возвращались. Так не вернулся и мой отец.

2

Первые пять-шесть лет своей жизни я прожил с бабушкой в Большой Коренихе. Мама работала в Николаеве на кондитерской фабрике, навещала нас по выходным дням и старалась регулярно передавать какие-то продукты.

Д-2А

В пятидесятом году она повторно вышла замуж, и мы переехали в Николаев. Здесь в 1951 году у меня родился младший брат Валерий. Второй брак у матери не сложился. Отчим был человеком работающим, по профессии водитель, но уж больно крепко пил. Водка его и погубила. Буквально через пять лет пришлось нам с этим человеком распрощаться. Он уехал от нас, подался на заработки на Север. И вскоре оттуда пришло

уведомление, что мой отчим трагически погиб – попал то ли под поезд, то ли под вагонетку.

С тех пор мы жили втроем - брат, я и мама, которая работала не покладая рук, с утра до поздней ночи. Я оставался за старшего, смотрел за Валерой и за домом.

В 1951 году я пошел в седьмую школу города Николаева. Сразу же после ее окончания в 1961 году отправился работать на Черноморский судостроительный завод, который в те времена назывался завод имени Носенко.

Еще в школе я увлекся фотографией. Это предопределило мою профессию и всю последующую жизнь. Был у нас учитель химии, который владел этим мастерством, и когда он почувствовал, что я по-настоящему интересуюсь фотоделом, то серьезно принялся за мое обучение. На первых порах он мне дал очень многое. Мы оставались после школы, выдумывали всяческие фотографические рецепты, готовили проявители, закрепители. У него и фотоаппараты были посильнее моего. А мне тогда мама подарила первую в жизни фотокамеру – «Смену-2».

Собственно, в то время и фотоаппаратов-то других не было. Еще советской промышленностью выпускались ФЭД и «Зоркий», но они считались крутыми камерами, были не для всех доступны, не каждому по карману. А до знаменитого «Зенита» и вовсе было еще далеко. Так что пришлось поначалу снимать «Сменой».

В седьмом-восьмом классе я почувствовал, что уже имею определенный авторитет в школе: человек с фотоаппаратом тогда был в почете, потому что тогда мало кто занимался фотографией. Праздники, утренники, вечера, диспуты, торжественные собрания, - везде, где нужна была какая-то фотоиллюстрация, я появлялся со своей «Сменой» и снимал, снимал... Мне нравилось.

С седьмого по десятый класс я посещал киностудию Дворца пионеров, которой руководил Марк Наумович Трейгер. Он был и режиссером, и главным оператором, с ним мы снимали настоящими киноаппаратами. У нас был даже легендарный «Конвас-автомат». С помощью это уникального аппарата мы снимали свои первые фильмы, показывали их в городе, участвовали в различных конкурсах. Нас даже в Киев возили - на всеукраинские и на всесоюзные смотры любительских

детских фильмов. В то время наше увлечение было занятием престижным и почетным.

По окончании школы я узнал, что на Черноморском заводе есть киновотостудия. Твердо для себя решил: пойду в любой цех, лишь бы закрепиться на этом гигантском судостроительном предприятии – одном из крупнейших в стране. Затея удалась. Всего лишь через два месяца работы в тридцать девятом механическом цехе я перешел на работу в эту самую киновотостудию. По сей день благодарен Войкову Ивану Владимировичу и Воронцову Николаю Ивановичу, которые учили меня этой непростой профессии.

На заводе работа была серьезная. При сдаче кораблей тысячи снимков шли на документацию. Но, честно говоря, техническая съемка была для меня неинтересна. Куда интереснее было снимать спуски кораблей, людей в касках, корабелов, пропитанных ветром и соленой морской водой. Вот это было по-настоящему интересно!

Помню свой первый снимок в заводской многотиражке «Трибуна рабочего». Это было в шестьдесят первом году. Вижу как сейчас – фотография, на которой запечатлен известный на заводе токарь Иванов. Обычный кадр. После выхода номера, я с той газетой несколько дней не расставался. Это была первая скромная профессиональная победа, ведь я впервые увидел в настоящей, пахнущей свежей типографской краской газете свою подпись: «Фото А.Кремко».

С тех пор и по сей день, уже больше сорока лет ею подписываются снимки, опубликованные в газетах. И до сих пор бывает, охватывает волнение, когда видишь на страницах периодических изданий плоды своего труда...

Та жизнь была для меня интересной. Из двух лет работы до армии больше всего запечатлелся в памяти момент, когда я поехал в Киев вместе с членами заводского литературного объединения «Стапель» фотокорреспондентом от «Трибуны рабочего». Ее редактором тогда был Тимофей Уралов, сам, кстати, тоже литератор. Группа поэтов, отправившихся в столицу республики, подобралась очень интересная: Сережа Крыжановский, Яша Тублин и другие, всего человек восемь.

Визит в Киев запомнил на всю жизнь. Один только прием у Олеса Гончара чего стоил. Можете себе только представить: я, молодой парнишка, совсем недавно окончивший школу,

изучавший его произведения, и вдруг вижу вживую самого классика украинской литературы! Потом была интересная встреча у Павла Тычины. У меня сохранился маленький сборник его произведений, подписанный автором так: «Молодому знавцеві кіно і мистецтва Кремку від діда Тичини». Кстати, наша группа побывала у него дома в гостях – «дідусь» Тычина тогда приболел, и мы приняли решение ехать к нему на дом.

Как сейчас помню: Павло Григорович – уже сухонький старичок, – сгорбившись, накрытый огромным клетчатым пледом, после нашего звонка, даже не спрашивая «кто там?» с располагающим, самым дружелюбным выражением лица открывает входную дверь. Извиняюще улыбается и говорит: «Хлопчики мої, в мене жінка хворіє, немає навіть й чим вас пригостити», – а сам выносит огромную такую, литров на десять, плетеную бутылку вина. Поставил это вино, мы угостились, побеседовали. Он нам всем подарил свои книжки. Запечатлелось в памяти, как на прощание он все допытывался: «А у вас гроші на дорогу є? Може, вам грошенят дати? Чи, може, викликати для вас машину?» А мы в ответ смеемся: «Да какая машина, нас же много, как мы все в нее поместимся?! Павло Григорович, мы сами доберемся, спасибо, что вы нас так радушно приняли».

В жизни мне предстояло увидеть много известных людей, знаменитостей – политиков, хозяйственников, военачальников, космонавтов, деятелей искусств. Но эта встреча была первой, а потому, пожалуй, одной из самых запоминающихся.

Жизнь профессионального фотографа состоит не только из встреч со знаменитостями. Происходила в моей ранней молодости и масса других запоминающихся вещей. Скажем, работа на Черноморском заводе. Когда мы снимали спуски кораблей, всегда старались сделать красивый план. Спуск снимало несколько камер: с носа – как корпус, разрезая волны, входит в гладь лимана; с кормы – как проворачивается винт, касаясь воды; с борта – многотысячную толпу участников митинга, которая смотрит вверх и отчаянно машет руками, касками, кепками. Движение судна по стапелю продолжается всего сорок-пятьдесят секунд. Но сколько ощущений испытываешь за эти секунды, сколько прекрасных мгновений можно уловить, запечатлеть красивых и неповторимых планов. Те, кто постарше, говорили: «Да ты же молодой, а ну, давай лезь на корабль». Там, конечно, было жутковато: очень высоко,

1

далеко внизу вода, ты — один-одинешенек. И ведь нужно, чтобы потом кто-то снял меня с этого судна. Оно еще без двигателей, без управления. Буксиры его носом тычут, клюют понемногу, чтобы спущенный со стапеля корпус далеко не уплыл. На этой огромной металлической коробке еще нет трапов, сходней, словом — ничего. Как попасть на берег? Иногда меня снимали краном, другой раз карабкался по каким-то веревкам. Зато покидал спущенный на воду корпус с чувством исполненного долга. У меня получались лучшие кадры.

2

Так мы и снимали спуски. Потом устраивали фотовыставки, экспонировали свои снимки на заводе, в городе. Уже сложилась какая-то система сотрудничества с «Трибуной рабочего». Газета выходила три раза в неделю, и я должен был в каждый выпуск давать снимки. Конечно, делал я это с удовольствием. Кроме основной работы, которая мне никогда не нравилась: снимать какие-то болты, гайки, трещины в металле, - нужную для предприятия, но совершенно немыслимую для меня чепуху, - я мог позволить себе заниматься настоящим творчеством, фотоискусством. Если возникал вопрос, кто побегит что-то сфотографировать для газеты, само собой разумеется, что я бежал первым. Я знал, что через несколько дней увижу в газете свою фотографию и под ней подпись «А.Кремко». И по сей день бывает так обидно, когда видишь, что в газете забыли поставить твою подпись. В сердцах скажешь ответственному секретарю: «Ну, что же вы, ребята?» - а в ответ — «Да ты не переживай, мы при разметке твое авторство учтем, гонорар начислим». Но не всегда гонорар играет определяющую роль. А если это уникальный кадр, который бывает только раз, который уже никто и никогда не повторит? Обидно, что он идет безымянным.

3

Сегодня с моими снимками такое происходит в газете «Урядовий кур'єр». Это единственная из всех столичных украинских газет, где все репортерские фото подписываются просто и обезличенно: «Укринформ». Я считаю, что так неправильно. За этим снимком стоит конкретный человек, который может быть не один десяток, сотню километров сделал, чтобы дать вам великолепный кадр. И вы его даете, но подписываете казенной конторой «Укринформ». Сколько раз я просил такого не делать, требовал, умолял... Бесполезно!

Вот «Голос Украины» - порядочная газета. Там полностью подписывают имя и фамилию. Своя фамилия, как говорят, «на шпальтах газеты», - это всегда приятно...

Интересно, что должности фотографа на заводе не было, и по трудовой книжке я значился электриком шестого разряда. Как я боялся того электротока! Признаться, я его и сейчас боюсь. Все смеялись: шестой разряд, по идее - высочайший специалист, а ты - все, что можешь, так это выключатель нажать.

...Еще с конца пятидесятих я невольно стал любителем театра. Дело в том, что моя мама заведовала буфетом в театре имени Чкалова. Тогда в Николаеве еще не было Дворца судостроителей (ныне он стал областным Дворцом культуры), и все большие мероприятия проводились в большом зале театра им. Чкалова: партконференции, пленумы обкома партии, встречи с именитыми гостями города и области. Мама обслуживала эти мероприятия. Все товары, продукты театральный буфет получал из «Торгомортранса». Это была самая престижная торговая организация, здесь можно было попробовать супердефицитные для тех времен бананы и апельсины, всякие деликатесы. Все это выделялось и для театра. Мы с младшим братом всегда с нетерпением ждали возвращения мамы с работы. Она приходила поздно, иногда в двенадцать, в час ночи. Но всегда приносила что-нибудь вкусное, необычное.

Когда я подросток, брата стал оставлять дома, а сам ходил встречать маму с работы. Мы шли домой, я гордился, чувствовал себя защитником, и был готов заступиться за мать, если бы какой-то негодяй вздумал ее обидеть. Но в те времена особого хулиганства не было, поэтому всю ночь можно было ходить без страха, не так как сегодня.

Я знал всех артистов, они знали меня. Мама была очень красивой, относилась к ним по-доброму. Ее все любили. А я рос как сын театра, смотрел многие спектакли, знал все роли, все реплики, их очередность. В то время на сцене николаевского театра блистали народный артист Сабуров, мастерские исполнители Кучинский, Жабин, Иванов, Гутров, Подьякова, Квасенко и многие другие. Публика, истинные театралы ходили не просто на спектакль, а конкретно на того или иного артиста. Я любил во время спектакля подглядывать за кулисами, в гримборной. Смотрел, как готовятся артисты к выходу на сцену,

помогал, исполнял различные мелкие поручения, мотался до поздней ночи.

Актеры, даже заслуженные и народные, жили небогато. Мама это понимала, у нее была секретная тетрадь с фамилиями актеров, бравших товары в долг. Почти каждый приходил и просил: «Катюша, запиши меня в тот журнал до зарплаты». И она с пониманием отпускала им в кредит, за что они были очень благодарны, и я ощущал эту благодарность даже по отношению к себе.

В начале шестидесятых я подружился с Леонидом Бакштаевым. Он приехал к нам из Белоруссии вместе со своей очаровательной женой Машенькой Федорович. Это была звездная по николаевским меркам пара. Зал театра во время спектаклей с их участием всегда был переполнен. В фойе и летнем сквере театра во время антракта медленно прогуливались пары в длинных вечерних платьях, причем некоторые по старомодному держали в руках вееры. Остро пахло духами.

С Бакштаевым мы крепко сблизились, бывали друг у друга дома. Наши судьбы похожи. У него тоже в войну погиб отец, воспитывал его дед. Он окончил институт и по направлению отправился на работу в Николаев. Путь себе прокладывал сам, без протекции и поддержки со стороны. Машенька была красивая, с милым личиком и длинной косой, часто играла в спектаклях детские роли. После спектакля мы с Леонидом выходили через служебный вход, где его, как правило, ждала группа поклонниц. В основном это были молодые девчонки, даже старшеклассницы. Мы шли вместе – я тогда заканчивал школу - и рядом с таким популярным актером я чувствовал какую-то гордость, словно я тоже причастен к его успехам. Хотя, конечно, моей заслуги в этом не было никакой, но нас встречали с цветами, и думали, что я тоже артист.

Наверное, все девчонки Николаева тогда были влюблены в Лешку Бакштаева. Это отношение я однажды почувствовал на себе даже в школе. Наши девочки, зная о нашей дружбе, попросили пригласить его в школу. Лешка без проблем согласился. Пришел, показал несколько сценок, прекрасно прочел стихи, спел, сыграл на гитаре. Встреча имела ошеломляющий успех, и я тут же почувствовал, как вырос в глазах классных барышень.

Все эти встречи, походы по городу сейчас, наверное, произвели бы такое впечатление, словно в Николаев приехала звезда мирового уровня. Это был мой первый взрослый друг, старше меня лет на пять. Расстались мы с ним в 1963 году, когда я уходил в армию. К тому времени Леша настолько вырос, что в Николаеве ему уже стало тесно. Его приглашали ведущие театры Украины. В итоге он оказался в театре имени Леси Украинки в Киеве. Больше мы почти не виделись. Однажды только вместе встретились, когда я уже работал в газете. Мне удалось побывать у него дома, хотя он был очень занят, много играл в театре, часто снимался в кино. Через некоторое время я с прискорбием узнал, что Леши больше нет. Он умер.

Время летело, и вот подошел 1963 год. Осенью пришлось собираться в армию. Тогда это было намного почетней, нежели сейчас. Проводы в армию были настоящим праздником, это было здорово, хотя были и слезы, и никто не знал, куда ты попадешь, как сложится твоя судьба. Сейчас служат в двадцати километрах от дома и стараются каждую неделю попасть к родителям. У нас такого не было.

Моя армейская дорога была длинной. Я служил в Беларуси. Туда мы добирались больше недели. Эшелон начал формироваться в Николаеве, потом прицепили вагон в Херсоне, вагон в Одессе, пошли на север Украины, собирали призывников где-то под Киевом, и только примерно на седьмые сутки мы оказались в Белоруссии, в районе города Поставы. И вот все эти три года я прослужил в Поставах. Это Витебская область, прекраснейшие места, леса, сосны — по двадцать пять, а то и все тридцать метров.

Служили мы в ракетной части. Вся наша служба была невероятно секретной. У меня даже на петлицах были танки, будто я танкист, и служу в танковой части. На деле за эти три года я ни разу не видел настоящего танка.

Там я прослужил ровно три года. Интересно, что 15 сентября 1963 года меня призвали, и ровно через три года, день в день, 15 сентября 1966 года я вернулся домой.

Перед призывом в армию для меня самым страшным было то, что я на целых три года могу лишиться своего любимого дела.

1

А.А.Кремко

2

А.А.Кремко

В то время начали развиваться ракетные войска, секретные службы. Все шло к тому, что на период службы о таком увлечении как фотография придется забыть. А вычеркнуть три года из своей творческой биографии мне было как-то не по нутру. Ведь я только почувствовал, что такое пресса, вошел во вкус, у меня стало по настоящему получаться. И тут, когда ты стремишься вперед, хочешь идти дальше, тебе говорят: все, здесь край, дороги дальше нет.

Сегодня у меня в лаборатории стоят маленькие гиры, которым больше сорока лет. Я ими давно не пользуюсь, для меня это как талисман, который намотал вслед за мной тысячи километров. А началось все с того, что, отправляясь в армию, я на всякий случай собрал посылку и сложил туда необходимые химикаты, весы-разновесы, которые могли бы пригодиться для фотодела. Все это тщательно упаковал и оставил маме. Договорились так, что если я спишусь и сообщу, что у меня с фотографией все наладилось, мама мне быстренько вышлет эту посылку по указанному адресу.

Посылка с фотографическими принадлежностями потребовалась мне очень скоро...

Ехали мы, значит, семь суток. И вот, наконец, прибыли в место назначения. Все вышли из поезда, построились поротно. Стоит нас человек четыреста новобранцев, и тут приходят офицеры, так называемые «покупатели». Сразу ищут, кто им нужен. Нужны музыканты, спортсмены, один-два писаря с хорошим почерком, художники, оформители комнат боевой славы. Я стою, терпеливо жду. И вдруг спрашивают: «Кто занимался фотографией?». Отвечаю: «Я!». Поднимают мое дело, внимательно читают: Черноморский завод, фотограф. И набросились...

В то время начинался обмен комсомольских билетов. Как привезти в сверхсекретную ракетную часть фотографа из города? Запрещено категорически. Наша часть насчитывала около пятисот человек. Всех нужно было переснять, а дело это хлопотное, возить в город тоже нельзя. Нас даже в увольнение за пределы части почти не пускали, куда там, - боевое дежурство! Это переоформление документов могло растянуться на несколько лет. Значит, чтобы выйти из этой нелепой ситуации, нужен кто-то из своих. И тут я замполиту предлагаю: давайте

попробуем, натянем простыни в библиотеке, и будем фотографировать.

И я начал снимать. Днем фотографировал, ночью печатал, утром ходил на подъем, маршировку, пробежку, и потом вновь садился за работу. Народу было много. Помимо основной работы, я делал ребятам фотографии для отправки домой. Случались и курьезы.

У нас в воинской части было человек сто узбеков. Один из них, прослуживший ровно три дня, приходит ко мне: «Слусай, друх, сними меня». Тут он снимает плащ-палатку, я как глянул – так и обомлел: на кителе у него в три ряда значки: отличник, гвардеец и бог знает что еще. А он только в часть попал, гвардейцем быть ну никак не может. А тот узбек лопочет: «Понимаешь, весь аул придет, моя мать им покажет фото, а ей люди скажут: «Какой у тебя Хаджиев герой!»

Я его снял, конечно, да и вообще делал фото всем желающим. На это уходили дни и ночи, потому что, кроме маленьких документальных снимков, каждому нужно было сделать снимок на память, каждый хотел отправить свою фотографию домой. Я и себя снял, тоже домой фото послал. Но не сразу, лишь когда научился подворотнички подшивать, на это у меня недели две ушло. Пальцы исколол, но сделал все красиво, потому что моя мама тоже наверняка покажет снимок на работе, знакомым.

Так и прошел в воинской части мой первый «карантинный» месяц. Мне откровенно повезло. У нас был хороший замполит, фронтовик, майор Михаил Иванович Демченко, «дядя Миша», как мы называли его между собой за глаза. Замполит понял, что боевая единица из меня вряд ли получится, зато куда больше пользы я принесу на таком вот общественном поприще. И я попал сначала в библиотеку, а потом на почту. Там раньше работали вольнонаемные женщины, но наш дядя Миша, человек прогрессивно мыслящий, решил, что незачем людей в такую даль из города возить. Стал я заведующим библиотекой и почтой. Два раза в неделю мне давали машину, и я ехал в город, чтобы получить посылки и корреспонденцию.

После страшной колючей проволоки в три ряда, город был настоящей отдушиной для юной солдатской души. Можно было одеться чистенько, аккуратненько, выполнить кое-какие заказы ребят, затарить для замполита краску. Наш дядя Миша сильно любил краску. «Где бы ты, - говорил он, - ни увидел банку

краски, быстренько ее забирай и неси в часть. Краска нам всегда пригодится».

В то время я уже подружился с ребятами из Прибалтики Генрихом Салдукасом и Сашей Савицкасом. Один из них был телемастером, а другой художником. Телемастер по тогдашним меркам был человеком богатым, ведь телевизоры только появились. Он был у меня в подчинении, но я его не видел неделями. То Генрих уехал в Клайпеду, то в Вильнюс – нужны запчасти для телевизора. Воинские части в бытовом плане в то время были небогатые, имели всего лишь по одному-два телевизора, а запчастей не было. Поэтому Генрих и ездил в командировки.

Они были литовцы, а я один – украинец. Они все пришли в армию специалистами – кто художник, кто музыкант, кто медик, кто телемастер. Я старше их по званию, уже ефрейтор. Мы собирались вечерами и начинали всякие дискуссии. Как они злобно тогда относились к советской власти, к армии. И все меня допытывали: «Зачем нам твоя советская власть, кто вас просил нас освободить? Мы бы пришли из армии и открыли телемастерскую, картинную галерею, у каждого было бы свое частное дело» Эти слова я запомнил на всю жизнь. Уже значительно позже, в восьмидесятых, побывав в Прибалтике, я увидел, насколько отрицательно люди здесь относятся к советской власти и коммунизму.

Через какое-то время я стал начальником клуба. Мне подчинялась почта, библиотека, киномеханики. Получил звание старшины, ребята меня еще больше зауважали. А главное, что теперь я стал и получать больше. Если у солдата было денежное содержание 3 рубля 80 копеек, то мне полагалось 20 рублей 80 копеек. Разница существенная. Впрочем, в итоге все деньги шли в общий котел.

Запомнилось, как офицеры на две недели заступали на боевое дежурство. На две недели молодые ребята садились в бункеры или возле ракет. Тяжко им: семьи нет, выйти неуда, сидишь, словно на привязи.

По договоренности с военным кинопрокатом в среду, субботу и воскресенье я мог прокрутить фильмы. Но не больше. В основном давили на политзанятия. Сначала два часа занятий, а потом, может быть, будет фильм. Мол, прежде всего надо заниматься, работать над собой, учить Уставы, знать

моральный кодекс строителя коммунизма. Как сейчас сказали бы, нас всех просто задолбали.

А фильмы шли. Брал я их в городе. Происходило это примерно следующим образом.

Приезжаю на Поставский вокзал, где поезд не стоит больше двух-трех минут. Мне быстренько выбрасывают коробки с лентами, по шесть коробок в одном ящике, каждая часть фильма на бобине по семь-девять минут. Читаю: «Александр Пархоменко». Что же это такое, я его уже пятнадцатый раз получаю, сколько можно одно и то же крутить?! Мы ведь не в сумасшедшем доме! Начинаю думать, как быть.

И вот я снова выезжаю в город, захожу в магазин, беру несколько бутылок водочки, благо у старшины зарплата посерьезнее солдатской, и отправляюсь в самый крутой кинотеатр Поставы. А населения там тысяч двадцать-тридцать, маленький городишко. По сути, это военный городок: вокруг воинские части, а начальство живет в Поставах.

Короче, прихожу я к киномеханикам и объясняю ситуацию. Мужики, говорю, к нам в часть постоянно приходят одни и те же фильмы, то «Чапаев», то «Александр Пархоменко». Солдаты уже просто дуреют, сколько можно это смотреть? Угощаю киномехаников, ставлю магарыч, задружился, и все как по маслу: «Нет проблем, дружище, бери картину, какую нужно».

Но проблемы все-таки были. Городской кинотеатр получал фильм в шесть, а уже в одиннадцать вечера должен был отправлять его поездом. Киномеханик в Поставе начинал показ в семь, а я в восемь. И вот две машины курсировали между городом и воинской частью — это все-таки двадцать километров, не шутка! — и киномеханик оперативно отправлял мне ту часть фильма, которую он уже прокрутил у себя, а мы возвращали обратно то, что уже показали в клубе. К одиннадцати весь фильм исправно передавали на поезд.

Один раз привезли двухсерийную индийскую киноленту «Бродяга». Пришлось двум машинам гонять в два раза больше обычного. Хорошо еще, что на этот раз фильм нужно было возвращать не вечером, а утром. Водители и повара из столовой, которые не успели его посмотреть, попросили сделать для них исключение и показать фильм еще раз после отбоя. Мы его открутили и продемонстрировали снова. А рано утром скоренько повезли в Поставы. С оперативностью

возврата ленты дело было поставлено строго: не дай бог, один раз подведешь, не успеешь - больше никогда в жизни тебе ничего не дадут.

У меня никогда не было проблем с уборкой клуба. После каждого фильма весь клуб натирался мастикой. Обычно с этим вопросом завклубам бывает тяжело: только фильм закончился, и все как мыши разбежались по казармам. Попробуй, потом заставить кого-нибудь убирать. Со старшиной приходится ходить и искать десять-двенадцать человек, которые бы после киносеанса привели зал в порядок. Но у меня было железное условие: если вы смотрите фильмы не из военного проката, а те, что удастся достать мне, используя личные связи и, кстати говоря, собственные деньги, то, будьте любезны, наводите порядок в клубе без уговоров и принуждения. Иначе опять будет «Чапаев» и «Александр Пархоменко». Людей уговаривать не приходилось. На сеансах народу набивалось столько, что сидели даже на окнах, буквально висели друг на друге. Но после показа десятка полтора солдат оставались наводить марафет. Чистота в клубе была идеальная, пол блестел.

Однажды, когда на дежурство по части на две недели заступил дядя Миша, он пришел и просит: «Ты знаешь, хотелось бы посмотреть что-нибудь эдакое, для офицеров». Я отвечаю: «Нет вопросов, машина ваша, кино - наше». Я на машину в город, достаю хороший фильм. Но привез что-то такое, - названия уже не помню, - что по линии замполита для показа в армейской части считалось нежелательным. После того, как фильм показали, он меня вызывает и предупреждает: «Запомни, начинается в сентябре демобилизация, а ты из всего призыва уезжаешь самым последним, в конце декабря, за то, что всю массово-политическую работу перечеркнул своими фильмами». Ну, все, думаю, снимет он старшину Кремко с должности начальника клуба. Спасло то, что дядя Миша был человеком отходчивым, и стоило принести ему очередную банку краски, как инцидент был исчерпан и благополучно забыт.

И все же, несмотря на все наше к нему расположение, чувствовалось, что дядя Миша обыкновенный солдафон. Раз, когда я выезжал в город, обул новенькие хромовые сапоги, которые мне оставил демобилизовавшийся друг. На КП неожиданно столкнулся с дядей Мишей, страшно не

любившим нарушения формы. И что вы думаете? Он берет ножницы и обрезает мне голенища, превращая шикарные сапоги в клоунские полуботинки. Причем проделывает эту унижительную процедуру с такой злостью, что, казалось, еще чуть-чуть - и он мне ноги отрежет. Тут и машина подоспела, но я никуда не поехал. С порезанными сапогами отправляться в город смешно. Вернулся в часть, в тот день кино не показывал.

Вечером дядя Миша, видя мое угнетенное состояние, смягчился: «Ты сильно не переживай, ты же эти сапоги не покупал. И вообще, если уж форму нарушаешь, то не при всех, чтобы другим пример не подавать».

Служба шла, и благодаря той самой маминой «фотографической» посылке, я продолжал снимать, начал оформлять снимками стенды батальона, полка. Однажды, когда шел технический осмотр транспорта, я смотрю - из-под колес какого-то огромного армейского КраЗа выглядывают две ноги. Проходя мимо, шлепнул торчащую ногу по сапогу: «Служивый, ремонтом двигателя занимаешься? Давай я тебя сниму, задание замполита». Он потянулся вперед, вылез и сел возле колеса.

Ну красавец! Набок пилотка, лицо чумазое, видно маслом перепачкал, когда пот утирал, и на этом замурзанном фоне буквально блестят ярко-белые зубы. Я крупным планом снял его «Зенитом-ЗМ», который к тому времени уже был у меня в распоряжении, причем с объективом «Индустар-50». По тем временам – шикарная оптика. Да и сейчас, хотя техника шагнула далеко вперед, такой оптики не найти. Парень получился прекрасно: он был небрит, на бородке выделилось несколько резких волосиков плюс резкие волосы на голове, широкая улыбка, на боку пилотка. Я назвал снимок «Гвардии рядовой».

Позже я напечатался в одном литовском журнале. Сделать мне это предложили мои литовские друзья. До этого я нигде кроме «Трибуны рабочего» не публиковался. Хотелось, конечно, попасть в «Советское фото», но это было нереально – там все свои, сплошные корифеи. И вот своего «Гвардии рядового» я отправил в это литовское издание. Прошло время, я уже и думать забыл об этом снимке, и вдруг мне прямо из издательства присылают на память журнал с моей фотографией чумазого солдата. А к журналу гонорар, равный моей месячной старшинской зарплате.

В рамках какого-то конкурса портрет этого солдата поместили на журнальном развороте рядом со снимком грустной старухи в черном, называвшемся «Портрет матери». Развороту дали общее название «Как тебе послужится, сыночек?» или что-то в этом роде.

В журнальном конкурсе я занял далеко не последнее место. Радость была огромной. Да и с друзьями погуляли неплохо – за счет гонорара.

Этот замечательный снимок выручал еще не раз. Но об этом позже.

Через год службы я получил поощрительный десятисуточный отпуск на родину за отличное участие в подготовке к проведению партконференции ракетной армии, стоявшей в Смоленске. Как я мчался домой! До Минска – поездом, из Минска в Одессу – самолетом, из Одессы – машиной. Сколько было радости от встречи с семьей и любимой девушкой, будущей женой. С барышней своей – Натальей Николаевной Алексеевой - я познакомился еще до армии на Черноморском заводе, где она была лаборантом, а я фотографом. С Наташей мы дружили до армии, потом она очень часто писала мне письма в часть, я с удовольствием отвечал.

Дома был дорог каждый час: мать, брат, любимая девушка, друзья и знакомые. Чувствовал себя уже совсем другим человеком, выпорхнувшим из родительского гнезда, и теперь уже достаточно самостоятельным, настоящим мужчиной. Вскоре пришло время возвращаться.

Наш полк был показательным. Через несколько месяцев после отпуска прошел слух, что планируется показательный смотр ракетных войск и к нам в часть приедет сам маршал Крылов, командующий ракетными войсками. Что интересно, тогда в армейской системе такого рода войск как бы еще не было, и Крылов официально считался маршалом авиации.

Вызывает меня к себе командир полка полковник Буханевич и дает команду снять высокого визитера. Мое дело маленькое: приказано – выполняй.

И вот я на встрече командующего ракетными войсками. Стоят рядом маршал Крылов и командир нашей дивизии генерал Фронтов. Оба огромных размеров, здоровенные мужики, фронтовики. А рядом я – молоденький ефрейтор с фотоаппаратом. Это сейчас удобно, надел телеобъектив - и

снимай себе крупным планом хоть с двадцати шагов. А тогда с «Индустаром-50» я должен был подойти близко.

Скажу честно: руки дрожали. Я как увидел эту маршальскую звезду на погонах, эти литые сапоги, которые, как казалось, вросли в ноги и не снимаются, начал покрываться потом и дрожать мелкой дрожью. Я даже боялся, что снимки выйдут нерезкими. Рядом стоят солдат и маршал. По тем временам нечто необыкновенное. Это потом я понял, что мы, фотокорреспонденты, всегда должны идти рядом и даже немного впереди – впереди маршалов, секретарей ЦК, генеральных – нам же нужно как-то их снимать.

Через какое-то время страх перед маршальскими звездами прошел, стало полегче.

Мне нужно было не только сфотографировать, но оперативно сделать ему фотоальбом. Сейчас это просто, а на то время такая задача была очень сложной, трудновыполнимой. В четыре часа маршал улетает, к этому времени я должен завершить свою работу. Мне дали машину, помощника. Хоть и поволновались изрядно, но все успели точно в срок. Поехали на аэродром к маршалу. На всякий случай меня тоже посадили в машину. Приехали, капитан вышел из машины, передал альбом командиру полка, тот – командиру дивизии генералу Фронтову. Генерал вручил альбом маршалу. Командующий уставился на альбом с нескрываемым удивлением. Видимо, раньше ему такого никогда не делали. С Крыловым уже прощались, повсю работали двигатели самолета, а тут он неожиданно остановился возле трапа и с интересом начал листать альбом, рассматривать фотографии, запечатлевшие его пребывание в воинской части. Все замерли: вдруг маршалу что-то не понравится.

Но все обошлось как нельзя лучше, в том числе и лично для меня. Маршал подзывает к себе полковника в форме летчика. Тот вынимает блокнот, что-то пишет, потом разворачивается и идет прямо к машине, в которой сию я. Подходит, вынимает блокнот и, не глядя на меня, спрашивает: «Вы в отпуске были?» Тут, должен сказать, мне стало страшно признаться, что совсем недавно я вернулся из отпуска в Николаев. Я словно онемел и молча смотрел на него. Он записал мою фамилию, воинскую часть.

Утром на следующий день после отлета маршала звонок в батальон: ефрейтору Кремко срочно явиться в строевую часть. Прихожу, и мне объявляют телефонограмму: наградить десяти-суточным отпуском. Представляете, каким героем я вернулся в батальон! Правда, некоторые сослуживцы смотрели на меня как на подлеца: уже второй раз за несколько месяцев едет домой, а мы служим второй год, а еще родных не видали.

Второй раз я никого из домашних не предупреждал, приехал неожиданно, как снег на голову. Мама перепугалась: «Неужели тебя из армии выгнали?!» А я смеюсь, заливаюсь от хохота: «Нет, честно заработал отпуск своей профессией, своим любимым делом».

...Служба в армии дает очень много. Человек закаляется, привыкает к дисциплине, появляется чувство ответственности. Все это здорово помогает в дальнейшей жизни. В то время не было дедовщины. Если где-то подобное происходило, всем тут же становилось об этом известно и зачинщиков неуставных отношений ждало суровое наказание. Да, бывало, что старослужащие дурачились, подшучивали над молодежью, но все это по-доброму покровительственно. До такого безобразия, как сейчас, никогда не доходило.

Были случаи, когда вся казарма – триста человек – целую ночь смеялась. Натягивают хлопцы на себя одеяла и ночь напролет гогочут. Такие мы откалывали шутки. Вот один из примеров.

Был у нас один парень – писарь: самый маленький, хиленький, худенький, к армейской дисциплине не приучен. У него не было ни подъема, ни отбоя, ходил себе как гражданский. Наши койки были двухъярусными, и он спал на втором ярусе. Однажды мы, забавы ради, забросили ему на кровать 32-килограммовую гирию и сверху прикрыли одеялом. Все затаились и ждем, когда появится наш писарь. Вот он приходит, снимает одеяло, начинает тягать эту гирию по всей кровати, а снять ее не может. Он мучается до слез, а казарма хохочет. Потом, конечно, его пожалели, гирию сняли, но успокоиться все равно не можем, смеемся как заведенные. Весело было...

Ну, это ерунда, молодость. Хотелось каких-то шуток, какого-то веселья. Однако ни над кем всерьез у нас в части не издевались.

...После демобилизации долго не разгуливал. Отдохнул несколько дней и пошел на завод к старым друзьям. Кроме того, с учетом предъявленных работ, меня приняли в фотоклуб.

Фотоклуб - это вам не любительский кружок, а серьезная контора. Там работали известные в городе профессионалы: Акимов, Ковальский, Лифанов, Фортус, Королев. При поступлении, когда требовалось показать лучшие работы, представил я, как вы догадываетесь, своего «Гвардии рядового». Я его, как говорится, вылизал, увеличил большим форматом и отпечатал на хорошей бумаге. Меня приняли без лишних слов, и почти сразу, буквально через две недели, я с «Гвардии рядовым» занял первое место на выставке фотопортрета.

Вскоре мне посчастливилось съездить в Москву на выставку «Интерпрессфото-66». Это была премия за победу на выставке. Ох, как мы туда стремились, сколько увидели всего нового, интересного. Я впервые в жизни попал на столь представительную экспозицию. Здесь можно было увидеть весь мир в миниатюре. Мы с интересом изучали работы, технику печати, лучшую зарубежную аппаратуру. У нас в Союзе больше всего выделялись работы прибалтийцев. Это мощные ребята, профессионалы, работали очень крепко.

Поскольку взять и обойти выставку за один раз, было невозможно, мы посещали ее ежедневно в течение недели. Каждый день брали какой-то участок зала, внимательно изучали. Было очень интересно сравнить, что ты можешь, а что нет. Я узнал новые профессиональные «фокусы», изучил технику работы многих всемирно известных мастеров.

Вернувшись из Москвы, случайно встретил Константина Васильевича Дудченко, фотокорреспондента ТАСС-ПАТАУ по Николаевской области. Я его знал еще до армии и любил сопровождать по заводу. Меня к Дудченко приставлял первый отдел предприятия. Хотя его прекрасно знали, всем было известно, что он представляет солидное государственное информгентство, но завод входил в систему военно-промышленного комплекса, и здесь было много вещей, которые категорически запрещалось снимать.

У него был «Пентафлекс», «Никон», сменная оптика к нему. Я смотрел, как он это все снимает, меняет объективы, и у меня просто слюнки текли при виде такой шикарной фототехники. Мы с ним пропадали на территории предприятия целыми днями,

излазили все корабли, стапели, краны, причалы. Это именно он научил меня находить необычные точки для съемок. Ведь то, что видно с уровня глаз, видят все, кто приходит на завод. А вот если залезть на кран, на высоту метров двадцати, снимки действительно получаются яркими, необычными. Далеко не каждый может попасть туда, чтобы кинуть взгляд вокруг, осмотреться и увидеть то, что можем увидеть мы. Донести до зрителя именно такую необычную картинку – высший шик нашего ремесла.

В газете печатать такие снимки было очень трудно. Типографию курировала организация, называвшаяся обллит, и контролировала все материалы, выходившие в печати. Здесь мне как-то раз искренне пообещали: если залезешь выше уровня пятого этажа, и что-нибудь сфотографируешь, мы тебя мигом в тюрьму засадим. У них были дурацкие формуляры, принятые еще чуть ли не в тридцать седьмом году. Иной раз доходило до абсурда: тот дом снимать нельзя, потому что в двадцати километрах за ним стоит подземная ракетная установка. Как будто ее кто-то видит...

И вот, проходя по центральной улице города – Советской, встречаю Константина Васильевича. Он неспешно прогуливается, беретик на бок – по тогдашней моде. И он мне рассказывает, что у нас в Николаеве создается своя комсомольская газета «Ленінське плем'я». Дело в том, что раньше региональная молодежная газета «Комсомольская искра» выходила в Одессе сразу на три области: Одесскую, Николаевскую и Херсонскую. А теперь у нас будет своя молодежка, николаевская.

Дудченко рассказал, и спрашивает: «Пойдешь?»

Конечно, расставаться с заводом было страшновато. Но я, долго не размышляя, ответил: «Согласен». Это была моя мечта со школьной скамьи, это был шанс.

Константин Васильевич предупредил, что в газету уже подбирали несколько человек. Редактор – Павел Петрович Куляс.

Куляс стал моим первым в жизни редактором. Он сидел в отделе пропаганды на пятом этаже здания обкома партии. Меня к нему привел Дудченко, и я впервые переступил порог обкома. Куляс – серьезный дядька – глянул на меня сурово и спрашивает: «Какие у тебя есть работы?» Как и водится, я в очередной раз взял своего любимого «Гвардии рядового»... Я хорошо помню глаза Павла Петровича, когда он несколько

минут молча рассматривал снимок, - а нужно заметить, что этот дядька знал толк в фотографии, - и потом деловито выдал: «Завтра в девять утра подойдешь на второй этаж «Южной правды». Там два сотрудника уже есть. Будешь третьим».

Я понял, что меня взяли. И опять меня выручил мой любимый «Гвардии рядовой».

На следующий день с интересом отправился в «Южную правду» посмотреть на своих новых коллег. Вижу, сидят двое хлопцев на плюшевых диванчиках. Один такой важный, в очках. Это оказался Саша Глушко. А с ним сидел Володя Куйбарь, которого сегодня уже нет с нами. Саша Глушко окончил Киевский университет, факультет журналистики, работал в новоодесской районке. Здесь он стал заведующим отделом пропаганды. Тогда ему было двадцать семь, и он уже казался для меня профессором.

Мы мгновенно сдружились. Набирали кадры, каждый день кто-то подходил. Одни исчезали – видно, не подошли, другие оставались. Среди оставшихся был Виталий Карпенко. Буквально через год после появления газеты, Куляс ушел работать в ЦК КПУ, и редактором газеты стал Александр Глушко. Мы проработали года три-четыре - и Глушко уходит на учебу в Академию общественных наук при ЦК КПСС. Потом редактором становится Виталий Карпенко - и уже через два-три года едет в ту же самую Академию общественных наук при ЦК КПСС. Вот такие были ребята!

Я регулярно выписывал себе липовые командировки и ездил к ним в Москву. Возил ребятам сало и варенье. Приезжаю, и наблюдаю, как они учатся. Все было чинно: полная самостоятельность, отдельные комнаты, пишущие машинки, оба готовят диссертации. По окончании академии они автоматически становились кандидатами наук. Мне посчастливилось побывать у обоих на выпуске.

Первый номер нашей молодежной газеты вышел 1 января 1967 года. В том же году, но позже, 14 октября, я женился на моей терпеливой Наталье Николаевне, с которой к тому времени встречался уже шесть лет. Жизнь потекла по-другому.

Жили мы с мамой, своей квартиры не было. Через год-два нам выделили на редакцию общую четырехкомнатную квартиру. Там поселились мы и Витя Кравченко с женой и дочкой Анжелкой. Эта квартира, в которой жили сразу две семьи,

располагалась на улице Парковой, возле парка Ленинского комсомола. В это время там как раз началось строительство кинотеатра «Юность». Мы прожили там до 1971 года, пока я не получил отдельную квартиру.

На Парковой наши семьи ютились в малогабаритных комнатах, у нас была одна, у Кравченко две, с учетом маленькой дочки. Четвертая комната была общей, и в шутку мы ее окрестили Ленинской комнатой. Мы жили одной семьей: вместе работали, вместе отдыхали, наши женщины вместе готовили на одной кухне. Были молодые, немножко гусарили, ездили в командировки по районам области. Тогда в районах шли соцсоревнования, а наша область соревновалась с соседней Херсонской и Ставропольским краем.

В жизни, как известно, бывает всякое. А потому приятные воспоминания соседствуют с грустными, да и попросту нелепыми историями. С этой квартирой в Ленинском районе у меня связана одна малоприятная история. Точнее сказать, не с самой квартирой, а с местом жительства, из-за которого я оказался приписан к Ленинскому районному военкомату Николаева.

В Ленинском райвоенкомате служил майор по фамилии Волков. Я тогда уже учился в пединституте, и у нас военные сборы иногда совпадали с сессией. Этот майор из-за чего-то на меня взъелся, и по сей день не знаю, из-за чего. Подошло время сессии, и вдруг повестка: явиться в военкомат для прохождения воинских сборов. Иду к нему в райвоенкомат, показываю документы, объясняю, что я студент и у меня сессия на носу. Он ничего не хочет слушать, отбирает у меня военный билет и дает предписание: через два дня явиться на сборный пункт для отправки в одну из воинских частей Крыма, где мне предстоит совершать тренировочные прыжки с парашютом. Я ему говорю, что служил в ракетных войсках, и мне все равно, что с парашютом, что без него – я никогда в жизни не прыгал. А он в ответ с ехидцей в голосе: «Научим».

Думаю, а дальше как? Мало того, что прыгать с парашютом – это ладно, даже интересно будет испытать себя. А вот как в институте? Все сдадут сессию, а я, как дурень, буду потом бегать и сдавать «хвосты». Попробуй объяснить преподавателям, что не по своей воле сессию пропустил.

Выручила любимая профессия. Я вспомнил, что девятого мая на День Победы у вечного огня на могиле участников десанта под командованием старшего лейтенанта К.Ф.Ольшанского снимал тогдашнего облвоенкома генерала Чуднова. Он меня не видел, я снял его издали «телевиком»: вижу, идет симпатичный генерал в парадной форме, с гвоздикой в руке, и ведет за собой внука лет четырех. Как не запечатлеть такую трогательную картину?

Теперь я решил проявить военную хитрость – подарить генералу эти фотографии, а заодно разобраться со своей проблемой. Я слышал, что по закону во время сессии студентов не должны призывать на сборы прыгать с парашютом и с кирпичом в вещмешке, как стращал меня военкоматовский майор.

Точно, нашлись в моем архиве эти фотографии. Причем не один или два снимка, а целая серия – как он идет, как возлагает цветы, как разговаривает с внуком. Собрал я все снимки и пошел к старому генералу. Решил, что расскажу ситуацию и поинтересуюсь: если Волков прав, нет вопросов – я человек законопослушный, отслужу как надо и вернусь. Но если не прав...

Прихожу к военкому, подарил серию снимков. Генерал остался доволен, это действительно был его внук и в тот день его больше никто не фотографировал. Он радостно рассматривал фотографии, и потом вдруг спросил в упор: «Может, у молодого человека какие-то проблемы?»

Я рассказал свою проблему и спросил, имею ли я право вовремя сдать сессию, вместо того, чтобы после службы в ракетных войсках прыгать с парашютом. Генерал говорит: «А мы сейчас получим ответ от самого майора Волкова». Нажимает кнопку на пульте, соединяющем его со всеми военкоматами области, и спрашивает: «Товарищ майор, если сессия совпадает со сборами, что отменяется?» Бравый голос в трубке звонко отвечает: «Сборы!». «Так вот, - продолжает генерал, – верните лейтенанту запаса Кремко его документы. Он сейчас будет у вас». Тот рявкнул: «Есть!», - и кинул трубку.

Когда я прибежал в военкомат, выскочил этот майор, красный, словно вареный рак, швырнул мне документы и злобно прошипел: «Не хотел в Крыму прыгать с парашютом, теперь будешь у меня служить вместе с белыми медведями».

Но с белыми медведями служить не пришлось, да и самого майора Волкова мне уже лицезреть больше не довелось. Спас случай. В конце года я получил квартиру в Центральном районе Николаева. А в Центральном райвоенкомате Волковых не было.

Сейчас вспоминаешь то время, и становится обидно. Обидно, что мы многое потеряли - одно разрушили, а другого так толком и не создали.

Мне по жизни повезло с хорошими людьми в руководстве николаевского комсомола: Леонид Гаврилович Шараев, Иван Трофимович Грицай, Николай Петрович Белоблоцкий, Юрий Васильевич Попович, Галина Васильевна Тазарачева. Сейчас, когда годы прошли, понимаешь, что эти люди, не делая больших ошибок, шли по жизни смело и уверенно, профессионально занимались доверенным им делом. Они были интеллигентны и просты, доступны для общения, отличались деловитостью и уважительным отношением к подчиненным. Мне, как и многим другим николаевцам, они запомнились порядочными, скромными и компетентными руководителями.

С большой теплотой вспоминаю Владимира Александровича Васляева, который впоследствии стал первым секретарем обкома партии и занимал этот пост до самой смерти. Сегодня много ругают коммунистов, но я уверен, что если бы все коммунисты были такими, как Васляев и другие, подобные ему, честные и принципиальные люди, то жизнь у нас была бы совсем другая, и судьба страны сложилась бы иначе, не в пример тому, что мы сегодня имеем.

В 1968 году на бюро обкома комсомола меня утверждали на работу в редакции. Первым секретарем был Шараев Леонид Гаврилович. Позже он почти десять лет работал первым секретарем обкома партии.

Иван Трофимович Грицай и Юрий Васильевич Попович. Один был секретарем обкома, а другой – заместителем председателя облисполкома. Николай Петрович Белоблоцкий – закончил Академию общественных наук при ЦК КПСС, работал в Киеве, уже после распада Союза стал министром, вице-премьер-министром, руководителем администрации

Президента Украины, потом был назначен на должность посла Украины в столице Российской Федерации. И по сей день мы остались с ним хорошими друзьями.

Или вот мои коллеги по молодежи. Саша Глушко сегодня главный редактор журнала «Вітчизна», секретарь Союза писателей Украины, профессор, преподает в Киевском национальном университете. Виталий Карпенко, в свою очередь, был народным депутатом Украины, главным редактором уважаемой столичной газеты «Вечерний Киев», сегодня также занимается преподавательской работой в Киевском университете.

Я с большим уважением вспоминаю Якова Петровича Погребняка. Он всего два года был первым секретарем Николаевского обкома партии, но его человеческое отношение к людям осталось в памяти тех, кто его знал в те годы, на многие десятилетия. Вот, казалось бы, ну что я для него? Бегаю себе фотограф, ну и пусть бегают... Но я на всю жизнь запомнил одну сцену, когда его провожали в Киев секретарем ЦК Компартии Украины. В аэропорту по моей просьбе все стали у трапа самолета, и я сделал традиционный прощальный снимок. Я снимаю, и говорю: «Спасибо». Тут вдруг Погребняк говорит: «Тебе спасибо». Отходит от всех провожающих, приближается ко мне и спрашивает, как дела, как то, как это. По-отцовски, по-человечески... И до сих пор, сколько лет уже прошло, - а я недавно встречался с ним в Киеве на юбилей николаевского землячества, - он подойдет, всегда первый подаст руку и спросит, как дела у тебя, у всех, кого он знал по работе, попросит передать привет. Я глубоко уверен, что за два года этот человек у нас столько сделал, сколько другие люди за всю жизнь не могут сделать, и при этом оставил о себе самые лучшие воспоминания.

Это были порядочные, сверхпорядочные люди и профессионалы. Среди других человеческих качеств я всегда особенно ценю профессионализм и порядочность. От порядочности идут все остальные положительные качества личности.

...На бюро обкома комсомола меня утвердили фоторепортером нашей молодежной газеты. Единственное замечание прозвучало из уст Шараева: «Солдат, надо учиться».

Дело в том, что из регионов регулярно шли отчеты в ЦК и графа «образование» играла немаловажную роль. Я сразу понял: нужно учиться. И в 1968 году поступил в Николаевский

государственный педагогический институт на филологический факультет по специальности русский язык и литература.

Партбилет я получил еще в армии. Это было почетно: из шестисот человек солдат, служивших в моей части, отобрали группу в двадцать пять человек для учебы в партийной школе при нашей ракетной дивизии. Мы были привилегированным солдатским сословием, три раза в неделю важно садились в поданный автобус и отправлялись в штаб дивизии на занятия. Вскоре после того, как я окончил эту годичную школу и получил диплом, там же, в армии, меня приняли в ряды КПСС.

В пединституте учился заочно, уже имея основную профессию, и совсем не педагогическую. Учился с большим удовольствием. Преподаватели нам попались хорошие. Например, был у нас Иван Каленикович Марковский, читавший старославянский язык. Неоднократно он обращался ко мне и еще одному студенту-заочнику из Симферополя – майору Непомнящему: «Я верю, что вы в школу не пойдете и детские души калечить не будете. Замечательно, что у вас уже есть профессия».

...В газете для нас началась совершенно новая жизнь. Мы все пришли в редакцию молодыми, до тридцати лет максимум. Каждый шел по призванию, искренне, от души. Блата тогда никакого не признавали. Журналистика вообще одна из самых интересных профессий, особенно репортерская работа. Каждый день происходит что-то новое. Я исколесил десятки раз всю область, многие хозяйства, до сих пор помню, где какая дорога, куда как проехать, и в райцентры, и в самые глухие села. Тогда я познакомился со многими людьми, в том числе и с теми, которые сегодня стали известными, заслуженными, а тогда только начинали свою трудовую биографию: с Федором Антоновичем Ивановым, Виктором Григорьевичем Погореловым, Николаем Ивановичем Бяльком. Они доказали свое право быть руководителями, много позже стали Героями Социалистического Труда, Героями Украины. Я дружу с ними до сих пор.

Мне приходилось снимать людей, которые через двадцать-тридцать лет стали известными на всю страну и на весь мир. Очень приятно осознавать, что когда-то ты снимал его молодым. Главное, что встречи с этими людьми остались надолго в памяти, и они тебя тоже помнят. Ведь бывало, что ты

встретил человека, снял его, снимок опубликовали в «Правде» или «Комсомольской правде» - и его заметило начальство. Присмотрелось - и признало перспективным руководителем, достойным подняться на много ступеней выше. Регулярное появление на полосах газет было делом важным, карьера шла вверх. Правильно тогда говорили: газета делает героев. Газеты действительно «раскручивали» людей, делали их известными, обеспечивая карьерный рост.

В начале семидесятых в нашу комсомольскую газету начал ходить тихий скромный паренек, носивший информацию, в основном о футболе. В то время николаевская футбольная команда «Судостроитель» многим давала прикурить, даже обыграла московское «Торпедо». Парень этот работал на Черноморском заводе, и, чтобы не опоздать на завод, рано утром приходил в еще закрытую редакцию и вставлял в щель двери несколько листиков со свежей интересной информацией. Парня звали Саша Билык.

Я попросил редактора: «Возьмем этого парня, по-моему, из него получится хороший профессионал». Сашу взяли в штат. Он действительно проявил себя с самой лучшей стороны. Мы подружились, работали, как говорится, душа в душу. Со временем Билык стал редактором этой комсомольской газеты. Я ушел в ТАСС-ПАТАУ, а он переехал в Киев, работал в ЦК ЛКСМУ, в газетах «Радянська Україна», «Молодь України», был заместителем главного редактора газеты Верховной Рады «Голос Украины», а последние несколько лет - первый секретарь посольства Украины в Москве, где послом тоже наш бывший николаевский комсомольский вожак Николай Белоблоцкий.

Я рад и горжусь тем, что когда-то увидел в нем хорошего человека и друга. Когда у меня проблемы, он старается мне помочь и помогает. Мы часто перезваниваемся, бывая в Москве, я обязательно с ним встречаюсь, как и с послом Белоблоцким. Они всегда находят немного времени, чтобы встретиться и расспросить, как там Николаев, как дела у старых друзей, как поживают ветераны комсомола.

В начале семидесятых стал набирать известность нынешний мэр Николаева Владимир Чайка, в то время молодой и симпатичный парень, комсорг завода «Дормашина». Я приходил к нему на съемку, все готово, все одеты, вычищены. Володя

долго водил меня по огромным цехам, метался, искал лучших. А потом, бывало, отчаявшись решить, кто же из них самый лучший, махнет рукой: «Да снимай их всех. Они все у меня самые лучшие». Ребята его любили за искренность, доброжелательность, непосредственность и дружелюбие.

Владимир Дмитриевич Чайка рос ступенька за ступенькой, шел своим путем. В 1996 году с должности председателя облсовета уехал в Азербайджан советником-консулом украинского посольства, а потом, вернувшись, через два с лишним года стал городским головой Николаева. Благодаря своему взрывному и непосредственному комсомольскому характеру, ему, человеку всегда ищущему что-то новое, работаете легко.

Скажу откровенно: если бы не Чайка, мне далеко не всего удалось бы добиться. За многие годы в газете у меня накопилась масса фотографического материала, с помощью которого можно показать горожанам, гостям города, всем, кто увидит эти снимки, насколько красив наш великолепный город. За последние годы мне удалось с его помощью издать массу печатной продукции.

Снимать с уровня глаз это одно. А вот снять наш город с вертолета – совсем другое. Я обратился к Чайке с просьбой помочь. Так мало того, что он помог с вертолетом, он еще и вызвался лететь сам: «Я с тобой обязательно полечу, тоже хочу посмотреть с высоты, каков он, наш Николаев».

С такими людьми работать легко. Он ни разу мне ни в чем не отказывал. Когда я приходил к нему со своими идеями, он меня внимательно выслушивал и говорил: «Будем делать». Ведь понятно, что это совсем непросто. Импортные печатные материалы стоят дорого, а у города масса проблем, нужны деньги для ремонтов дорог, школ, мостов, котельных. Другой бы послал подальше и, возможно, был бы по-своему прав. Но Чайка не таков. Он живет не только сегодняшним днем, но и думает на перспективу, заботясь об имидже нашего города, о повышении его авторитета в Украине и других странах. Моя работа помогает ему в осуществлении этой благородной миссии.

Радует, что вокруг много людей, которые тебя понимают. Помните ставшую крылатой фразу из фильма «Доживем до понедельника»: «Счастье, это когда тебя понимают»? Вот так и у меня.

...Одной из наиболее интересных задач для меня было освещение работы съездов партии. Я освещал их работу, начиная с XXIII съездов КПУ и КПСС, и до XIX Всесоюзной партийной конференции. Был и на первом съезде народных депутатов СССР.

В числе пяти тысяч делегатов и приглашенных, собиравшихся в Кремлевском дворце съездов, присутствовали самые знатные и известные люди страны. Помимо высшего партийного руководства в зале можно было увидеть космонавтов, военачальников, известных артистов, деятелей искусства. С ними можно было запросто поговорить как с хорошими знакомыми. К сожалению, сохранил далеко не все снимки, тогда об этом не задумывался, казалось, что будем вечно молодыми. К примеру, я общался с Расулом Гамзатовым, Михаилом Ульяновым. Они знали наш край, хорошо отзывались о городе, несмотря на то, что тогда Николаев был закрытым, а потому не особенно известным областным центром. Это и тормозило его развитие. Только в начале девяностых город стал открытым, его увидели собственными глазами иностранцы из десятков стран. Сегодня город ежегодно посещает до ста пятидесяти иностранных делегаций, а раньше...

Вспоминаю, как поляки поставляли нам корабельные лебедки. Они приезжали в соседний Херсон, работники Черноморского завода выезжали туда и получали от производителей эти самые лебедки. Поляков не то что на завод, даже в город не пускали. Хотя они и были братьями по социалистическому лагерю и Варшавскому договору. Не знаю, может, эти строгости и были оправданными, ведь почти весь Черноморский флот построен в Николаеве, и российские и украинские корабли.

Сегодня корабли николаевской постройки числятся в составе всех четырех флотов России: Тихоокеанского, Северного, Балтийского, Черноморского. Все это заслуга двух николаевских судостроительных предприятий, выпускавших высокотехнологичную и наукоемкую военную продукцию: Черноморского судостроительного завода и судостроительного завода имени 61 коммунара. Относительно недавно, в 1999 году, мы, после ремонта, проводили в Севастополь российский ракетный крейсер «Москва» (бывшая «Слава»). Сейчас на заводе имени 61 коммунара у достроечной набережной в высокой степени готовности стоит ракетный крейсер

«Украина». Таких мощных кораблей и в мире, наверное, нет, а они уже лет пятнадцать, как начали строиться. Так что в нашем городе инженерно-техническая мысль всегда шагала в ногу со временем.

Мне повезло, что всю жизнь я занимался любимым делом. С радостью и интересом каждый день бежал на работу, бывал в поездках, на интересных встречах, на спусках кораблей, вводе в эксплуатацию новых заводов, пуске энергоблоков атомной станции. Каждую неделю бывал на строительстве Николаевского глиноземного и Ольшанского цементного заводов, Южно-Украинской атомной электростанции.

В то время начали строить тяжелые авианесущие крейсера. Гордость николаевского кораблестроения – тяжелый авианесущий крейсер «Тбилиси», построенный в конце восьмидесятых на Черноморском судостроительном заводе. Позже авианосец был переименован в «Адмирал Кузнецов» и вошел в состав Северного флота России. Так вот, в течение десяти дней я был на его испытаниях в Черном море. Мы вышли в открытое море. Все время я снимал и снимал. Это было незабываемо.

Я отправил съемку испытаний авианесущего крейсера в ТАСС и РИТАУ. Вскоре меня отправили на стажировку в Москву. Приезжаю в ТАСС и вижу, что все смотрят на меня с каким-то затаенным уважением, относятся чересчур даже обходительно. В чем тут дело? Наконец, одна девочка-лаборантка все рассказала. Оказывается, за эту съемку в агентстве получили свыше двадцати тысяч долларов. Я, конечно, тогда еще международных цен на работы такого уровня не знал. А многие американские и английские журналы с удовольствием напечатали мои материалы с авианосца.

Коллеги по фотохронике убеждали меня: «Или к главному и что-то проси, ведь на тебе вон сколько валюты заработано». А мне за съемочный день давали десять рублей, так что за десять дней работы на корабле я получил ровно сто рублей. Я написал заявление, иду к главному редактору. Он без слова возражения подписывает мое заявление. И я, первый среди коллег, получаю «Никон-301 автомат», способный снимать по три-пять кадров в секунду. Крутой по тем временам фотоаппарат, которого еще ни у кого не было. Правда, снимать уже было нечего. Авианосец вступил в состав военно-морского флота, и попасть на него фоторепортеру было невозможно.

...Работа в молодежной газете являлась интересным, но очень быстро бегущим временем. Я уже тогда понял, что самая интересная профессия, к которой я стремился еще со школы, это газетный репортер. С чем еще можно сравнить нашу работу? Я могу в течение недели встретиться с космонавтом, побывать на спуске корабля, в поле на жатве, на сдаче очередного многоэтажного дома, пуске в эксплуатацию нового заводского цеха. И все это видишь, и не просто фиксируешь, а уже разбираешься в отраслевых проблемах. Едешь в машине и можешь сказать, где рожь, а где пшеница, озимая или яровая. Чувствуешь себя не просто хроникером, а человеком, соображающим в этом деле. Попутно проезжаешь много интересных, красивых мест. Казалось бы, едешь по трассе, слева степь, справа степь. А стоит свернуть только на двести метров в сторону, и увидишь столько интересного, замечательного.

Взять хотя бы Мигию в Первомайском районе: выступления природного гранита, скалы, а между ними прорываются воды Южного Буга. Красивейшие места! В советские времена там проводились всесоюзные соревнования по водному слалому, по скалолазанию, горному туризму. Многие просто не верят, ну как такое может быть: свернул с трассы, и на тебе – украинская Швейцария! На самом деле таких мест на Николаевщине очень много. Наш край надо знать и любить. Такое оно, Северное Причерноморье.

Мы с Сашей Глушко и Витей Карпенко, возвращаясь из каждой поездки, помимо основной темы, делали так называемую «замальовку», повествующую о красоте нашего края. В каждом районе можно найти что-то интересное: в Еланце – уникальный родник, в Вознесенском районе – Рацинская дача, в Очакове – Ольвия, со своей историей в две с половиной тысячи лет, остров Березань, Кинбурнская коса. А урочище «Лабиринт»? Скажешь, что здесь растут двухсотлетние дубы – никто не верит. Покажешь снимок, на котором пять человек с трудом обнимают вытянутыми руками ствол, – ну, тогда уже верят. Там гуляют бизоны, косули, дикие кабаны, даже волки появились. И так в каждом районе области.

Кинбурнская коса, отделяющая Днепро-Бугский лиман от моря – уникальное место, особенно его приморская часть. Такой воды не встретишь больше нигде, ни в Ялте, ни в Сочи, ни на других известных черноморских курортах. Вода настолько

чистая, что если выйти на катере или на лодке в море, видно все камешки, ракушки, моллюсков на глубине пять-десять метров. Раз я сделал снимок на самой оконечности Кинбурнской косы. Представляете, у меня одна нога стоит в море, а другая – в лимане. При этом отсюда хорошо виден Очаков и остров Березань.

Местный поэт Володя Пучков – мой хороший друг. Вместе мы работаем уже много лет. Он – редактор «Вечернего Николаева». Казалось бы, это чисто городская газета и ему никакого дела нет до Кинбурна. Но мы оба настолько любим этот уникальный уголок природы, что стараемся регулярно показывать горожанам, какие красивые и заповедные места существуют на территории Николаевщины. И ведь все это рядом! До Очакова – тридцать-сорок минут на автомашине, до Ольвии можно добраться и того быстрее, час-полтора – и ты попадаешь в курортную зону Рыбаковки или Коблево.

Пучков тоже бывал в том месте, где Кинбурнская коса разделяет море с лиманом. Вследствие этого в его поэтическом собрании появилось одно интересное стихотворение, насыщенное яркими образами причерноморской природы – «На стыке моря и лимана».

Часто вспоминаю печальную историю гибели своего отца. Вспоминаю его друзей, и тех, кто прошел войну и долгие годы жил или работал со мной рядом.

Хочу сказать несколько слов о таком близком мне человеке, как Герой Советского Союза, боевой генерал, летчик Василий Поликарпович Стрельников. Мы много лет прожили в одном доме и в одном подъезде с разницей в один этаж: Стрельниковы – сверху, а мы – внизу.

Стрельников – это частица истории всей нашей страны. Молодым, чуть больше двадцати лет, он в огненные годы Великой Отечественной стал Героем Советского Союза. За годы войны потопил больше десятка вражеских транспортов и боевых кораблей, лично сбил около полутора десятков самолетов противника. Его самого сбивали несколько раз, но он выживал, упрямо пробирался к своим, – и снова в бой. У нас бывали интереснейшие разговоры, его воспоминания можно

было слушать часами. Иногда мы вместе ездили в санаторий в Ессентуки, но чаще общались дома. Стрельников командовал центром боевой подготовки летчиков на территории бывшего училища имени Леваневского. Я старался встретиться с ним на улице, поздороваться, поговорить хотя бы несколько минут. Как правило, этого времени ему вполне хватало, чтобы рассказать какой-нибудь интересный случай из своей боевой биографии.

Генерал был представительным мужчиной: парадная форма морской авиации с кортиком, китель весь увешан наградами. Ярко блестела Звезда Героя. Его часто приглашали выступить перед школьниками. Он являлся желанным гостем у ребят. Но, к глубокому сожалению, нашлись подонки, которые смогли втереться к нему в доверие и накануне Дня Победы зверски избили и ограбили старого человека.

У них была недобрая цель – отобрать боевые награды генерала. Сначала они пришли к Василию Поликарповичу и долго беседовали с ним, якобы как молодые студенты-краеведы. Старый генерал проникся доверием к этим молодым людям и в следующий раз впустил их к себе домой безо всякой опаски.

Накануне праздника он подготовился к параду: китель был вычищен, выглажен, пуговицы начищены до блеска, сияли ордена и медали. В этот день, кажется седьмого мая, к нему и явились «краеведы»...

...Помню, где-то в половине второго дня мы с женой пришли домой на обед. Я сел, расслабился. Вдруг через потолок слышу легкие вскрики и стоны. Жена говорит: «Наверное, плохо Василию Поликарповичу, пойду, проверю, что там стряслось, вдруг нужно помочь». Пошла жена на второй этаж, а я за ней. Поднимаясь между этажами, она прислушивается - и вновь слышит этот стон. Каким-то особенным женским чутьем жена почувствовала неладное и поняла, что нужна здесь не столько «скорая помощь», сколько милиция, и крикнула: «Беги вниз, звони в милицию!»

Я побежал вниз, начал набирать «02». Потом снова вышел из своей квартиры в подъезд, чтобы подняться к Стрельниковым. И тут, в спину, я увидел убегающую фигуру, - я не могу назвать этого подлеца человеком, - с пистолетом в вытянутой руке. Он прыгнул во входную дверь и исчез. В ужасе перед тем, что смогло случиться со Стрельниковыми и с моей собственной женой, я рванул наверх. Дверь открыта...

Позже жена рассказала, что, подойдя к квартире генерала, позвонила в дверь. Дверь мгновенно открылась, на пороге возник молодой бугай, который приставил к ее виску пистолет и прошипел на ухо: «Если только пикнешь, я тебя тут же кончу!» Она сразу не поняла, подумала, может какой розыгрыш, и, как бы шутя, отбила пистолет рукой, мол, не валяй дурака. В ответ неизвестный резко оттолкнул ее в сторону и побежал вниз. Она зашла внутрь комнаты и увидела страшную картину: генерал и его жена Александра Ивановна лежат на полу, завернутые в паласы и связанные веревками. Мы попытались как можно быстрее освободить несчастных. Я позвонил генералу милиции, начальнику областного УВД, Василию Тимофеевичу Ключнику, с которым Василий Поликарпович находился в дружеских отношениях. Буквально в считанные минуты подлетели несколько милицейских машин, оперативники перекрыли двор и весь квартал. Но эти сволочи улизнули. По всей видимости, их где-то рядом ждала машина, поэтому розыскная собака ничем не смогла помочь сотрудникам милиции. К несчастью, бандитов так и не нашли. Они исчезли, прихватив с собой Звезду Героя и другие наиболее ценные награды генерала Стрельникова. Он так близко взял к сердцу эту беду, что даже не смог через два дня выйти на парад Победы. А еще через несколько месяцев Василия Поликарповича не стало. Так его «отблагодарили» молодые подонки за все ратные подвиги.

Уже перед смертью он часто с грустью повторял, что прошел всю войну, неоднократно был сбит, выпрыгивал с парашютом из пылающего самолета, а тут какой-то сопляк... «За что я боролся?! За то, чтобы этот внучок променял мои награды на джинсы да модные кроссовки?..» - с грустью в глазах вопрошал Василий Поликарпович. Этот дикий случай его надломил, лишил былой уверенности в себе. И действительно, неужели стоило воевать за такое «будущее»?

...Много жило у нас хороших людей, с которыми было хорошо, легко, и у которых – чувствую это только сейчас – я многому научился. Везло мне на таких людей. Я прожил немало, и с уверенностью могу сказать, хороших людей на земле все-таки больше.

Среди тех, с кем мне приходилось общаться, несомненно, заслуживает доброго слова Герой Социалистического Труда Николай Николаевич Рябошапка, председатель колхоза имени

С.М.Кирова в селе Щербани Вознесенского района. Этот человек - выдающаяся личность, легенда Николаевщины, известный далеко за пределами Николаевской области. Он умер почти два десятилетия назад, но до сих пор его помнят с благодарностью наши современники. В память о нем осталось так называемое «море Рябошапки», большие сосновые насаждения, при посадке которых он мечтал вслух: «Пройде півстоліття й тут будуть величезні ліси, тут буде така краса!»

Я дружил с ним долгие годы, еще с первых лет своей работы в молодежной газете. Встречи с ним были незабываемыми. Его хозяйство уже к концу шестидесятых считалось одним из самых сильных в Украине. Это человек уникальный. Он ни минуты не сидел в колхозе, мотался по всему Союзу. Чтобы застать его на рабочем времени, договариваться нужно было заранее, задолго до предполагаемой встречи. В результате его «мотаний» в селе появлялась новая, самая современная техника. Он убеждал начальников в высоких кабинетах, что для его колхоза необходимо поставлять самую лучшую технику, племенной скот, элитный семенной материал, наиболее эффективные удобрения. Его хозяйство по уровню насыщения самой передовой техникой и технологии скорее напоминало исследовательский полигон, и могло поспорить с самым именитым отраслевым сельскохозяйственным НИИ.

Особенно ценил Рябошапка своих работников. Как он заботился о них, о том, чтобы у каждой семьи был свой дом, а в каждом доме – электроэнергия, газ, вода, ванны и душевые. Председатель хотел максимально приблизить колхозников к городскому уровню комфорта и даже превзойти его. Чтобы люди были обеспечены всем необходимым, жили в достатке, чтобы каждая семья имела машину, мотоцикл, на выходные могла поехать в городской театр или на море отдохнуть. Рябошапка делал все возможное, чтобы как-то улучшить жизнь и быт людей. Село резко контрастировало с другими селами. Улицы асфальтированные, дома со всеми удобствами.

Дворец культуры колхоза имени Кирова с его многочисленными коллективами художественной самодеятельности считался лучшим сельским Дворцом культуры во всей области. Рябошапка ввел в структуре управления хозяйством специальную должность заместителя председателя колхоза по культуре и социально-бытовым вопросам. А занимался у

1

1A

2

2A

40

него этими вопросами ныне Заслуженный деятель искусств, директор Николаевского Академического театра драмы и музыкальной комедии Николай Семенович Берсон.

В период жатвы Рябошапка сутками не уходил с поля. Его примеру следовали все колхозники. Оплата их труда была такой же нищенской, как и по всей стране. Председатель часто сокрушался: «Представь, литр «Пепси-колы» стоит дороже литра молока. Сколько труда нужно вложить, чтобы получить этот литр молока: заготовить корма, выпастить скот, в четыре утра подоить. И вот в результате «Пепси» у нас дороже молока. Как же так?!»

В Щербанях была двухэтажная колхозная гостиница. И она всегда была забита приезжими. Явление для села невиданное: как это так, чтобы в колхозе было столько визитеров?! А в гостинице съемочная бригада кинематографистов, делающая фильм о передовом хозяйстве, съемочная группа центрального телевидения из программы «Время», корреспонденты ТАСС, киевские журналисты. Постоянно к нему тянулись корреспонденты, потому как здесь было на что посмотреть. Люди видели, что мужик идет правильной дорогой и добивается успеха.

Для меня поездка в его хозяйства всегда была праздником. Я мчался туда с удовольствием и знал, что я вернусь с хорошим материалом, любое редакционное задание будет с честью выполнено. Председатель любил набить полную машину журналистов и, как правило, сам садился за руль. Целый день мы вместе колесили по полям и бригадам. Он, не умолкая, рассказывал и показывал: здесь будет сад со специальным поливом из труб под корень, здесь экспериментальное поле. Кому-то это не нравилось, как, мол, можно зарывать в землю дорогие оцинкованные трубы в каком-то колхозе. Но Рябошапка никого не слушал и делал так, как считал нужным.

Бывая в колхозе у Рябошапки, я видел, сколько людей собирается у него в приемной. Иногда там скапливались десятки человек колхозники со своими проблемами, коллеги-соперники по соцсоревнованию, профессура из разных институтов, корреспонденты столичных и местных изданий. Когда я видел такое количество людей, то понимал, что вряд ли удастся пообщаться – председатель сильно занят. Тихонько просил секретаря: «Скажите Николаю Николаевичу, что я в приемной. Если надо – буду ждать». Буквально минуту спустя

он, отставив все дела, выходил из кабинета и, по-доброму улыбаясь, говорил собравшимся: «Дороженькі, це приїхав мій друг – фотокореспондент. І якщо такі люди, як він, будуть чекати по приймальнях, то нам не буде чого читати і дивитися у газетах та на телебаченні». Мы быстренько заходили в кабинет, общались несколько минут. Он предупреждал людей на всех объектах, писал все, что нужно. Потом вместе с парторгом я ездил по фермам, полевым станам, бригадам. Вечерком, на берегу «Рябошапкиного моря», как люди его прозвали, мы сидели, выпивали чарку и закусывали его фирменными малосольными огурцами, макая их в мед. Они были необыкновенно вкусны.

Общаться с таким человеком было в радость. Доброе отношение к журналистам всегда помогало ему находить общий язык с прессой. Мы знали, что всегда в запасе будет хороший материал. Он мог организовать для съемки и вертолет, и автовышку, и все остальное, что только могло потребоваться.

Он неоднократно бывал делегатом партийных съездов. Помню в кулуарах одного из них, когда собрались советские и иностранные журналисты, подходит ко мне один из московских репортеров и просит помочь мне найти в николаевской делегации человека, который смог бы сразу, без подготовки прямо на камеру рассказать о своей работе, о своем хозяйстве и его трудовом коллективе. Естественно, я побежал искать Николая Николаевича. Бегу по залу, смотрю, а он уже стоит в окружении массы людей, кому-то что доказывает, у кого-то что-то просит, и заодно дает интервью. Подождал, пока спор закончится, подхожу и спрашиваю: С кем это вы так жестко спорили? - Да, отвечает, с одним министром, кажется. Уговорил таки, он теперь должен мне и краны дать, и необходимую технику.

Подходим к репортерам, которые нас ждали. И как только он характерным профессиональным жестом расправил свои пышные усы, они тут же поняли: это как раз тот человек, которого так долго искали. Репортеры представляются, вот мол, Николай Николаевич, мы из программы «Время», и нам бы хотелось, чтобы вы рассказали нам то-то и то-то. Он не дал им договорить, и спрашивает улыбаясь: «Сколько у меня времени?» Ему отвечают: «Три минуты». Ровно за три минуты, секунда в секунду уложившись в отведенное время, Рябошапка так просто и убедительно рассказал о своих людях, о земле,

о проблемах и перспективах своего хозяйства, что все просто поразились.

Когда выключили камеру, режиссер признался: «Знаете, можно прямо сейчас давать в эфир, без всякой чистки. Править здесь просто нечего».

Николай Николаевич очень любил грецкие орехи. Он часто повторял, что каждый уважающий себя мужчина с утра должен съедать два грецких ореха, выпивать два сырых яйца и запивать все это стаканом сметаны. И тут же оговаривался: «Вам-то в городе это труднее сделать, а у нас все продукты под рукой, все свежее, а у вас не знаешь, сколько то яйцо в магазине пролежало»... И всегда смеялся.

А вот еще одно интересное воспоминание, прямо анекдот. Кореец, выращивавший лук в Щербанях, заходит в кабинет к Рябошапке и со своим характерным акцентом говорит: «Председатель, дай грузовик под люка». Тот было оторопел: «кто подлюка?», но потом понял, рассмеялся и говорит: «А ну-ка, повтори еще раз, как ты сказал». Ничего не подозревающий кореец снова: «Дай машину под люка».

Долго еще потом Николай Николаевич смеялся и рассказывал всем, как у него кореец просил машину под вывозку лука.

Был случай, когда Рябошапка поехал в Киев пробивать для колхоза лампы дневного света. На высочайшем уровне он доказывал, что доярка в четыре утра должна идти по асфальтированному тротуару, по освещенной улице и, желательно, на каблуках. Ну, конечно, это приводило в шок руководство, которое пеклось не о людях, а о тонно-килограммо-километро-литрах. И вдруг председатель колхоза говорит такие вещи! Это не нравилось, его недолюбливали. Могли позвонить в область и сказать: посмотрите, что-то Рябошапка у вас зарывается, не нужно так высовываться. Ведь тогда была в моде уравниловка, особенно в зарплате: всем одинаково по 120 рублей и все одинаково хороши. Но на этого человека работал его большой авторитет и завоеванное доверие людей. Убрать с глаз долой такого передового председателя было очень трудно.

Жизнь его была сложной, несладкой. Ежедневно на ногах с четырех утра до поздней ночи. Его, как говорится, били по шапке: будь как все, сиди тихо, не высовывайся, не рвись вперед. Он не поддакивал начальству, а начальство это никогда не

любило. Самое печальное, что более двадцати лет его жена – красивая и обаятельная женщина, с которой Рябошапка прожил всю жизнь – была прикована к постели. Помню свой последний снимок их дружной семьи. Мы в обед подъехали к нему домой. Николай Николаевич хотел узнать, как дела у Лиды – его жены. В его уютной и до блеска вычищенной квартире на столе лежала ярко-белая скатерть и в центре огромный каравай. Так было заведено, что хлеб всегда стоял на столе в этом доме. Рябошапка с порога крикнул: «Лидуся, давай на память сфотографируемся, пока Сашко здесь». Он сел рядом с женой, и я заснял эту замечательную пару через красивый вкусно пахнущий душистый хлеб.

Вскоре жена умерла, а через несколько лет ушел и он. Я жалею только об одном. Сколько лет мы были знакомы, а у меня не осталось ни одного снимка, где я был бы запечатлен вместе с Рябошапкой. Казалось, еще успеем, снимемся. Но неумолимое время летит очень быстро...

Очень рано ушел из жизни Николай Николаевич. Многие сегодня говорят: нам бы побольше таких, как Рябошапка, мы бы сегодня жили совсем по-другому. Вот у кого нужно было учиться жить правильно и честно.

...С тех пор времена изменились. Сегодня ситуация в украинском сельском хозяйстве кажется мне по меньшей мере странной. Думаю, это вызвано просчетами нашего руководства. Все отдается шустрым парням: топливо, энергетика, хлеб, а они в связке с нечестными, но влиятельными государственными мужами, говоря прямо, воруют. Обворовывают народ, скупая отечественную продукцию за бесценок, а потом вывозят за границу и перепродают за большие деньги. Потом вырученные средства накапливаются в нечестных руках. В итоге, один бывший премьер-министр сидит в американской тюрьме, вице-премьер – в родной украинской; иных то возьмут, то отпустят. Вроде, и посадить их не за что, но в то же время они находятся под постоянным прицелом Генпрокуратуры.

Мне кажется, что у нас нет нормальных, действенных законов, а те, что есть, не выполняются, игнорируются, их можно обойти, как угодно. Я помню случай, когда тот же Рябошапка в соседнем хозяйстве поменял машину соломы на какую-то другую нужную для его колхоза сельхозпродукцию. Ох, что тогда началось! Его заслушивали на бюро обкома

партии. Председатель попал в опалу, прессе на несколько месяцев вообще запретили туда ездить. Как, мол, так, председатель поменял колхозную продукцию?! Но ведь не для себя же он менял, это нужно было для производства. А сейчас - делай что хочешь, меняй, что хочешь, воруй... Украсить можно все, что угодно.

За свои почти сорок лет работы в прессе, я снимал на партийных съездах в Москве и Киеве, на московской Олимпиаде-80, на Международном фестивале молодежи и студентов. К тридцатилетию окончания Великой Отечественной войны фотографировал у Знамени Победы, которое в сорок пятом развевалось над рейхстагом, к юбилеям революции снимал у «Авроры».

Я видел, с чего начиналось строительство Южно-Украинской АЭС. Как-то в середине семидесятых мы возвращались из командировки в Первомайск и увидели посреди поля небольшой экскаватор. Здесь, где мы привыкли видеть трактора и комбайны, работающий экскаватор вызвал недоумение. Я попросил водителя: «Коля, давай подъедем поближе, глянем: может, парень золото копает, или нефть нашел». Молодой парнишка с экскаватора так и не сказал, что он там копает, видимо, это была закрытая тема. А через некоторое время объявили, что в этом районе началась очередная ударная стройка, и в этом живописном месте у Южнобугских порогов возведут мощную атомную электростанцию.

Уже в 1981 году, когда пускали первый блок-миллионник, я, конечно же, был там, так как помнил эту станцию еще с первого колышка. Мы еще не знали, что такое Чернобыль, и потому радиации особо не боялись. Журналисты лезли куда надо и не надо, очень хотелось заглянуть в реактор во время первой загрузки ядерного топлива. Но директор станции Владимир Павлович Фукс – большой специалист в области атомной энергетики, хорошо понимающий, чем грозит радиоактивное облучение, гонял нас из запретных зон, чуть ли не ногами футболил: «Куда вы лезете, жить надоело?»

Снимал я и Дальний Восток, отряды молодых строителей ударных комсомольско-молодежных строек. В районе Находки,

к примеру, строился порт. Много работал там. Снимал и прибалтийский янтарь, и белорусскую бульбу, и цветущий багульник на склонах сопки возле Находки. Помню лозунг в центре этого городка: «Находка, твоими глазами Россия смотрит в океан». Прошло почти тридцать лет, и однажды я взглянул на этот океан с другой стороны земли – с океанского берега Сан-Франциско. Так распорядилась судьба...

Я участвовал во множестве выставок и фотоконкурсов в Москве, Киеве и других городах Союза. Иногда побеждал. Мне запомнилась выставка на морскую тематику, проходившая во Владивостоке. Я тогда получил приз – зуб кашалота. Помню, как меня разыграл мой друг Саша Селиков. Сегодня он генерал, живет в Москве, а тогда служил в КГБ. Он послал мне телеграмму, причем со всеми штампами и печатями, в тексте которой говорится: «Благодарим за участие в выставке поздравляем победой часы идут контейнером». И все. Представьте мою радость! Я бегал по всей редакции, размахивал телеграммой. А редактор – тогда им был Виталий Карпенко – серьезно так говорит: «Гордись, наверное, тебе выслали кремлевские куранты». Потом все убедились, что это розыгрыш. А вот зуб кашалота – это правда. Он у меня хранится до сих пор.

Я люблю хорошо пошутить. Наверное, это у меня в генах. Мама мне рассказывала, что давным-давно, когда мой отец-моряк плавал на Черном море, раз они загрузили в одном из портов Закавказья огромные бочки с вином. Их некуда было ставить, поэтому бочки закрепили прямо на палубе. Судно несколько суток шло до Одессы. Мужик – хозяин вина – все время сидел на своих бочках, охранял их. Команда надеялась на угощение вином, но кавказец оказался на редкость жадным. Тут отец проявил находчивость: раз винодел такой скупой, мы его немного накажем. И просверлил изнутри палубу вместе с бочкой и потихоньку народ наслаждался напитком.

После зимы у меня в гараже осталось полящика красивых красных яблок сорта джонатан. Аккуратненько за хвостики привязал десятка два-три на яблоневое дерево, и сел в засаду. Закрыв ворота и калитку. Ближе подойти и рассмотреть обман было нельзя, а издали – просто чудо. Сажу и жду. Многие ходили и присматривались, кое-кто останавливался в недоумении: как

так может быть, чтобы на фоне снега - и вдруг огненно-красные яблоки?!

Сидеть в импровизированной засаде пришлось очень долго. Народ отпускал по поводу этого весеннего дива такие комментарии, что пришлось горько пожалеть об отсутствии диктофона. Вот бы такое записать, мы бы насмеялись! Наиболее любопытные пытались проверить, в чем тут дело. Сосед напротив – Витя, хотел залезть посмотреть, что это за яблоки такие, но зацепился за забор и порвал штаны. Он сильно обиделся и потом долго со мной не разговаривал.

Когда подошли люди из других садоводств, яблоки пришлось снять: мало ли что, ведь под горячую руку и накомстылять могли.

Иногда такая находчивость помогает в жизни. Расскажу еще несколько веселых историй из пережитого, таких, что хочешь – смейся, хочешь – плачь...

На строительстве Ольшанского цементного завода был случай, связанный с комсомолом. Я приехал на стройку, и стараясь быть поближе к рабочему классу, пытался раскрепостить рабочих, настроить их по-деловому, чтобы съемка была как можно более правдивой. Подхожу к одной бригаде и говорю: «Комсомольцы, отряхнитесь, заправьтесь. Будем сейчас делать фотокарточку для комсомольской газеты». И тут один из них, на вид самый суровый, если не сказать угрюмый, вдруг подхватил лом и как кинется на меня: «Я тебе сейчас дам комсомол...» С трудом удалось убежать от злого работяги.

Недоразумение разъяснилось быстро. Оказалось, что на черновые работы в ходе строительства завода привлекались эски, и бригада, с которой я постарался наладить контакт, была еще той. Видимо, у этого рабочего были какие-то свои счеты с комсомолом, либо по неписаному кодексу воровской чести на деятельность, связанную с комсомолом, нужно было реагировать именно таким образом.

В эти бурные дни ездить по области приходилось чуть ли не ежедневно. Наша журналистская бригада, чтобы скоротать время в пути, прямо в машине играла в подкидного дурака. За многократные поездки мы уже четко посчитали: до Первомайска примерно пятьдесят партий, до Вознесенска двадцать пять, до Снигиревки – двадцать. Тогдашний редактор Виталий Карпенко в игре был профессор – всех обыгрывал. Именно он придумал играть на щелбаны. Проиграл – получил по лбу.

Рука у него была очень крепкой, многие помнят до сих пор. За огромный внешний вид я прозвал его Батей. Так за ним это прозвище и закрепилось, сколько он в Николаеве работал, столько его Баткой и величали.

У нас был водитель Коля – играл неважно. Такой нервный парень, но упрямый, если проигрывает – будет играть до победы. Ему от Бати доставалось больше всех. Он как-то полущутя-полусерьезно пожаловался мне: «Знаешь, Батя так сильно лупит, что скоро забьет меня по пояс в землю».

Позже Батя довольно оригинально разнообразил игру – тому, кто оставался дурачком, обрезали кусочек галстука. Толя Колесник, мой друг и сосед, с которым я и сейчас живу рядом, тоже играл не слишком хорошо. В результате игры он иногда оставался с бабочкой на шее – галстук обрезался полностью.

Но больше всего запомнилась находка Бати, связанная с брючными пуговицами. Застежек-молний тогда еще почти не было, и проигравший должен был сам себе срезать одну пуговицу на штанах. Можно было до того доиграться, что вообще останешься без пуговиц. Со мной однажды такое случилось.

Дело было так.

В семьдесят третьем году у меня родилась дочка. Ее рождение праздновалось довольно широко. Пока жена была в роддоме, мы в редакции гуляли несколько дней. По традиции, вместо сладкого стола – сыграли в дурачка. Понятно, что после рождения ребенка я был в возбужденном состоянии, играл невнимательно. В итоге проиграл все пуговицы. На машине подъезжаю домой, и тут вдруг открывается дверь, на пороге стоит теща... Конечно, она, мягко говоря, была удивлена весьма нелепым видом своего зятя, который держал штаны без пуговиц двумя руками.

Дальше – больше. В пол-литровой бутылке от кефира мы собирали пуговицы очень знатных людей, которые приезжали в Николаев. В то время в редакции бывали парторги, известные спортсмены, инструктора ЦК, секретари обкомов... К пуговице прилагалась этикетка с указанием фамилии, имени, отчества и должности ее бывшего владельца. Мы создали целый мини-музей этих пуговиц.

Однажды в область приехала с проверкой бригада от ЦК комсомола Украины, первым секретарем которого в ту пору

был Корниенко. Первым делом проверяющий признался, что слухи о нашей интересной игре дошли до ушей первого секретаря и он дал указание поинтересоваться, что это за игра такая «интересная» в молодежной газете Николаевщины.

...Как я уже упоминал, во время заочной учебы в пединституте со мной занимался друг Валера Непомнящий, живший в Крыму. Офицер в звании капитана, с отличной армейской выправкой, прямой, как струна, он мог, чеканя шаг, зайти к ректору или проректору, отдать честь, доложить. Словом, довольное институтское начальство расплывалось в улыбке.

Он, замполит полка, не поступил в военную академию и, чтобы не терять время, поступил в педагогический институт. Тогда политработникам позволяли заниматься в гражданских вузах. Нас, мужиков, в группе из двадцати пяти человек было всего двое – я и он. Вскоре он получил звание майора и в парадной форме приехал на сессию. В это время как раз вышел фильм «Адъютант его превосходительства». Проректор вуза Александр Персиянов так нас и называл: адъютант, то есть я, и его превосходительство Непомнящий.

Случалось, Валеру приходилось выручать, поскольку в силу служебных обязанностей не всегда мог посещать сессии. В год известных событий на советско-китайской границе, на острове Даманский, на зимнюю сессию майор Непомнящий запоздал. Сессия уже близится к концу, а его нет. Что делать, надо выручать друга. Из газет, насколько это было возможно, я узнал подробности пограничного конфликта на Даманском, обстановку на Дальнем Востоке и решил: почему бы моему другу не поучаствовать в боевых действиях? Валера приехал и остановился у меня дома, сессия к тому времени уже почти закончилась. Выход оставался только один – схитрить. Я провел предварительную работу в институте, чтобы все знали, что Валера сейчас на Даманском. Потом перевязал ему голову, надел красивую форменную фуражку, руку тоже одел в бинты и закрепил с помощью марлевой перетяжки на шее. И мы пошли сдавать все, что примут. Первого встречаем Персиянова, проректора по заочному обучению. Что там было! Майор докладывает о выполнении задания по защите дальневосточных рубежей. Проректор, забыв, что он без фуражки, тоже попытался отдать честь. Ведь для вуза это до невозможности почетно: студент-герой получил ранение при

защите Родины, прибыл прямо с границы, проехал через весь Союз только для того, чтобы сдать сессию. Валерка так вдохновенно рассказывал преподавателям и студентам о конфликте с китайцами, настолько вошел в роль, что совершенно заболтался и в итоге сам поверил в свои байки. Он и в атаку ходил, и во врагов стрелял. Иногда начинал размахивать «раненной» рукой, рассказывая, как доблестно «воевал». Приходилось сдерживать, напоминать, что рука как бы раненная. По итогам сдачи сессии оценки у героя – майора Непомнящего, оказались значительно лучше, чем у «адъютанта его превосходительства» - вашего покорного слуги.

Украинское народное творчество у нас преподавали муж и жена Федоренко. Углубляться в далекое фольклорное прошлое Украины у нас не было времени. Мы по несколько раз сдавали предмет Федоренко, но знаток фольклора постоянно отправлял нас на доработку. Мы уж и так к нему, и эдак, – ничего не помогало. Уже четыре, пять, шесть попыток. Без толку!

Девчата из группы порекомендовали попытаться счастья у его жены, человека значительно более мягкого и, к тому же, любящего украинские народные песни. В это время у всех на слуху были красивые украинские песни в исполнении Дмитрия Гнатюка «Два кольори», «Черемшина», «Ясени». Я прекрасно знал эти песни, здесь и слова, и музыка такие, что западают в душу, запоминаются на всю жизнь. Это не то, что сегодня: «Купила мама коника, а коник без ноги...» или того лучше «Я торчу, бо я хочу». Однажды я пел песни Гнатюка на одном из областных мероприятий, где присутствовал заместитель министра культуры Украины. Он тогда то ли пошутил, то ли серьезно: «Хлопчик, по тебе плачет капелла «Думка».

Майор мой пел плохо, голос командный, одно слово – офицер. Но не сдрейфил, предлагает: «Чем ее пронять? Пошли, что ли, попоем». Мы подождали, пока прошла вся группа, и отправились на экзамен последними. Заходим, и начали петь. Бабулька сидела за столом, задумчиво подперла голову рукой и принялась подпевать нам. Майор, хоть и без голоса, а туда же – воет, буквально выводит рулады, ему хотя бы на трояк напеть. Концерт длился более часа. Все, кто собрался за это время за дверью, сказали, что это было истинное народное творчество.

Кстати, пение могло стать моей главной профессией. Еще во втором-третьем классе на уроках пения наш преподаватель – человек концертного вида, с длинным камертоном в руке, облаченный в сюртук с бабочкой – пока мы мычали что-то околосенное, подходил к каждому малышу и внимательно слушал. Он отбирал детей для школьного хора. Если стоит возле тебя долго, значит, ты его заинтересовал, есть шансы попасть в хор. Я старался изо всех сил, чувствую, он стоит у меня за спиной, и стоит долго. Попросил протянуть несколько нот, остановил и предупредил: «После уроков останешься, будем пробовать тебя в хоре». Но, видно, не судьба. То были трудные годы, мы были голодными, кое-как одетыми и обутыми закомплексованными детьми. Особенно трудно было мне, всего два года как переехал из деревни, трудно привыкнуть ко всему городскому. Нужно бежать домой, там маленький брат, бабушка, больная астмой, мать на работе, а отчим только и делал: пропивал все, что мог. А вечером наступало самое страшное – он мог до полуночи гоняться с ножом в руке за мамой и бабушкой, и я в мои десять лет не мог ничего с ним поделать. Как мне было их жалко, хотя и самому доставалось от этого человека. Сколько моих горьких детских слез осталось в домашних подушках – никто не знает. Так что в то время было не до песен.

Дышать легко стало после того, как мама выставила его из дому, и он уехал на заработки. Сразу началась нормальная, спокойная жизнь. А когда умерла бабушка, я и вовсе остался за старшего. Но это стеснение ребенка из деревни еще долго присутствовало, тем более что и одноклассники часто язвили на эту тему. Жить было непросто.

Если быть совсем уж точным, то самым основным показателем для потенциального карьерного роста в те времена было даже не образование, а партийность. Все это видели, многие возмущались, шептались по кухням, но ничего нельзя было поделать. Обидно было наблюдать, когда рядом на производстве работают бездарь и человек со светлой головой, но бездарь вовремя получил партийный билет и продвигается по службе, пытается командовать другим, который с умной

головой, хотя у самого всего одна извилина, да и та похоже, что не в мозгу, а в прямой кишке. У нас из-за этой нелепой системы и тормозилось многое. Оплата у всех равная, всем по сто двадцать рублей, кто с партбилетом, тот и лучше. Словом, никакого производственного энтузиазма на самом деле такая система в людях не воспитывала. И действительно, к чему стремиться, если вокруг сплошная уравниловка и выше своей зарплаты ты не прыгнешь.

В такой ситуации оказался и я с женой. Моя Наталья окончила Николаевский кораблестроительный институт, много лет работала на Черноморском судостроительном заводе, потом в НИИ «Сириус». В то время это были режимные учреждения, все сидели, как говорится, под ружьем с восьми утра до семнадцати вечера. Нельзя было никуда выйти, даже на обед, а уж тем более по личным делам. А я в начале восьмидесятых перешел в фотохронику ТАСС-ПАТАУ. Конечно, приходилось работать больше, ведь это уже не молодежная газета, а куда более серьезное дело. Каждый день требовалось давать информацию на Киев и на Москву, часто приходилось мотаться по командировкам. Дочка Алена уже готовилась в первый класс, и наступило время выбора, когда ради ее учебы кому-то из родителей необходимо было пожертвовать карьерой.

Такая участь выпала жене. Пришлось подыскивать ей работу поближе к дому, чтобы без труда выскочить на обед, покормить ребенка, собрать и отвести в школу. Я обратился за помощью в трудоустройстве к одному из больших руководителей областного уровня. Он задал единственный вопрос: «А она член партии?». «Нет, - отвечаю, - но она закончила НКИ». И услышал такое нравоучение: «Уж лучше бы она была с десятью классами, но с партбилетом в кармане».

Мы старались находить выход из таких жизненных ситуаций. Спасибо родителям, которые нам помогали. Дочка росла, вместе с этим росли и проблемы.

Когда я ездил на стажировку в Москву или Киев, старался брать с собой и жену, и маленькую дочку. В то время мы, наверное, ни разу не ездил без нее на отдых. Показали ребенку и Сочи, и Крым, и Волгу, и Каму, и Ленинград.

Прошло тридцать лет. В чем-то жизнь стало хуже, но в чем-то и лучше. Если рассказать нынешней молодежи, что тогда достать банку майонеза было большой проблемой – не

1
D-1A

поверят. А ведь действительно так было. Мы так и говорили: не купил, а достал. Где-то, уговорив нужных знакомых, из-под прилавка, из-под полы, делая одолжение, мы тащили продукты в дом. Такая же ситуация была и с детским питанием, которое тогда выпускалось в двухсотграммовых стеклянных баночках для майонеза. Больше всего дочка любила сок «Румяные щечки». Готовили эти соки в Херсоне, а купить их можно было только в Киеве. Каждая командировка завершалась приобретением одной-двух коробок детского питания, и потом дочурка с удовольствием поедала эти витамины. Да и сами командировки, если быть до конца откровенным, иногда затевались исключительно ради покупок.

Помню, соседка приехала из Москвы и похвасталась детской шубкой. Она была цигейковая, недорогая, но такая красивая, что мы сразу загорелись желанием купить своей дочери точно такую же. Начал думать, как бы вырваться в Москву. Предлог нашелся. Наш недавний редактор Саша Глушко занимался в Академии общественных наук при ЦК КПСС. Мы с ним созвонились, и он говорит, мол, нет проблем, скажи, что тебя вызывает бывший редактор, чтобы привез сала выручать московских студентов – будущих академиков подкормить надо. Смех смехом, но мне действительно дали командировку на неделю. Я расспросил соседку, где можно купить такую чудесную цигейковую шубку. Узнал, что в шесть утра уже нужно стоять в очереди под «Детским миром» – крупнейшим детским магазином Москвы на площади Дзержинского. Это огромный магазин, который стоит массивным квадратом, занимая целый квартал.

2
D-2A

И вот я в Москве. В шесть утра, как штык, стою перед «Детским миром». А народу уже полно, милиция поставила турникеты, люди стоят в затылок один за другим, каждому на руке пишут номер – у меня, до сих пор помню, был 386-й. Январь, минус двадцать, два часа до открытия. Выстояли с большим трудом. Выходит заведующая секцией и объявляет: сегодня в продаже размеры 38-40 и выше. А мне нужен был маленький размер, кажется 28-й или 32-й. Пришлось уйти ни с чем.

На следующее утро я снова у этого же входа, прохожу ту же процедуру, на руке пишется номер. В этот раз никто ничего не объявляет, ровно в восемь открывается дверь, и народ, словно

огромное стадо, начинает бежать внутрь. Все мчатся на третий этаж, где находится отдел детской верхней одежды. Бегут и стар и мал. Один другого толкает, если упал, тебя переступили и все бегут дальше. Никто даже не поможет подняться. Во было время!

Купил и я то, что хотел, но остался неприятный осадок.

Впереди меня стоял мужик, который хотел взять две одинаковые шубки: у него дома две девочки-близняшки. Вся очередь упрасивала продавца дать ему вторую шубку, он показывал паспорт, где были отмечены оба ребенка с одинаковым годом рождения. Ну, как он мог одной малышке привезти, а второй – нет?! Это мы понимаем, что так нельзя. А те, кто стоял за прилавком, этого понимать не желали. То были не живые люди, они думали только о себе. Так ему и не продали вторую шубку. Вся очередь чувствовала себя униженной. Разве это можно назвать дефицитом? Нет, это наша черствость, жадность, бесчеловечность и жестокость по отношению к равным себе.

Я, купив шубу, на радостях спустился этажом ниже. А там красивые импортные детские платьица. Они были словно кукольные, самых разных расцветок и недорогие, рублей восемь-десять. Словом, выбирай, что хочешь. А ведь у нас в Николаеве в те годы такой красоты было не сыскать. И вот я прошу продавца продать платья нескольких размеров и всех цветов. Она посмотрела на меня подозрительно: может, спекулянт какой? Никто не знал, что у меня бурлит радость от одной мысли, что все это я привезу своей дочурке. Ей больше всего нравился, как она говорила, «жёлтый» цвет. В тот раз я купил особенно интересное желтое платьице с удивительной красоты фонариками на рукавах.

Она вырастала, некоторые платья так ни разу и не надела. Многие мы раздали знакомым, а некоторые, как память тех лет, хранятся и до наших дней.

Удивляет до сих пор: куда оно все девалось? Так мощно работала отечественная промышленность, продукцию выпускала в огромных количествах, да и в качестве начинала подтягиваться. Но прилавки магазинов традиционно стояли пустыми. Конечно, мы не ездили за границу, много не видели и не знали. Но вожди наши-то ездили, были отлично осведомлены, как живет простой народ в развитых странах, и при этом вдохновенно ввали нам о «загнивающем» капитализме. Уже

в горбачевские времена, в конце восьмидесятых, побывав на Кубе, я многое для себя прояснил.

Как мы стелились перед всеми, кто, как нам тогда казалось, был заодно с нами! Многие «братья» по соцлагерю этим откровенно спекулировали, высасывая все соки из нашей страны. Руководители Союза раздавали народное добро, как только могли.

Кормили мы их очень хорошо, только непонятно, за что. Неужто за «искреннюю» веру в социалистические и коммунистические идеалы? По-моему, этого мало для того, чтобы наш народ кормил «братьев» на всех континентах. Встречаясь с советскими специалистами на Кубе, я узнал интересные цифры. Оказывается, на «поддержание штанов» Острову Свободы Советский Союз тратил четыре рубля в сутки в расчете на каждого кубинца. А их десять миллионов. Представляете, какие деньги уходили из нашей страны! И это одна лишь Куба. Можно лишь догадываться, сколько «братьев» мы кормили по всему земному шару.

Наши моряки рассказывали мне, что в порту Гаваны советские суда с продукцией машиностроения, тракторами и другой техникой простаивали месяцами. Никто не хотел их разгружать. Зато когда приходил транспорт с консервами, сгущенным молоком и другими продуктами питания, чуть ли не вся Гавана выходит на разгрузку - и судно моментально освобождается от груза.

Что мы могли взять взамен у кубинцев? Низкосортный желтый сахар? У нас и своего достаточно. Бананы и цитрусовые? Но они растут и значительно ближе этого далекого острова. Может быть, табак, чтобы травить наше население? Да и обмен явно неравноценный: корабль современной высокотехнологичной техники не сравнить с кораблем зеленых или уже полугнилых бананов. Вот так наши вожди кормили кого угодно, но только не собственный народ.

Немного поправлять эту ситуацию начал Горбачев. Если раньше Фидель Кастро прилетал в Москву, мастерски расцеловывался с Брежневым, и тут же на далекую Кубу шли огромные караваны с помощью, то с перестройкой времена изменились. Горбачев сразу стал плохим. Фидель уже в Москву не ездил и с Горбачевым не целовался. Газеты наши на Кубе читать перестали, русский язык также стали понимать с

большим трудом. И все это буквально за несколько лет. Вот вам и «братья». Такая вот дружба в одни ворота...

Нас любили, пока мы их гладили по шерсти и хорошо кормили. К тому же, СССР на всех континентах просто боялись. Помню, в конце шестидесятых в Киеве был какой-то слет молодежи. В то время шла война во Вьетнаме. А на этом форуме в числе множества делегаций была и вьетнамская. Несмотря на слабую информированность из официальных источников, мы догадывались, в какие огромные затраты обходится нам вьетнамская война, поддержка «борющегося братского вьетнамского народа». И вот руководитель вьетнамской делегации начал благодарить всех, кто помогал и помогает его народу сражаться с «американским империализмом». Называл такие страны, которых я даже и не слышал. И в самом конце мимоходом упомянул Советский Союз. Нам это больно резануло слух. В зале стояла мертвая тишина. Но он сделал вид, будто ничего не случилось.

Это была большая и не всегда чистая политика.

Когда в конце шестидесятых советские танки кружили по Праге, как у себя дома, люди в Чехословакии ненавидели СССР. Они не хотели жить, как мы, а мы считали, что они обязаны жить, как все страны Варшавского договора. Когда через год после этих событий я был с делегацией в Болгарии и мы отдыхали на Золотых песках, столкнулись с группой из Чехословакии. Мы не знали подробностей случившихся у них событий, но считали себя правыми: у братьев-славян был путч, а мы им помогли. Так нас убеждали пресса и телевидение. Поэтому мы с недоумением отнеслись к тому, что чехи во время игры в пляжный волейбол как бы нечаянно засыпали нашим игрокам глаза песком, а потом и вовсе стали сбивать с ног.

Причем, чехи знали, что это именно украинская группа из Николаева, а к украинцам у них отношение всегда было намного лучше, чем к другим народам бывшего СССР. И вдруг такая ситуация. Мы не понимали, что тогда для чехов в равной степени врагами были все советские люди. Нас же пропаганда убедила, будто мы сделали благое дело, что ввод войск в Чехословакию - единственно правильный выход из сложившейся ситуации.

В середине восьмидесятых, путешествуя по Прибалтике и общаясь с людьми русского происхождения, которые жили

там долгие годы, мы понимали, что подобным образом к нам относятся и прибалты. Мы жили у одной литовки, которая по вечерам закрывала двери и начинала причитать: ой что будет, что будет! Позже мы увидели, что именно Литва первая решилась в открытую бороться с советским режимом.

Республики Балтии и раньше отличались от нас своей культурой, бытом, отношением друг к другу. Мы, конечно, разные люди. Нельзя насильно стричь целый народ под одну гребенку. Я уже рассказывал, как мой сослуживец из Каунаса еще во время службы в Белоруссии часто мне повторял: «Кто вас просил нас освобождать? Ведь вы не освободители, а оккупанты, которые пришли и силой захватили нашу маленькую страну» Его слова я запомнил на всю жизнь.

Я не могу пройти мимо этих грустных фактов нашего недавнего прошлого. И все же больше вспоминается хорошее. Благодаря работе в комсомольской газете, участию в съездах, комсомольско-молодежных слетах, игре «Зарница», походах по местам боевой славы, я смог познакомиться с живыми легендами Великой Отечественной войны: Маресьевым, Кожедубом, Покрышкиным. Особая гордость того времени — наши космонавты.

В Николаев в 1967 году должен был приехать советский космонавт номер два Герман Титов. Он отдыхал в Крыму, и местные власти обратились к нему с просьбой посетить Николаев с краткосрочным визитом в период празднования Дня города. Титов согласился. Всех космонавтов к тому времени я видел только на открытках. Они мне казались огромными и сильными парнями. И вот на военном аэродроме в Кульбакино, куда приехали встречать героя-космонавта, я прижался к трапу и, затаив дыхание, ждал, когда из самолета выйдет человек богатырской наружности. Смеркалось. Я смотрел в видоискатель фотоаппарата и ничего не видел вокруг себя. И вдруг вижу, рядом началось непонятное шевеление, все обничают какого-то маленького мужичка в спортивном костюме. Спрашиваю: «А кто это?» — и мне удивленно отвечают: «Как кто? Это же и есть Герман Титов».

Поздно вечером мы с Юрием Васильевичем Поповичем, который тогда был секретарем обкома комсомола по идеологии, поехали к Титову в гости и подарили снимки, которые я сделал на аэродроме.

Прошло много лет. И однажды мы с Поповичем продолжили космическую тему. События складывались так. Под Николаевом совместно с французами полным ходом шло строительство современного глиноземного завода, крупнейшего в Европе. В ту пору, а это был 1982 год, к полету в космос на советском космическом корабле готовился французский космонавт Жан Лу Кретьен. Юрий Васильевич Попович тогда уже был заместителем председателя облисполкома и годом раньше отдыхал у друзей на киргизском озере Иссык-Куль. Там он познакомился и сдружился с космонавтом Климуком. В те времена были модными всевозможные трудовые рапорты и отчеты. И мы придумали, как можно посетить Звездный городок в момент подготовки к полету советско-французского экипажа. Юрий Васильевич созвонился с Климуком, и сказал, что у нас есть идея от рабочих строящегося под Николаевом гиганта цветной металлургии вручить трудовой рапорт героям космоса, среди которых есть и французский космонавт. Мол, это будет наглядным подтверждением советско-французской дружбы: на земле вместе строим - и в космос вместе полетим. До этого во время работы съездов партии и комсомола я не раз бывал в Звездном городке, но захотел съездить туда еще раз - посмотреть на француза.

Николаевские умельцы изготовили для этих рапортов уникальные папки: огромные, расшитые кожей по коже. Космонавтов трудно чем-либо удивить, но мы видели, что им понравилось. Мы видели, как папку вручили Поповичу, он тут же небрежно выбросил трудовой рапорт, взял папку под мышку и говорит: «Вот это красота, я такого еще не видел. Славная теперь у меня будет папочка».

Генерал Петр Климук встретил нас тепло и гостеприимно. В то время центром подготовки космонавтов командовал Георгий Береговой, но он находился на всесоюзной игре «Зарница», и за главного оставался Климук. Когда зашли к нему в кабинет, тут же обратили внимание, что за спиной у него стоит небольшой книжный шкаф, но вместо книг там стояло с десяток бутылок польской водки «Выборова». Мы тут же выпили за

приезд, за встречу. Они с Юрием Васильевичем начали вспоминать общих друзей, а я сидел и думал об одном: быть в таком уникальном месте, куда пускают далеко не каждого, и ничего не сфотографировать? Попросил Климукса позволить мне хотя бы немного поснимать, конечно, в рамках дозволенного. Он, уже немного выпивши, в благодушном настроении вызывает какого-то полковника. Тот заходит, отдает честь, и генерал ему и приказывает: «Бери репортера, и фотографируйте все, что он захочет». Полковник заикнулся было переспросить: «Как все? Ведь...», но генерал, повысив голос, требовательно пророкотал: «Я сказал: все!» Мы вышли из кабинета, и я увидел, как полковник погрузился, опустил голову. Я его прекрасно понимал. Когда зашли в его кабинет, я сказал: «Товарищ полковник, давайте оставим здесь аппаратуру, а мы пойдем, и вы покажите мне все, что можно».

Он сразу же оживился, воспрянул духом. Я понял, что поступил правильно. В ситуации, когда генерал, будучи навеселе, отдает такое распоряжение, понятно, что в случае чего отвечать придется полковнику – головой и погонями. Мало ли куда могли попасть эти снимки. Были вещи, о которых в том время нельзя было рассказывать. Да и сейчас у любого государства есть свои секреты. В этом нет ничего удивительного.

Мы походили по Звездному городку, побывали в цехах, на различных тренажерах, видели совершенно новые космические аппараты и мне даже разрешили посидеть в кабине космического спускаемого аппарата новейшей разработки. Мы с ним долго ходили, и он все повторял: «Ты видишь то, что другие люди смогут увидеть только через десять–пятнадцать лет. Это только разработки, подготовка новых проектов».

Позже в благодарность за то, что мы поступили с ним порядочно, полковник дал нам с Юрием Васильевичем на дорогу бутылку водки, а на закуску тюбики с различной космической едой. Водку мы выпили, а вот еду решили оставить, и я передал ее в качестве интересного экспоната в музей судостроения и флота. Николаев тесно связан с космосом. На Черноморском судостроительном заводе в конце шестидесятых было построено уникальное научно-исследовательское судно для обеспечения космической связи «Академик Сергей Королев». И вот возле музейного стенда, повествующего о строительстве этого судна, разместили наши космические яства...

Когда мы вернулись к Климуку, там уже наблюдался самый разгар дружеской встречи. Климук пошутил: неделями не могу собрать космонавтов на совещание, а на польскую водку «Выборову», смотри-ка, сбежались сразу. В кабинете сидели Леонов, Николаев, Быковский, Попович, другие космонавты, которых я не помню. Всего нас было человек восемь. Я дал промах — всех снимал, а сам фотографироваться с ними постеснялся.

Вечером космонавты сели на свои машины и разъехались, а нам еще предстояла почетная миссия — вручить трудовые рапорта строителей глиноземного завода космонавтам Кретьену и Джанибекову. Сделать это решили прямо на дому. Поздно вечером мы попали в квартиру к Джанибекову. По суете женщин на кухне, мы поняли: отмечается какое-то торжественное мероприятие. Позже узнали, что у космонавтов есть традиция: после посадки отметить благополучное завершение полета собираются их коллеги, причем только те, кто уже летал, и жены. Как раз на такое отмечание мы и попали. Почувствовали, что мы здесь лишние и хотели уйти, но Джанибеков пригласил нас в комнату и вместе с собравшимися выпили по чарке за удачное приземление. По всему чувствовалось, что недавно приземлившиеся космонавты, ощущают себя, как говорится, наполовину на земле, наполовину — в космосе. Мы немного пообщались, распрощались с ними и уехали.

Вспоминаю еще одну историю, связанную с космонавтами. На одном из съездов КПСС в Москве мне выдали пропуск с грифом «Фойе». Обычно такие пропуска давались пишущим корреспондентам, которые могли сидеть во время заседания в фойе, смотреть вынесенные сюда телевизоры, транслирующие работу съезда и, таким образом, иметь полное представление о том, что происходит в зале Кремлевского Дворца съездов.

По ошибке такой пропуск выдали и мне. На подозрительную надпись «Фойе» я совершенно не обратил внимание. Когда перед началом съезда пытался пройти в зал, меня остановили ребята из КГБ: «Извините, но вы не имеете права войти в зал». Конечно, самые интересные кадры получались как раз во время перерыва в кулуарах, когда делегаты и приглашенные ходят, свободно общаются, ведут себя эмоционально, просто и раскованно. Здесь и знакомства происходят, и встречи старых добрых друзей. А в зале мне и всего-то требовалось сделать

буквально два-три кадра: президиум, докладчик на трибуне, и николаевская делегация во время работы съезда.

Я приходил за час-полтора до начала работы съезда, и все «кулуарные» снимки у меня уже были готовы. Оставалось только сфотографировать официоз в зале и бежать в фотохронику ТАСС, чтобы быстренько проявить пленку, отпечатать фотографии и отправить все эти материалы на Киев в РАТАУ. Передавались снимки с поездом. Заранее было договорено, каким именно, в каком вагоне, как зовут проводника. Но нельзя было опаздывать, иначе, если вовремя не передашь, поезд уйдет. А на следующий день мои материалы уже никому не будут нужны. Как говорится, дорога ложка к обеду.

И тут – на тебе! КГБ не пускает в зал. Нельзя, и все.

Сел я грустный в фойе, не зная, что и делать. Была слабая надежда, что кагэбешники все же проявят милость и позже все-таки допустят меня на несколько минут в зал. Сажу я, а вокруг уже пусто, ни одного делегата, ни одного репортера. Только работники буфета обновляют прилавки.

Тут я позволю себе отвлечься от основной темы, и обратить внимание на эту немаловажную деталь. Тогда на съездах делегатов угощали лучшей продукцией, которая производилась в стране. Например, на съезде я узнал, что в Советском Союзе выпускалось – не поверите! – 186 видов бальзамов. А большинство из нас знали только «Рижский», да еще какой-то украинский, точного названия которого я уже и не помню. И вот все самое-самое делегации партийцев представляли на суд представителей КПСС, съехавшихся из всей огромной страны. Отличились здесь и николаевцы. На съезде прогремели наши николаевские конфеты «Метеорит» и «Грильяж», выпускавшиеся в картонных коробочках. Ну и, естественно, фигурировала на съезде николаевская горилка с перцем. То была настоящая горилка с перцем, а не такая как сейчас – разведенный и подкрашенный спирт.

И вот сажу я, изучаю содержимое буфета. Прошло уже минут десять. Вдруг вижу – по лестнице в фойе спускаются человек шесть молодых ребят в военной форме. И у каждого на груди звезда Героя Советского Союза. Откуда такие орлы? Оказалось, что это группа космонавтов, приглашенных на съезд. Они опоздали на начало заседания. Я видел, что свой лимит времени исчерпал, и уже начал было складывать

аппаратуру, чтобы не опоздать на вокзал, как вдруг ко мне подскочил молодой парень из гэбистов, которые пятнадцать минут назад так высокомерно не пустили меня в зал, и совершенно другим, извиняющимся просящим голосом говорит: «Это космонавты, наши шефы. Сфотографируйте нас, пожалуйста». И в самом деле, космонавты тогда шефствовали над 9-м Управлением КГБ, которое и отвечало за безопасное проведение таких мероприятий, как съезд КПСС. Уж не знаю, как осуществлялось это шефство, да и как вообще кто-то, кроме руководства государства, мог «шефствовать» над КГБ, но факт остается фактом.

Теперь уже я, почувствовав, что мои акции резко пошли в гору, вмиг сделался суровым и неприступным. В итоге сошлись на том, что я фотографирую сотрудников КГБ и космонавтов, а меня в качестве ответного жеста пропускают в зал. Видно, что не все кагэбисты были испорчены своей суровой службой. Благодаря проявлению их вполне нормального, по-человечески понятного желания сняться рядом с героями освоения космоса, которые тогда не сходили с первых полос газет, я смог попасть в зал. Для ребят из КГБ и самих космонавтов я сделал массу снимков: как они идут, стоят, разговаривают. Сделал неплохой снимок и для себя.

В тот раз благодаря космонавтам я смог выполнить свой профессиональный долг. Все снимки были сделаны в срок и отправлены в Киев. А рано утром на следующий день в гостинице «Украина», где жила наша делегация, я уже ждал киевские республиканские газеты, которые с утра доставлялись специальным самолетом, а затем развозились во Дворец съездов и в гостиницу украинским делегатам. Наконец, газеты прибыли, я с гордостью увидел свои вчерашние фотографии.

Когда утром открываешь свежую, пахнущую типографской краской газету, и видишь свою работу – ты успел, не опоздал, никого на подвел – эту радость трудно передать. Вырастают крылья – и ты готов лететь, бежать, делать что-то новое, чтобы твои работы были еще значимее и интереснее.

На съезде надо было вести себя тактично по отношению к своей николаевской делегации. Но ведь я фотокорреспондент не только николаевский, главное для меня РАТАУ, и требовалось снимать украинские делегации из других регионов. А николаевские делегаты к этому относились ревниво. Тогдашний предсе-

датель облисполкома Виктор Иванович Ильин буквально брал меня под руки и командовал: «Сними, как мы по этой дорожке заходим в зал, потом вот тут будем проходить, с тем и с этим министром предстоит серьезный разговор. Ты, главное, снимай побольше, а потом, когда я к ним поеду, буду всем дарить фотографии». Он весь был в делах и заботах, всегда думал о том, что нужно для нашей области и у какого столичного чиновника это нужно просить. Но, в поисках техники, материалов, лимитов, никогда не забывал подарить человеку фотографию, на которой он запечатлен с самим Виктором Ивановичем.

Виктор Иванович вообще был интересным человеком, очень любил фотографироваться. Я мог отснять его на десятки пленок, сделать сотни снимков. И если я по ошибке какой-то один кадр случайно не напечатал, он мог позвонить ко мне домой и сказать: «Слушай, летописец, что же это ты кадр пропустил». Я хватаю эти пленки, начинаю просматривать сотни кадров, и действительно нахожу то, что пропустил. Делаю этот снимок, на котором по обыкновению Ильин беседует с каким-то мужиком. Потом выясняется, что это важный министр, председатель Госкомитета или начальник главка, с которым Ильину предстоит решать очень серьезные проблемы.

И все же, добросовестно отщелкав своих, николаевских, я убежал «на сторону» и начинал фотографировать другие украинские делегации. То одесситов встретишь, то львовян, заранее договаривался, что одних во время перерыва буду ждать у Царь-пушки, других минут через двадцать у Царь-колокола, третьих через двадцать минут еще в каком-нибудь памятном месте, где можно сфотографироваться. И таким образом за один день я снимал по пять–семь делегаций. Охват получался хороший, никто не обижался - работа всех делегаций так или иначе была освещена в прессе.

Космическую тему закончу приездом в Николаев космонавта Иванченкова. Он приехал к нам и хотел побывать на Черноморском судостроительном заводе, где строилось научно-исследовательское судно «Академик Сергей Королев». Тем более что такого огромного судостроительного завода нигде больше не увидишь. Я его сопровождал все три дня, которые он провел в Николаеве. В один из дней мы в сопровождении работников обкома поехали в образцово-показательное село Каменка Очаковского района. Многие годы этот колхоз, назы-

вавшийся «Украина», возглавлял Иван Семенович Шевченко. В отличие от Н.Н.Рябошапки, который всю жизнь брал кредиты, ходил в долгах, но при этом постоянно что-то строил и развивал свое хозяйство, Шевченко был прижимистее, любил, чтобы на счету колхоза было много денег, а потому тратил их мало и крайне неохотно.

Когда мы приехали в Каменку, в поле поспевал хлеб. Пшеница уродилась красивой, высокой, где-то по пояс. И я сфотографировал в этой пшенице председателя вместе с космонавтом. Снимок получился прекрасный: по пояс в пшенице лицом к лицу стоят два героя – труда и космоса. Этот снимок я возил по многим выставкам, получал призовые места.

Здесь же во время визита произошел курьезный случай. Когда они вдвоем вышли с поля, космонавта встречало все село. Девчата в национальных нарядах преподнесли ему большой каравай на прекрасном вышитом рушнике. А Шевченко незаметно толкает своего комсорга и тихонько так – не дай бог еще кто услышит! – говорит ему: «Забери у космонавта рушник, бо він коштує аж тридцять сім карбованців». Никто этого не слышал, но я был рядом и узнал то, что не предназначалось для чужих ушей. Стало так смешно, но смеяться неудобно, ведь люди меня бы не поняли: серьезное мероприятие, встреча космонавта, а я - в смех.

Наверное, тогда и были такие крепкие хозяйства, потому что их руководители не позволяли разбазаривать имущество, старательно экономили средства копейка к копейке. Даже космонавту хлеб отдали, а рушник - забрали.

За долгие годы своей работы приходилось встречаться с людьми самого различного уровня, как говорится, от генсека до генпрокурора. Люди эти были разными, запомнились и с хорошей стороны, и с плохой. Не зря говорят, если хочешь хорошо узнать человека, дай ему власть. Бывало, что обычный инструктор обкома или ЦК ставил себя выше генерального секретаря партии. Это характерно для карьерных скороспелок, которые, как говорится, сразу попадали из грязи в князи. Они уже не чувствовали под собою землю, не узнавали еще вчера

близких для них людей. Такие неприятные личности иногда проскакивали в высшие эшелоны власти. Но не о них речь.

Помню еще на заре своей работы в ПАТАУ свою первую встречу с Владимиром Васильевичем Щербицким, членом Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем ЦК Компартии Украины. Насколько тогда все было проще и ближе. Человек такого высокого уровня в повседневном общении, в быту был прост и доступен. Он с пониманием относился к работе журналиста, фотокорреспондента, снимать его было легко. Он охотно общался с людьми, сам говорил мало, в основном слушал. Многие изливали ему душу, рассказывали ту правду, которую ни в газетах не напечатают, ни по телевидению не покажут. Тогда ведь события освещали так, как нужно, а не так, как они происходили в действительности. А Щербицкому такой глянец нужен не был, ему могли говорить все, всю правду в глаза. Если правда оказывалась нелицеприятной, он опускал голову и молча курил. Как много он курил! Стоя рядом с людьми и молча слушая их, он за пятнадцать минут мог выкурить три сигареты подряд. Я и сейчас вижу эти сигареты – удлиненный «Кент».

Однажды я сопровождал его от Запорожья до Одессы через Херсон и Николаев. Из личной охраны был лишь один человек – нормальный, обаятельный и спокойный мужик, не «костоправ», руки никому не выкручивал. Он понимал, что у каждого своя работа – у него своя, и у меня своя.

Во время поездки В.В.Щербицкий не останавливался в тех местах, где встреча была подготовлена заранее и обставлена как неожиданный и приятный экспромт. Ведь бывало, в лесопосадке делали сруб на скорую руку, накрывали столы с белыми скатертями и хрустальными фужерами, а первому секретарю ЦК говорили, будто это комбайнеры собрались на скорую руку кваску попить, передохнуть во время жатвы. Конечно, такое шоу смешно было наблюдать со стороны, и Щербицкий эту показуху не воспринимал, предпочитая в таких местах не задерживаться.

Так было в Херсонской области. Кавалькада машин остановилась, Щербицкий, не выходя из машины, выглянул, прищурил глаза и присмотрелся... Да, так и есть: вырубili чуть не половину лесополосы, все вычистили, устлali травой, поставили столы, постелили белоснежные скатерти, везде

хрусталь, дорогая посуда. А впереди метрах в трехстах идут комбайны, убирают пшеницу. Щербицкий посмотрел на этот цирк, недовольно поморщился и махнул водителю рукой: «Едем дальше!»

Тогда еще не было роскошных лимузинов с телевизорами, холодильниками и мини-барами. Если машины где-нибудь останавливались, чтобы участники поездки могли попить чего-нибудь прохладного, открывался багажник и оттуда извлекали огромное корыто со льдом, в котором охлаждались различные напитки: газировка, минералка, прокисшее молоко наподобие кефира. Владимир Васильевич не уединялся, всегда подходил к багажнику и звал всех, включая водителей и репортеров. Все, кто был в команде сопровождения, могли освежиться вместе с первым секретарем. Он очень хорошо относился к окружавшим его людям, в том числе и к репортерам. И те, в свою очередь, платили ему тем же.

На своем высоком партийном посту Щербицкий был специалистом во многих отраслях. К примеру, окинув взглядом поле, засеянное ячменем или пшеницей, мог одним взглядом определить его примерную урожайность. Раз колонна первого секретаря остановилась в совхозе Шевченко в Николаевской области. У него в группе был маленький человечек с красноречивым значком депутата Верховного Совета СССР. По тем временам это было очень серьезно. Позже узнал, что это был самый главный специалист по сельскому хозяйству во всем ЦК КПУ. Все вышли из машины и направились к стоящему неподалеку комбайну. Возле него приветливо улыбался комбайнер – краснощекий здоровяк с огромными ручищами, кулак – как три моих. Щербицкий подошел, поздоровался. А этот агроном рядом с ним, все крутится, вертится, срывает колоски, вытряхивает зерна, все что-то продувает, прочищает, рассматривает с очень умным видом, что-то записывает с блокнотик. Тут Щербицкий оборачивается к нему и спрашивает: «Как думаешь, наука, сколько сейчас можно взять центнеров с этого гектара?» Тот что-то прикинул в уме, подумал. Помялся и говорит: «Владимир Васильевич, я думаю, центнеров по восемнадцать с гектара можно взять». Щербицкий задумчиво посмотрел на ученого-агронома, потом на поле и обратился к краснощекому богатырю-комбайнеру: «А ты, сынок, на

самом деле сколько получаешь?» «А я, - говорит, - получаю по двадцать шесть».

Владимир Васильевич с видимым удовольствием пожал ему руку, похлопал по плечу, и, печально взглянув на ученого-агронома, с грустью в голосе проговорил: «Эх, наука, наука...». И все пошли к машинам.

Снимать в то время было и просто, и сложно. Одна из сложностей заключалась в том, что всегда выстраивалась целая кавалькада - до двадцати машин: сопровождение, охрана, секретари обкомов и райкомов, бог знает кто еще. И если я еду в середине колонны, после остановки не успеваю добежать до первого лица, пока он встречается, здоровается, пока симпатичные девушки в нарядах вручают ему хлеб-соль. Пока я добежал, руки были уже пожаты, хлеб съеден, разговоры закончены, и начальство уже рассаживалось по автомобилям. Все, конец, самые интересные моменты, которые можно было запечатлеть на фотопленку, уже упущены. Для кого-то это, может, и пустяк, а для меня, как для профессионального фото-репортера - настоящая катастрофа.

В той поездке со Щербицким помог случай. Когда мы ехали в сторону Николаева, первый секретарь решил лично посмотреть на поставленный недавно величественный памятник на кургане у Новой Одессы. Этот огромный стальной солдат, бегущий в атаку с зажатым в одной руке автоматом, работы скульпторов Макушиных, обошел первые полосы всех республиканских газет. Естественно, что руководитель республиканской партийной организации настоял, чтобы у памятника колонна остановилась. Я отснял, что надо, и жду, пока они спустятся с кургана. В этот момент их можно было снять вместе на фоне памятника. Ждать, пока высокое киевское начальство осмотрит монумент и спустится, предстояло минут пятнадцать.

Стою, жду, и вдруг вижу генерала из девятого управления КГБ, отвечавшего за охрану высоких официальных лиц, и нашего николаевского полковника госбезопасности. Смотрю, а они обнялись, начали оживленно общаться, видимо, вспоминать какие-то истории. Ну, думаю, не иначе как старые друзья встретились. Генерал, которому мое лицо за эти дни уже примелькалось, вдруг неожиданно обратился ко мне: «Ты что

загрустил? Ну-ка, сними меня с другом». Оказалось, он когда-то учился вместе с нашим николаевским полковником.

Я с невеселым «портретом лица» попросил их стать на фоне памятника и сфотографировал. Генерал проникся ко мне благодарностью и спрашивает: «Что-то ты и в самом деле совсем грустный. Что случилось?» Отвечаю, что я единственный фотограф во всей колонне, и, тем не менее, меня посадили аж в шестую по счету машину, что мешает мне добросовестно выполнять свою корреспондентскую работу. Он коротко по рации дал какую-то команду и буквально через две минуты я уже сидел в машине охраны, которая ехала во главе колонны. Это дало мне возможность даже чуть-чуть опережать события. Когда Щербицкий только показывался из открывающейся дверцы автомобиля, я уже стоял наготове.

Сейчас при организации таких мероприятий все делается немножко по-другому. В аэропорту, где встречают президента или премьер-министра, их ожидают машины, рядом с которыми обязательно стоят несколько микроавтобусов. Они садятся все вместе. Нам, фотокорреспондентам, уже проще работать.

Даже на таких официальных, протокольных съемках можно что-то придумывать пооригинальнее, выкручиваться из ситуации, чтобы не запечатлеть только говорящие головы и хмуро марширующих чиновников. Приведу один из таких примеров своей «производственной» сообразительности.

Летом 1999 года Президент Украины Леонид Кучма приехал на Южно-Украинскую атомную электростанцию. В Южноукраинске, у входа во Дворец культуры, стоял детский творческий коллектив «Барвинок», считающийся одним из лучших в Украине. Симпатичные улыбающиеся ребяташки в красивых костюмах – отличный снимок! А вот бы да еще заснять их с Кучмой!.. Они стоят, волнуются: сейчас впервые увидят украинского Президента. Детишки просят: «Дядя, сфотографируйте нас с Кучмой, когда он будет тут проходить».

И тут я мгновенно сообразил, как быть. Ведь если я сам попрошу Президента стать рядом с детьми, чтобы можно было его сфотографировать, я могу получить потом по шапке. И даже не сразу, а уже по окончании мероприятия, особенно если кто-нибудь из его охранников или ближнего окружения в Киеве «стукнет» в Укринформ: вот, мол, ваш фотокорреспондент вел себя нетактично, под ногами у главы государства путался,

1
D-1A

работать ему мешал. Это же все, конец моей фотокорской карьеры. Да меня больше ни на одно серьезное мероприятие не пустят. А вот если сами дети попросят Президента сфотографироваться с ними – тогда другое дело. И я предложил: «Дети, когда Президент будет проходить, вы скажете ему: «Леонид Данилович, давайте вместе сфотографируемся». «А если не захочет?» - с опаской спрашивают они. – «Обязательно захочет!»

Тут уже и Кучма выходит из машины. Дети сделали коридор, приветствуют главу державы. Ни один репортер не знает о моей договоренности с детьми, все уже пошли в зал Дворца культуры готовиться к встрече. А я стою рядом и жду этого мгновения. И вот одна из девочек посмелее просит: «Леонид Данилович, можно на память сфотографироваться, нам и для школы, и для себя». Он ее обнял, стоит, улыбается. Тут и другие дети окружили Президента. Я успел сделать два-три кадра. Замечательный получился снимок, и главное – эксклюзив.

После встречи во Дворце, посещения АЭС и стройплощадки Ташлыкской гидроаккумулирующей станции там же на гидроузле нам устроили обед. Дальше колонна должна была отправиться на Николаев через село Себино, где руководство АО «Родючість» собиралось продемонстрировать Президенту свою самую передовую отечественную и импортную сельскохозяйственную технику вплоть до вертолетов для авиационной обработки полей.

2
D-2A

Местной прессы было два микроавтобуса плюс киевляне. Столичные журналисты, конечно, считают себя покруче, у них и техника лучше. К нам относятся, как к провинциалам, покровительственно, с легкой небрежностью. При этом некоторые из них два дня как держат в руках фотоаппарат, но зато исполнены гордости, что снимают первых лиц государства. Зато если такому «мэтру» дать в руки камеру и сказать: пойди на Черноморский судостроительный завод и красиво сними бригаду судосборщиков, - он ничего толкового не сделает. В лучшем случае, сделает - как портрет на кухню. Или так, как он привык снимать власть: все жмут друг другу руки, потом все руки опустили, дружно улыбаются и смотрят в фотоаппарат. Я же такие неживые кадры не люблю и сам почти никогда не делаю.

68

И вот мы остановились на обед. Я предупреждаю коллег, в том числе и киевских, что обедать необходимо максимум пятнадцать минут, потому что и Президент больше двадцати минут на обед не потратит: у него график насыщенный, в программе визита еще несколько мероприятий, которые нужно успеть провести до конца дня. При этом на своих автобусах мы вряд ли сможем угнаться за их машинами. Пока приедем в Себино, там уже и просмотр выставки закончится. Поэтому группа должна выехать хотя бы минут на пятнадцать раньше, чтобы иметь в запасе немного времени, тем более что с атомной станции ехать до Себино, наверное, почти сто километров.

Киевляне стали смеяться: мы из столицы приехали, можно сказать, столичная профессура, а тут нас какие-то провинциалы жизни учить будут. Ну, думаю, как хотите. Тогда я предлагаю разделить на две группы: «писателям» - пишущим журналистам продолжать трапезу, а всей снимающей братии – ехать как можно скорей. Так и сделали. Пока народ с удовольствием обедает, валяжно покуривает у входа в столовую, сажусь в микроавтобус, и мы мчимся в Себино. Впрочем, «мчимся» - сказано громко. Мы идем максимум сто-сто десять безо всякого сопровождения, а колонна главы государства в сопровождении ГАИ по перекрытой на всем протяжении трассе едет со скоростью около ста сорока километров в час.

Я оказался прав. Президент обедал буквально минут двадцать, а потом в машину – и в Себино. К этому времени мы оказались уже километрах в двадцати впереди. Я все время озабочено поглядываю назад: хвоста нет. Дорога в этих местах петляет, и когда поднимаешься на возвышенность, можно увидеть километров десять трассы позади своего автомобиля. Когда до Себино оставалось всего километров пятнадцать, я обернулся в очередной раз и увидел пучок света: это километрах в десяти от нас с зажженными фарами идет колонна Президента. Мы успели опередить их буквально на несколько минут, из машины выскакивали, словно парашютисты, но когда президентская колонна подъезжала к площадке, где экспонировалась сельхозтехника, я и мои коллеги уже были в полной боевой готовности. А те киевские и местные журналисты, что остались обедать, попали в Себино, когда глава государства уже все посмотрел и усаживался обратно в свой автомобиль.

У охотников это называется «на ползайца вперед». И я считаю, что по жизни нужно идти «на ползайца вперед». Лучше самому подождать, чем куда-то бежать, запыхавшись, опаздывать и потом слезно умолять повторить в игровом варианте то, что ты уже упустил.

Годами отработанная самодисциплина мне всегда служила добрую службу. Расскажу случай, который произошел на Кубе. Правда, существенная разница заключалась в том, что в тот раз никто не работал: мы отдыхали целых двадцать четыре дня, и никто никуда не спешил.

Я был руководителем группы советских туристов, прибывших на Кубу по путевкам. Группа состояла из тридцати человек: половина - николаевцы, вторая половина – херсонцы. Возраст – от семнадцати до восьмидесяти лет. И дети, и старенькая бабушка. Кстати. Для нее пережить такой перелет, казалось бы, непросто. Но, как ни странно, пока молодые тряслись и мучались, бабка спокойно уснула в Москве и проснулась уже на подлете к Гаване.

Как всегда в нашей жизни, в любом коллективе непременно найдется человек самый назойливый и невыносимый, которому до всего есть дело и который у всех путается под ногами. Попался и у нас такой – летчик из Херсона. Не знаю, на чем летал этот сокол, может, как в фильме «Мимино», коров возил, но гонору у него было как у командира экипажа Ту-154 на международной авиалинии. Он постоянно был чем-то недоволен: и еда не та, и бананы не такие, как в Херсоне. Вдобавок он еще взял с собой херсонскую барышню и всячески старался блеснуть перед ней своей эрудицией и всезнайством.

Однажды поздно вечером мы побывали на театрализованном представлении в лесу, километрах в тридцати от Гаваны. Концертная программа начиналась около двенадцати ночи и заканчивалась в четыре часа утра. Нас подвезли на автобусе и всем объявили, что ровно в четыре часа отъезд. Представление в лесу, при свете прожекторов, оказалось захватывающим зрелищем. Прыгали полуобнаженные кубинки, символизирующие дикую природу. Мы тоже погуляли, попрыгали, выпили, некоторые даже слишком хорошо. Все прошло прекрасно, и к четырем часам мы все садимся в автобус. А летчика нет. Херсонская барышня плачет, думает, может он «того», как у нас говорят, зацепился «за акацию» в кубинской юбке. Мы ждали-

ждали, прошло минут двадцать — его нет. Группа начинает нервничать, все давно хотят спать. Спрашиваю группу: «Как поступим?» Николаевцы в один голос — ехать, часть херсонцев призывает подождать заблудшего товарища. Посмотрел я на это дело и махнул рукой: «Едем». И мы поехали. Было видно, что херсонцы затаили на меня обиду.

Мы приехали в Гавану, отдохнули несколько часов и собрались ехать на побережье купаться. И тут смотрим — идет наш летчик почему-то с туфлями в руках. Уже не такой орел, как вчера, хмурый, молчаливый, на всех обиженный, ни с кем не здоровается. Оказалось, на дорогу в гостиницу он истратил половину валюты, которую нам меняли для поездки на Кубу, — ночные таксисты ободрали его как липку. Причем доехал только до окраины Гаваны, а по городу до самой гостиницы шел пешком, поскольку в противном случае ему пришлось бы вообще отдать таксисту все деньги до последнего песа. И воды не за что было бы выпить! Вот уж воистину, бог шельму метит!

Херсонцы предложили собрать ему денег, чтобы немного поддержать материально. Ни один человек из николаевской части группы на пламенный призыв соседей не откликнулся. Другому бы и помогли, но этот так всех достал, что мы видеть его уже не могли. Пусть, думаем, теперь набирается ума на собственном горьком опыте. Но это было только начало. Он решил досадить мне по-своему.

Наш маршрут движения по Кубе перед поездкой был утвержден в Москве. А он прежде уже бывал на Острове Свободы и видимо шел по другому туристическому маршруту. Мы выехали из Гаваны и проехали через всю Кубу в район Гуантанамо, где до сих пор сохранилась американская военная база, неподалеку от знаменитой казармы Монкада, со штурма которой, собственно говоря, Фидель и Че Гевара начинали кубинскую революцию. Там живописные места, частью дикие. Мы ехали по дороге, потом по колесу в воде шли по каким-то озерам и тащили на себе чемоданы. Были в крокодильем питомнике, ели жареное мясо этого животного, на вкус напоминающее молодую телятину — если бы нас не предупредили об истинном происхождении этого угощения, я и продумал бы, что едим телятину.

А херсонец тем временем «заводил» группу: мол, это все не то, если отъехать на сто километров в сторону, мы сможем

увидеть более красивую, первобытную природу, вся экзотика именно там, а здесь – ерунда. Вижу, люди в автобусе начинают к нему прислушиваться, давят на меня: прав мужик, давайте ехать искать что-то поинтереснее. Я к переводчику, водителю, а тот отвечает: не имею права, у меня бензин по граммам, на вес золота. Куба ведь действительно бедная страна, у них, кроме сахарного тростника и бананов, ничего своего нет. Мы и так в одну сторону почти тысячу километров проехали. Оттуда мы в Гавану вернулись самолетом, а водитель автобуса занялся обслуживанием другой группы.

Но «сокол» не успокаивается: все здесь плохо, и поездка организована отвратительно, и мы свои деньги на путевки зря потратили. Ну, никак не угомонится мужик! Народ начал роптать.

Вернулись мы назад и поселились в туристическом комплексе «Варадеро» километрах в сорока от Гаваны, прямо на берегу океана. Буквально за два дня до отлета херсонец решил сделать себе стильную кубинскую прическу, чтобы покрасоваться дома. Взял напрокат велосипед и поехал в город в парикмахерскую. И вдруг опять пропал! Ждем в обед – его нет, ужин – его нет. Его херсонские товарищи взяли ему ужин сухим пайком. Я решил не портить себе нервы, раз оно такое нескладное, «як собача пісня», что тут можно сделать?!

И тут приходит он - угрюмый, чернее тучи.

Оказалось, подстригали его по всем кубинским правилам, лежа. Он лег, а когда встал, - увидел, что его велосипед возле парикмахерской украли. И полиция настаивала, чтобы херсонец полностью вернул стоимость велосипеда. Если учесть, что половину разменной суммы он истратил на дорогу после ночной вечеринки, таких денег у летчика уже просто не было.

Я точно знаю, что на этот раз земляки-херсонцы твердо решили помочь и сбросились понемногу. Но на тот момент денег оставалось уже немного, а ведь хотелось еще купить сувениры, что-нибудь привезти домой на память и на подарки родственникам. Помогла еще и наша переводчица - русская девушка по имени Валентина. Но собранных денег не хватило, остаток суммы за велосипед доплачивали через «Аэрофлот», и я точно знаю, что когда этот орел прилетел домой в Херсон, у него были большие проблемы с начальством.

Вот так этот гонористый летчик сам себя дважды наказал.

Михаил Сергеевич Горбачев запомнился мне своей простотой. Он прилетел к нам в Николаев в августе 1990 года, за год до гэкачепистского путча. Тогда у нас на военном полигоне в Широком Лане проходили масштабные учения. Сюда слетались со всего огромного Советского Союза командующие военными округами, были и высшие адмиралы советских ВМФ. Наблюдать за ходом учений пригласили первого и единственного в истории президента СССР и его супругу Раису Максимовну. Но Горбачев прилетел сам, а Раиса Максимовна предпочла остаться в Крыму и купаться в более чистом море, чем у нас.

Прилетел он на один день, приземлился на военном аэродроме в Кульбакино, а оттуда вертолетом отправился в Широкий Лан. Я встречал его на полигоне. Столько военных, да еще и с такими высокими званиями, я видел первый раз в жизни. Но руки у меня уже не тряслись, как когда-то в армии, когда впервые в жизни увидел живого маршала – командующего ракетными войсками стратегического назначения. На этот раз я был спокоен, я к тому времени уже многое в жизни повидал. Единственное, что поражало – это обилие маршалов. Из Сочи на персональном самолете Ту-154 прилетел начальник Генерального штаба маршал Ахромеев (рассказывают, потом он присылал сюда этот самолет с экипажем за... своей фуражкой, которую забыл здесь на учениях), вслед за ним прибыл министр обороны маршал Язов. Огромные сигары – Ту-154, Ил-62 стояли по всему кульбакинскому аэродрому. На них прилетели десятки маршалов, генералов и адмиралов. Полковники здесь казались пацанами, они только и делали, что бегали и словно ветряные мельницы махали руками, непрерывно отдавая честь старшим по званию. Они, бедные, даже старались куда-то отойти в сторонку, поскольку устали поднимать правую руку к козырьку. Короче, повезло тому, кто был в гражданской одежде.

Интересно было наблюдать, как полковник, безуспешно пытаясь втянуть в себя четко обозначившийся начальственный животик, что-то докладывает генерал-майору. Тут же поодаль генерал-майор рапортует генерал-полковнику. Тот вытягивается в струнку перед маршалом, словно первоклассник. А

1

А.А.Кремко

2

А.А.Кремко

маршалы стоят перед Горбачевым, и тот, по привычке активно жестикулируя, что-то доказывает им.

Видел я и несколько автобусов «Икарус» с зачехленными окнами. За весь день оттуда никто не вышел, даже, прошу прощения за подробности, по малой нужде. Мне сказали, что в автобусах сидели бойцы спецподразделения «Альфа» - на всякий случай.

Подходит ко мне один генерал и в приказном тоне (я и не понял, просил он меня или приказывал, но, видимо, военные в таком звании по-другому говорить с людьми уже просто не могут) предлагает сфотографировать группами участников этого представительного совещания. Я говорю: нет вопросов, вы только соберите их вместе. А тот отвечает: все уже ждут.

Признаюсь, это был редкий момент в жизни, когда мне удалось покомандовать целой группой генералов и маршалов. Стоит группа в три или четыре ряда, все солидные, с начальственными лицами, а я одному: «Товарищ маршал, чуть выше фуражку, а то солнце в зените и глаз не будет видно в тени», другому: «Товарищ адмирал, чуть-чуть левее», а потом и самому Горбачеву: «Михал Сергеевич, поправьте пиджак». И более того, подошел и собственноручно поправил генсеку галстук. Это было воспринято нормально, никто за оружие не хватался, на меня не бросался и руки не выкручивал. Все было по-людски.

Как и во многих других случаях, я не сфотографировался вместе с ними. А ведь какой был бы кадр! Я и все эти маршалы, в том числе будущие члены и пособники ГКЧП. Некоторые из них ушли из жизни, другие здравствуют и поныне. Никогда уже не соберутся они вместе, да и меня не будет рядом с ними. Корю себя за то, что никому не дал в руки фотоаппарат и не запечатлелся для истории с такими людьми.

Много позже, читая книгу одного московского репортера Геннадия Копосова, обратил внимание на такой момент. Однажды он ехал в метро, уже поздно, в вагоне почти никого не было. Напротив сидела пара – парень и девушка. Потом, когда поезд подъезжал к одной из станций, они начали прощаться. Хлопец обнял эту девчонку, и как они стали красиво целоваться! У Копосова в руках была аппаратура, сиди он чуть подальше, надел бы объектив «Телевик», чтобы вытянуть кадр с большого расстояния, и заснял. Но фотографировать в упор было неудобно. Репортер сидел молча и смотрел во

все глаза на эту сцену расставания. Да так и не снял. Потом, пишет Копосов, я решил: лучше снять и извиниться, чем не снять и всю жизнь жалеть об утраченной возможности. Вот и мне следовало снять, а потом будь что будет. Тем более, наверняка ничего бы и не было, а память бы осталась на всю жизнь.

Самое интересное случилось дальше. Подходит ко мне Иван Трофимович Грицай, тогдашний председатель облисполкома, представлявший Николаевскую область на этом мероприятии, говорит, что рассказал Горбачеву о том, как красив Николаев с высоты птичьего полета: живописный полуостров, с трех сторон омываемый водой, напоминающий вытянутую руку. Генсек решает сесть в вертолет и облететь город. Грицай говорит: «Быстренько бери мою машину и дуй на Кульбакино. Там нас встретишь и снимешь».

Пока мы с ним говорим, уже садится вертолет, готовый принять Горбачева на борт, а мне еще нужно бежать к машине. Если вертолетом можно пролететь через весь город до Кульбакино максимум за пятнадцать-двадцать минут, то мне нужно ехать минут сорок, а то и больше. Могу не успеть, даже несмотря на сопровождение ГАИ.

Я прыгнул в машину. И вот мы летим на скорости сто пятьдесят километров, впереди ГАИ. По обе стороны проспекта Ленина стоят массы людей. Все знают, что в это время Михаил Сергеевич должен проезжать по городу. Не представляю, откуда им удалось это узнать, визит был закрытый, но «народный телеграф» сработал безошибочно. И тут я с машиной сопровождения пролетаю по перекрытому проспекту. Господи, какие почести, какое народное ликование. Сначала не понял, в чем дело. А потом дошло — это же меня за Горбачева приняли!

В тот день вечером мне позвонил мой друг Володька Ковалев и так разочарованно говорит: «Стою на проспекте, думаю, дай, помашу Михаилу Сергеичу рукой. Машу-машу, глядь, — а в машине твоя физиономия. Ну, ты, Кремко, даешь!» Сильно он тогда расстроился, что Горбачева не увидел.

Приехал я в Кульбакино, буквально перед моими глазами взлетает Ил-62 с генсеком и берет курс на Крым. Все остальные самолеты стоят. Разлетаться начали уже после того, как самолет Горбачева скрылся в облаках.

Я стоял и ждал, пока освободится областное руководство, так как не имел возможности самостоятельно уехать с военного

аэродрома. Подошел к начальнику УВД Ключнику и председателю облисполкома Грицаю. Смотрят они на эти мощные самолеты, сжирающие, наверное, тонн по пятьдесят горючего, и тут один другому говорит: «Вот видите, а нам хлеб нечем убирать». И тут все почувствовали, как при взлете очередного самолета не до конца сгоревший керосин шлейфом пошел от турбин и пылью посыпался на наши головы.

Урожай в том году был действительно хорошим и все переживали, чтобы его успели собрать, а не оставить процентов тридцать-сорок на полях, как иногда случалось...

Но бывали и другие встречи, когда мой фотоаппарат вызывал у «великих» непонятное негодование и необъяснимое раздражение.

На такие съемки я никогда не ходил самовольно. Меня приглашали в обком, облисполком, позднее – в облгосадминистрацию и предлагали участвовать в поездке. По ее результатам тогда, да и сейчас, модно было дарить только что отпечатанный фотоальбом. Так дарили и первому Президенту Украины Кравчуку, так я делал альбомы для Кучмы и премьер-министров.

Однажды делал альбом и для Лазаренко. Неприятное воспоминание...

Незадолго до его прилета у нас в регионе побывал Леонид Данилович Кучма. Тогдашний глава облгосадминистрации Николай Петрович Круглов пригласил меня для участия в этой встрече. Решили делать фотоальбом вместе с фотокором «Южной правды» Борисом Рыбаковым. Весь день прошел в суете, все быстро, бегом, мы были в мыле, словно загнанные скаковые лошади. Еле успели в аэропорт, самолет стоит, все подходят к трапу для прощания. Отдаем этот альбом Круглову. А он передает Президенту. Мы стоим в сторонке и ждем, как Кучма среагирует на наше творчество. А он берет этот альбомчик, раскрывает, начинает заинтересованно листать, лицо поначалу сосредоточенное, а потом смягчается, начинает улыбаться. Как нам было приятно, на душе сразу стало легко. Наш альбомчик, между прочим, задержал отлет Президента на несколько минут. Потом губернатор передал нам благодарность и привет от Леонида Даниловича. Это было здорово, по-человечески. А бывает и по иному...

Когда на границе Очаковского района Федор Антонович Иванов, нынешний Герой Украины, руководитель винодельческого хозяйства «Ольвия» в селе Парутино, встречавший много высоких гостей, приветствовал незабвенного Павла Ивановича Лазаренко, все выглядело совсем иначе. Во-первых, на дворе стоял февраль, и было очень холодно. Колонна опаздывала на сорок минут, и все встречающие замерзли. Девушки, в легких нарядах, которым предстояло вручать хлеб-соль, так те вообще буквально задубели. Встречают премьера, вручают хлеб-соль. А он хотя бы слово в ответ сказал. Дело идет к весне, можно остановиться, поинтересоваться, как прошла зимовка, каковы виды на урожай, будем ли в этом году с хлебом. Мало ли о чем можно было поговорить с перемерзшими людьми, ждущими тебя на морозе битый час... Да в конце концов, просто подойди и скажи им спасибо, что ждали и не разошлись.

На его холеном лоснящемся лице намертво застыла маска брезгливого недовольства. Он молча взял хлеб, швырнул его на заднее сиденье, сел в автомобиль и уехал. Позже та же участь постигла и фотоальбом: Лазаренко захватил его своей лапищей, открыл заднюю дверь автомашины и швырнул в салон, словно ненужный коробок спичек.

Какое отношение к себе может вызвать такой человек? Думаю, что и жизнь Лазаренко вполне закономерно сложилась именно таким, а не каким-либо иным образом. Что ж, теперь у него есть время посидеть в тюрьме и подумать над своим жизненным путем. Пусть даже и в комфортабельной тюрьме – американской.

Несколько лет тому назад мы встречали на границе Николаевской области за Казанкой тогдашнего генерального прокурора Михаила Потебенько. Скажу откровенно, он мне и по телевизору никогда не нравился: злющий такой, весь какой-то сухой, нервный, раздраженный, брови насупленные, взгляд исподлобья. Смотришь на него и думаешь – не дай бог к такому попасть.

На встречу генпрокурора я приехал вместе с руководителями области: глава облгосадминистрации, председатель областного совета, прокурор области, начальник областного УВД, облвоенком. Понятно, что в такой компании я оказался не самовольно, что это моя работа, меня для этого и позвали.

На огромной скорости к нам подлетает колонна генпрокурора: спереди и сзади машины сопровождения, сверкают фары, бешено вертятся мигалки, воют сирены. Можно было подумать, что приехал чуть ли не президент. Для чего вообще понадобилось это сопровождение на пустынной и перекрытой трассе?

Выходит Потребенько, сопровождающие его в поездке прокуроры, и идут по направлению к группе встречающих. Я стою впереди и жду момента, когда он подойдет к губернатору, поздоровается, они начнут о чем-то беседовать. Тогда и включусь в работу. И тут вдруг генпрокурор с озверелым лицом бежит ко мне вытянув руку, словно сержант милиции, закрывающий объектив видеокамеры, заснявшей его в непотребном виде. Я ничего не могу понять, опустил аппарат, не успев сделать ни единого кадра, ничего не сняв. И слышу вслед злой рев: «Ты еще не вздумай в газету дать!»

На этом весь «фотоальбом» и закончился. Областное руководство ни слова, никто меня защитить и не пытается, видимо, зная повышенную нервозность Потребенько. Я тихо отошел, забрался в машину председателя облсовета Валентина Семеновича Чайки. Когда он тоже сел в автомобиль, спросил его: «Валентин Семенович, вы что-нибудь поняли?» Он помолчал и говорит: «Наверно, его кто-то рассердил в той области, откуда он едет». Я понял, что в душе он думает так же, как и я, но не хочет говорить об этом вслух.

Если тебя ждут, встречают, если ты в гостях, ну води же себя по-человечески! С репортером или с кем-то другим, с кем угодно, нужно всегда оставаться человеком.

В семидесятые годы на территории нашей области начинались огромные стройки. Вместе с промышленными объектами — Южно-Украинской АЭС, Николаевским глиноземным заводом, Ольшанским цементным заводом, росли ввысь новые города и рабочие поселки. Их строили в основном комсомольцы, молодежь. Стройки объявлялись ударными, жизнь кипела. Жаль, что сейчас жизнь кипит на рынках, где эти ударники и передовики, дожив до нищенской пенсии, торгуют,

чтобы хоть как-то прокормиться. Эти люди остались ни с чем. Их просто обворовали.

Вспоминаю свою маму. Она всю жизнь проработала. И умерла при нищенской пенсии. Мы с братом Валерой старались помочь, чтобы хоть как-то скрасить ее старость. Хотелось угостить ее чем-то вкусеньким, чем-то порадовать.

Моя теща, восьмидесятилетие которой мы недавно отметили, тоже проработала всю жизнь, в том числе и на хороших, «хлебных должностях». Достаточно сказать, что она была главным бухгалтером базы треста столовых и ресторанов. Казалось бы, на такой должности старость себе обеспечить можно. Но она человек совсем другого, старого склада, не то, что сейчас. Они никогда не работали «налево», даже подумать боялись о воровстве, жили очень скромно, но достойно, и все время повторяли: главное, чтобы не было войны. Они пережили суровые, голодные годы, и потому знали истинную цену жизни.

Мама всегда горой стояла за Брежнева, на которого старики просто молились. Попробуй только сказать что-нибудь против него. Как говорила мама: «Не трогай голубя мира». Это мы уже потом узнали всю правду об этих «голубях», которые, в отличие от своего народа, действительно жили при коммунизме, о котором все остальные только мечтали.

Помню, как Хрущев обещал к восьмидесятому году построить коммунизм. Мы с нетерпением ждали назначенного срока, но вместо коммунизма в восьмидесятом году к нам пришла московская Олимпиада. Довелось мне поснимать и на этих спортивных соревнованиях, за что я благодарен комсомолу. Побывать и увидеть такое прекрасное чудо, снимать звезд мирового спорта – это незабываемо.

В дни Олимпиады умер Владимир Высоцкий. Власти старались замаять, сделать незаметной смерть человека, которого любила вся страна. Но Москва достойно проводила своего кумира в последний путь.

Семидесятые и восьмидесятые годы были необычными в плане жизни и человеческого общения. Жили мы скромно, небогато. Лишнего у нас не было, но мне кажется, что сами люди были другими. У нас не было личных машин и дач, но их нам с лихвой заменяла искренняя дружба. Часто мы собирались компаниями, ходили друг к другу в гости, вместе проводили выходные дни. Летом утром выходного дня собирались у

Варваровского моста, садились на попутные грузовики и ехали до Коблево, чтобы день-другой отдохнуть на море.

У нас в квартире на все праздники и дни рождения собирались наши друзья. Они говорили, что Кремко живет в центре и квартира у него большая, а потому сам бог велел собираться именно здесь. Я не возражал, мне было приятно, что друзьям нравится наша семья, наше жилище, а потому старался их не разочаровать своим недостаточным гостеприимством. Жена сейчас сама удивляется: как она тогда могла готовить сразу на двадцать человек? А ведь не уставала, да и получалось неплохо. И ведь тогда продуктов в магазинах почти не было. Сейчас пойди в супермаркет - и за полчаса можно накрыть любой стол на любом уровне, были бы деньги. Тогда таких возможностей не было. Но мы с друзьями все равно старались поставить на стол все, что у нас было.

Среди наших близких друзей того времени были Володя и Валя Ковалевы, Женя и Галина Демьяновы, Юра и Лариса Еремеевы, Слава и Галина Полтавцевы, Николай и Татьяна Пинчуки, Василий Чередниченко, Галина Тазарачева и многие другие. Я хочу сказать, что всем им благодарен за то, что они рядом. А если кого и не назвал, пусть не обижается - я всех по-прежнему люблю и ценю.

Наверное, 1973 год - самый счастливый год моей жизни. В апреле у меня родилась долгожданная дочь, которую мы с женой решили назвать Аленой. До мельчайших подробностей помню все детали, всю свою радость. Даже в первые недели доця была красавицей.

Обычно мужики мечтают о сыне. Но мне с самого начала хотелось девочку, и жена мне ее подарила. Такую радость в жизни испытывает всякий, у кого рождается долгожданный ребенок. Моя маленькая девочка с первых дней была милым созданием. Она очень быстро подрастала в круговерти и суеде нашей сумасшедшей жизни. Очень жалею, что тогда я не уделял ей достаточно внимания. Но такой уж была моя работа. Часто приходил поздно вечером - она уже спит, уходил рано утром, чтобы по редакционному заданию выехать в область - еще спит. Придешь на обед, а она в детском садике. Было обидно. Но зато на выходных мы обязательно вместе шли гулять.

Дочка росламышленным маленьким человечком. С первого класса английской спецшколы №2 она была круглой отлич-

ницей и впоследствии окончила школу с золотой медалью. Нас за десять лет не то что не вызывали из-за каких-то проблем, напротив, мы сами чуть ли не напрашивались пообщаться с учителями и директором. А они успокаивали: да не волнуйтесь вы, все у вашей дочери в порядке, были бы другие такими же, как ваша Алена, мы бы вообще проблем не знали. Директор школы Зоя Витальевна Габрук была знакома мне еще по обкому комсомола, где она работала до того, как возглавить учебное заведение.

На родительские собрания я ходил с удовольствием, зная, что ее будут хвалить. Алена росла очень ответственным человеком по отношению к своим одноклассникам, друзьям и учителям. Все домашние задания она готовила очень быстро, буквально за полчаса. Очень многое запоминала прямо на уроке. Любила читать, коллекционировала марки. Очень хорошо знала английский, причем настолько, что на уроках ей было просто неинтересно: зачем сидеть и учить то, что ты и так давно знаешь?

Когда Алена в первый день пошла в школу, то хотела взять с собой куклу. Но мы ей объяснили, что делать этого нельзя. Отсидев четыре урока, она с непривычки устала, и когда пришла домой, заявила нам: «А можно, я утром снова в садик пойду?»

Мы никогда ее не будили. Дочка сама исправно поднималась, быстро собиралась. Все было рассчитано до минуты, и я был счастлив наблюдать, как она идет в школу в белоснежных гольфиках, в чистенькой школьной форме с накрахмаленным белым передником. На собственном опыте зная, что такое больной желудок и как нетрудно его испортить неправильным питанием, я каждое утро бросал ей в портфель два яблока и несколько печений.

Из школы она возвращалась поздно. Каждый день сидела до четырех-пяти вечера. Я очень боялся за ее здоровье и укорял, что дочка чересчур ответственно подходит к учебе и общественной нагрузке, в то время как нужно побольше отдыхать. А она объясняла, что надо заниматься с отстающими ребятами, работать в учкоме школы, председателем которого ее избрали.

В школе ее любили и дети и учителя. Мальчики засматривались на Алenu. Особенно она приглянулась однокласснику по

1
D-1A

фамилии Павлович. Это был известный школьный сорвиголова, такой «боец» по дисциплине и успеваемости, что, казалось, хуже уже некуда. Раз в восьмом классе по окончании родительского собрания ко мне подошла его мама и вполне серьезно заявила, что он собирается жениться на нашей дочери. Я оторопел. От такой неожиданности у меня даже температура поднялась. Я прибежал домой и говорю: «Представляешь, жениться собираются!» Как оказалось, этот Павлович решил подшутить. Аленка ему очень нравилась, и он пустил такой слух о женитьбе, чтобы больше никто из мальчишек на нее не засматривался.

Хорошо запомнил, как Алену, окончившую школу с золотой медалью, прямо на площади Ленина поздравил и обнял ректор Николаевского кораблестроительного института Михаил Александров. Это был обаятельнейший человек, наш сосед, всегда улыбчивый, приветливый, добродушный. Когда он увидел дочку с медалью на шее, обнял ее и заявил: «Все, теперь она моя студентка». Я про себя вздохнул с облегчением: слава богу, пусть идет в НКИ и остается в Николаеве. Уж очень жалко было ее от себя отпускать. Но жена заявила: «В НКИ ребенок поступит только через мой труп». Она сама заканчивала этот вуз и решила, что Алене туда идти не следует.

Долго мы судили-рядили, куда нашей девочке поступать. Я хотел отправить ее в Киев на журналистский факультет, но там вступительные экзамены требовалось сдавать на украинском языке, которого Алена в школе, к сожалению, не изучала. Зато свободно владела английским.

2
D-2A

В итоге дочь решила поступать в Одесский институт народного хозяйства. Экономика тогда была модной специальностью, и мы решили, что с таким выбором можно согласиться. Смущало только то, что она будет жить в другом городе.

Блестяще сдав единственный экзамен, как золотая медалистка, она поступила в этот институт. Вначале пережить это было непросто. Мы стали искать ей в Одессе квартиру, в первое время ездили к ней практически каждую неделю. Алене на новом месте помогали наши друзья Людмила и Юра Григоренко. Раньше они жили в Измаиле, и мы с еще маленькой дочкой часто ездили к ним. Дядя Юра, который тогда работал в КГБ и курировал реку Дунай, устраивал нам пышные встречи, церемонные приемы на теплоходе «Айвазовский». Мы ездили к ним, как на праздник.

В период учебы в вузе наша дочка закончила специальные курсы по английскому языку, так что уже на втором–третьем курсах преподаватели, если отлучались, оставляли ее проводить занятия со студентами по английскому.

Алена жила у коренной одесситки Екатерины Борисовны – прекрасной женщины, преподавательницы университета, типичной одесской еврейки, оставшейся одной в четырехкомнатной квартире после смерти мужа. Она очень любила детей, любила и нашу дочку. В итоге мы с ней крепко подружились, и общаемся по сей день.

Общепризнанно, что евреи – прекрасные кулинары. Неудивительно, что Екатерина Борисовна готовила очень вкусные блюда, которыми потчевала и нас. За дочкой она следила, как за собственным ребенком: витамины, свежая пища, правильное питание, режим дня. Видя, что наша девочка в надежных руках, мы стали спокойнее.

Алена очень любила нашу квартиру, свой дом, в котором выросла. У нас до сих пор на пианино стоят все ее куклы. Но судьба играет человеком по-своему. В 1992–93 годах в украинских городах появились первые христианские миссионеры из Америки. Алена сдружилась с американскими миссионерами сначала в Николаеве, а потом и в Одессе. Она помогала им с переводом на русский язык. Этих ребят мы запомнили хорошо. Алена приводила их к нам в гости: Деби, Эд, Тэмми и парень, которого все называли Васей. Ему так понравилось, что он и сам стал называть себя на русский манер, а потому его настоящее имя мало кто знал. Этот Вася очень любил борщ. Бывало, съест тарелки две и просит: «Еще чут-чут». Симпатичный хлопец.

А Деби, родом из Филадельфии, два года жила в Одессе, хорошо выучила русский язык. На вид типичная пышная украинка, не скажешь, что американка. Она очень сдружилась с Аленой. Деби мне часто говорила: «Алесандро, Алена должна учиться в Америке», на что я ей неизменно отвечал: «Знаешь, до вашей Америки еще надо долететь». Чтобы там учиться, нужно платить не меньше двадцати тысяч долларов в год. У кого из нас могли быть такие деньги? Это и по сегодняшним временам очень крупная сумма, а для начала девяностых – вообще фантастическая. Но Деби не унималась, все настаивала. Перед своим отъездом обещала нам помочь решить вопрос обучения Алены в США. И улетела.

1

Прошел почти год, мы уже начали забывать об американской подружке нашей Аленки, уже близилась защита диплома, встал вопрос о поиске места работы. И вдруг в институт приходит увесистый пакет из Штатов с приглашением нашей Аленке от американской церкви бесплатно посетить международный студенческий лагерь в Чикаго. Позже выяснилось, что, приехав в Америку, Деби переговорила по поводу Алены со своим отцом. Семья у них небогатая, и пригласить девушку из Украины за свой счет ему было бы накладно. Но он помог сделать и оплатить приглашение через церковь.

Мы знали, что дочка через месяц вернется, что у нее здесь есть жилье, подыскивали работу. Словом, все планировали наперед. Однако жизнь внесла свои кардинальные коррективы в наши планы. И получилось все иначе...

▷1A

Я заранее начал готовиться к встрече рейса Чикаго – Киев, на котором она должна была возвращаться из США в Украину. В 1994 году были большие проблемы с бензином, пришлось запастись им впрок. Я привязал несколько канистр на крышу своего автомобиля. Мы полностью собрались и ждали звонка, чтобы выезжать в Киев. И она позвонила... Но только для того, чтобы сказать: «Папа, я остаюсь».

Хорошо, что мы с женой в этот момент сидели, а не стояли. Представить, как она может остаться в Америке, оказалось очень сложно. Дочка улетела в одной футболке и шортах, не взяла с собой почти никаких вещей, ни копейки денег. Как же она будет там жить?

2

В то время мы еще не могли пользоваться электронной почтой. Письма шли до трех недель и больше, часто терялись. Мы не могли дожидаться письма, чтобы прояснить для себя ситуацию, жили в полном неведении, осознавая то, что мы не в силах чем-либо помочь нашей Аленке. Я бы последнее отдал, чтобы взять билет и полететь к ней. Но чем бы я помог и как?

▷2A

Дальнейшую судьбу Алены опять-таки помог устроить отец Деби. Он был хоть и небогатым, но очень уважаемым человеком, пастором христианской церкви. Этот человек переговорил со своим другом Морганом Дэвисом – миллионером, членом совета директоров Лос-Анджелесского университета, и тот согласился помочь дочке с оплатой ее проживания и учебы в университете. Дай ему Бог здоровья и процветания его

бизнесу - за то, что он с честью выполнил свои обещания и в течение пяти лет помогал дочери учиться.

Многие знакомые и друзья не верили, что дочка смогла найти спонсора на оплату своей учебы, который безвозмездно выложил в общей сложности около ста тысяч долларов на ее университетское образование. Но это не выдумки о добром дядюшке Сэме, а истинная правда. В Америке очень ценят таких людей, как мистер Дэвис. За его меценатскую помощь Алене его освободили от уплаты налогов на сумму, значительно превышающую ту, которую он затратил на обучение девушки из Украины. Уже окончив университет, Алена его поблагодарила и спросила, должна ли она возвращать ему деньги? Он ответил: «Нет. Теперь ты должна сама найти себе достойную работу и свое место в жизни». На фирме мистера Дэвиса не было рабочего места для Алены, он работал совсем по другому профилю, нежели ее университетское образование. Поэтому она устроилась работать в иное место. Но с Морганом они остались друзьями, Алена приезжает к нему в гости, поздравляет с праздниками. Словом, поддерживаются нормальные добрые отношения.

Работу дочка нашла через Интернет, куда поместила свое резюме. Ее пригласили в Сан-Хосе – город с миллионным населением, расположенный в сорока минутах езды от Сан-Франциско и в тридцати минутах - от Тихого Океана. Здесь расположена знаменитая Силиконовая Долина – родина компьютеров. Алена попала в серьезную компьютерную компанию с молодым коллективом и с обаятельным приветливым президентом – китайцем по происхождению. Но что-то у них не заладилось. В период известных событий сентября 2001 года, когда террористы-камикадзе уничтожили обе башни Международного торгового центра в Нью-Йорке, наступил спад деловой активности, и эта компьютерная фирма обанкротилась.

Проработав меньше года, дочка скопила денег на билеты из Украины и обратно, чтобы мы смогли прилететь в Калифорнию и увидеть, как она работает и живет. Так я оказался на берегу Тихого океана в Сан-Франциско и «посмотрел» в сторону Находки, как в свое время с берегов Находки смотрел в сторону американского побережья Тихого океана. Из Николаева я летал на Дальний Восток, а потом через Западную Европу в

Калифорнию. Осталось перелететь через Тихий океан и у меня, как у Гагарина, в активе будет один полный виток вокруг Земли. Хотя, если быть точным, Гагарин летал на космическом корабле и намного выше.

Первый раз мы были в Америке около двух месяцев. Алена радовалась и стремилась нам показать как можно больше. Она уже купила машину, которую водила сама. Это нас удивляло и где-то беспокоило, тем более что американцы по трассам ездят на больших скоростях – не меньше ста километров в час, гоняют по хайвэю в пять-шесть рядов. Когда едешь вечером, видишь одни только огни автомобильных фар. Для них проехать пятьсот километров только лишь для того, чтобы иметь возможность искупаться в океане, – плевое дело. Или поехать из Калифорнии – края вечной весны, где никогда не бывает снега, куда-нибудь в заснеженные горные долины. Нас возили в Лас-Вегас, Лос-Анджелес, Санта-Барбару, Санта-Монику, Сан-Диего. В Сан-Диего мы увидели базу военных кораблей, где стояли авианосцы -похожие на те, что строились у нас в Николаеве. Стоял декабрь, но погода была солнечной и теплой. Вокруг все цвело и благоухало.

Больше всего нас поразил университет в Лос-Анджелесе, в котором училась Алена. Прошло почти два года с тех пор, как она его закончила, но создавалось впечатление, что здесь нет человека, который бы ее не знал. С ней приветливо здоровались и студенты, и преподаватели, останавливались, разговаривали. Она представляла мне профессоров, которые интересовались, как она устроилась после окончания университета. Я и представить себе не мог, что моя дочка пользуется здесь такой популярностью.

Нас очень удивил читальный зал университетской библиотеки. Здесь стоит до сотни компьютеров, на каждом столе по монитору. По компьютерной сети ты можешь найти необходимое издание и узнать, где оно хранится. Вообще через компьютер узнать любую информацию. У нас тогда персональные компьютеры только входили в повседневную жизнь, а для американцев они были столь же привычны, как и обычный телефон.

Алена предложила нам посмотреть ее дипломную работу, которая в числе лучших дипломов была оставлена на хранение в университетской библиотеке. Она подошла к компьютеру, быстро что-то набрала, и на экране появился адрес, указывающий место хранения ее работы, номер стеллажа и полки. По этим координатам нашли ее дипломную работу в красивом твердом переплете. Когда мы поднялись в административный корпус, я увидел огромный стенд, на котором висят персональные памятные доски с выбитыми на них золотом именами лучших студентов университета, учившихся здесь за всю историю с момента его основания. Всего их немного, десятка два или три. И одна из них - наша, посвященная студентке Алене Кремко. Мы с женой не смогли пережить этот торжественный для нашей семьи момент без слез.

В университете занимается две с половиной тысячи студентов со всего мира. Из них Алена оказалась единственной студенткой из Украины. А когда на праздники во время торжественного шествия студенты шли колонной и каждая группа несла флаг своего государства, наша дочка, по ее собственному выражению, несла флаг и за себя, и за всю нашу страну.

Когда она пришла на работу в компьютерную компанию «Молодая луна», то познакомилась с парнем, который родом из Вьетнама, но уже двадцать пять лет живет в Америке и давно имеет американское гражданство. Зовут его Дэниел. Он красиво за нею ухаживал, опекал, и я понял, что Дэниел по-настоящему полюбил мою дочку. Значит, у нее есть близкий человек, который о ней заботится и помогает во всем. На душе и сердце сразу стало спокойней.

Честно говоря, сначала я узнал о Дэниеле из ее писем и, пока его не увидел, боялся одного: все вьетнамцы такие маленькие, низкорослые. Когда-то я их посадил восемь человек в один «Москвич». Нужен ли Алене такой коротышка? Зато когда мы пригласили его на традиционный украинский борщ и вареники, которые приготовила в Штатах моя жена, я был приятно удивлен. Он высокий - моего роста, стройный, с черной, как смоль шевелюрой, очень симпатичный парень, еще и с нехарактерными для вьетнамцев большими глазами. Все мои сомнения относительно его внешности тут же развеялись.

К тому же, для меня немаловажен тот факт, что Дэниел оказался хозяйственным парнем и хорошим водителем. Он подменял Алену за рулем, когда они возили нас по американским городам и местам, известным своими достопримечательности. Ездили и за двести километров, и за шестьсот. Алена с Дэниелом предлагали сесть за руль и мне, но я ехать по скоростной трассе побоялся: вокруг «крутые» машины, огромные скорости, уж лучше я в сторонке посижу.

Посмотреть в Америке есть на что. Мы были уже два раза, а видели только самую малость. Ну, ничего, даст Бог, еще увидим.

Однажды я попросил Алену организовать мне встречу с президентом фирмы «Молодая луна», в которой она тогда работала. Президент оказался молодым симпатичным китайцем, приветливым и очень простым в обращении. Я хотел подарить ему бутылку «Козака» - качественной украинской водки в очень красивой бутылке, изображающей украинца в шароварах. К моему удивлению, дочка активно запротестовала против такого презента, мол, у них такое не принято, меня могут неправильно понять в коллективе. Я возмутился: «Ну, как же, я приду и скажу, что приехал из Украины, вот вам настоящая украинская горилка. Подарок от чистого сердца, что здесь плохого?» Но дочка твердо стояла на своем: нельзя. Что же, ей виднее, ведь я только приехал, а она живет здесь уже несколько лет.

А тут меня еще и оштрафовали. К фирме «Молодая луна» я подъехал на дочкиной «Хонде». Загнал машину на парковку и, как положено, кинул в парковочный автомат два доллара. Оказалось, не в тот. В итоге - я кому-то оплатил стоянку, а сам попал в нелепую ситуацию. Выхожу из офиса, а у меня на стекле висит квитанция: штраф 28 долларов. И нужно сразу оплачивать, иначе будут большие неприятности. Там народ очень законопослушный и эти квитанции никто не игнорирует. Там вообще нет такого, чтобы дать гаишнику десяточку, и мирно разойтись. Там за такую «десяточку» можно получить шесть месяцев тюрьмы, поскольку суд квалифицирует ваше подношение как попытку унижения полицейского.

Незадолго перед отъездом Алена позвонила мистеру Моргану Дэвису, который оплатил ее обучение в университете. Он когда-то выразил желание познакомиться с нами, ее

родителями, и вот, наконец, такая возможность выдалась. Дэвис по телефону назначил день и время, когда мы должны прибыть в его виллу, расположенную в шикарном районе под Сан-Франциско, где живут только миллионеры, примерно в часе езды от Аленкиного дома.

Ровно в двадцать ноль-ноль, как и было назначено, мы были у виллы на высоком холме, откуда, как на ладони, виден весь Сан-Франциско. Вилла просторная, комнаты – огромные. Супруги Дэвисы живут здесь вдвоем. Жена у Моргана чудная: полная, дородная, светлая – копия наша украинка в летах. Единственное, что отличает, так это совершеннейшая непосредственность. У большинства американцев вообще нет особой закомплексованности, а у миссис Дэвис и подавно. Она бегала, чирикала по-английски, рассказывала и показывала нам все вплоть до последних мелочей.

Еще подъезжая, услышали приятный запах жареного мяса, разносившийся на всю округу. Значит, миллионер готовится. И действительно, к столу были подано мясо-барбекю с картофелем, приготовленным, как бы у нас сказали, «в мундирах». Примечательно, что угощение он готовил сам. Как оказалось, несмотря на тугую кошелек, мистер Дэвис не чужд обычных радостей человеческого бытия, в том числе питает определенную слабость к кулинарии. Впрочем, как и его жена. Она приготовила замечательный овощной салат. Отмечу, что у них в приготовлении блюд используется масса овощей, о которых я, например, никогда и не слышал. Все эти овощи нарезаются, перемешиваются в огромном тазу. Казалось бы – ерунда, а на самом деле приготовлено так, что пальчики оближешь. Можно питаться одним салатом и быть сытым. Особенно приготовленным миссис Дэвис. Теперь я и в шутку, и вполне серьезно могу сказать, что у меня поваром в Америке были миллионер и его супруга.

Американцы любят одеваться очень просто и свободно. Когда мы собирались на эту встречу, я достал костюм, сорочку, галстук. Все-таки, думаю, иду не куда-нибудь, а к настоящему американскому миллионеру. Тут залетела дочка, приехавшая с работы, и не терпящим возражений тоном заявила: «Все снимай, и надень вот это». «Это» представляло собой джинсы и огромных размеров футболку, болтавшуюся у меня в районе колен и с плечами, сползающими на локти. Наряда я такого,

откровенно говоря, побаивался до последней минуты. «Увидит, - думаю, - мистер Дэвис, и решит, что к нему оборванцы из нищей Украины приехали». Представляете, каково было мое удивление, когда у ворот меня встретил улыбающийся бело-снежной американской улыбкой мистер Дэвис в джинсах и... точно такой же невероятных размеров футболке. Как по мне – что-то жуткое, а для американцев – полный кайф. Именно так здесь любят одеваться.

Чуть позже Алена мне перевела его первые слова в наш адрес: «А я думал, что ваш отец явится к нам в костюме и при галстуке, словно член Политбюро». В принципе, он почти угадал, и если бы не Аленка...

Мистер Дэвис знает о нас, жителях постсоветского пространства, буквально все, наверное, даже такое, чего мы и сами не знаем. Дело в том, что он вместе с женой долгое время работал в Москве. Естественно, общаться с нами, находить общие темы для разговоров, ему было намного проще, чем среднестатистическому американцу. Было видно, что встреча организована от души, ему от нас ничего не нужно. Просто решил посмотреть, что за родители у Алены. Что ж, интерес вполне объяснимый.

За дружеским столом мы подняли по бокалу прекрасного сухого вина и произнесли краткий тост за супругов Дэвис и за все, что они сделали для нашей дочки. И кто знает, как сложилось бы ее судьба, если бы не Морган Дэвис. Он, в свою очередь, пообещал помогать и дальше, в случае, если у нашей Алены возникнут какие-либо жизненные трудности. «Пусть Алена обращается к нам по любым вопросам, - сказал Морган Дэвис, - а вы, родители, можете быть уверены: у вашей дочери все будет хорошо».

У них такое человеческое отношение не принято даже по отношению к самым близким людям, даже к детям. Как правило, в обычной жизни дети американцев выплывают сами, не надеясь на своих родителей, сами ищут работу, учатся, сами преодолевают возникающие на их пути трудности. Нам воистину несказанно повезло, что нашелся человек, который так помог нашей дочери. Спасибо ему за все хорошее, что он сделал.

Мы оживленно общались, используя дочку в качестве переводчика. Аленка и поесть не могла нормально, весь вечер

помогала нам понять друг друга, ведь я не знаю английского, а у него тяжело с русским. Ужин уже подходил к концу, когда мистер Дэвис заинтересовался, как там поживает «Юкрэйн». У нас как раз прошла волна: одного посадили, другого выпустили, третий под подозрением. И все это в высших эшелонах власти. Ну, я возьми и брякни ответ: «Да чем там живет Украина, ворует потихонечку. А кое-кто так и на полную катушку».

Когда дочка перевела, Морган чуть не выпал из кресла. Он из тех людей, кто внимательно следит за новостями, - а таких, скажу вам честно, в Америке не так уж и много. И в ответ на мое заявление сообщает: «Ваш самый главный вор – мой сосед». Я в полном недоумении: «Кто?». Он отвечает: «Ваш экс-премьер Лазаренко. У него вилла от моей всего в нескольких минутах езды, на самой верхушке холма».

Мне, как человеку с фотоаппаратом, пройти мимо такого факта сложно. А уже десятый час вечера, вокруг темно. Как же быть? Говорю дочери: «Алена. Скажи ему, что хотелось бы приехать днем и посмотреть на виллу Лазаренко». В ответ мистер Дэвис охотно кивает: «О кей, в воскресенье в час дня будьте у меня, и я вас подвезу».

Мы так и сделали. Подъехали в воскресенье, ровно в час пополудни. Морган Дэвис и его жена встретили нас на огромном сверкающем джипе. «Пересаживайтесь, - предложил он, - подъем крутой, место высокое, ваша «Хонда» слаба для такой высоты, этот путь может не осилить».

Действительно, когда мы прибыли к вилле нашего незабвенного Павла Ивановича, а она оказалась на самой вершине крутого холма, - высокие калифорнийские облака плыли у нас под ногами. Есть вкус у Лазаренко! Вилла в трех ярусах на склонах холма, с отдельными гостевыми домиками, фонтанами, с таким богатым убранством, которого у нас в Украине вовек не сыщешь. Я ходил, снимал. Никто даже не вышел, хотя у них святое отношение к частной собственности, и мои действия американцы могли расценить как вмешательство в частную жизнь важной персоны. Но, на удивление, фотографировать мне не запретили. Видимо, «персона» сидит в тюрьме, и ей все равно, кто глазеет на эту виллу.

Когда мы вернулись вниз, нас встретила огромная собака, помесь овчарки с другой породой, причем и сам мистер Дэвис толком не мог сказать, с какой именно. Вдруг Морган кричит:

«Рубль, Рубль!» Я, грешным делом, подумал: «Наверное, здесь так принято, надо им наш рубль, точнее сказать, гривню, дать на память». Уже и в карман было полез. А оказалось Рубль - это кличка животного.

Рубль - пес огромный, мог стать на задние лапы, а передними облокотиться Моргану на плечи. Животное умное, все понимает. А глаза грустные, тоскливые, словно у человека. Особенно взгрустнулось Рублю, когда он услышал русскую речь. Он привык к английскому, но, услышав наш язык, уши не опускал целый вечер. Ловил каждое слово, и старался по-своему, по-собачьи понять, что это за люди приехали, говорящие по-русски, с какой целью?

Оказалось, что собака родом из Москвы. Когда Дэвис, работая в Москве, прогуливался с женой в Сокольниках, к нему подошел человек и предложил купить щенка за рубль. Видимо, по внешности мистера Дэвиса сразу определил, что это как раз тот человек, которому можно доверить животное. Морган купил собаку за рубль. И в память о той случайной встрече с незнакомцем назвал собаку Рублем.

Тот московский мужик не ошибся: собака попала в надежные руки. Улетая домой в США новый хозяин купил ей билет на самолет за 400 долларов, приобрел какую-то специальную клетку для транспортировки животных, - не каждый на такое пойдет. История с Рублем лишний раз подтверждает порядочность и доброту мистера Дэвиса, его человеческое отношение к окружающим.

Пока мы ужинали, Рубль лежал под столом на моих ногах. Я чувствовал тепло его верного и преданного собачьего тела, очень непросто было уезжать, глядя в грустные глаза Рубля. А как он старался выполнить все мои команды на русском языке: «Ко мне! Лежать! Стоять! Сидеть! Лапу!» Наверное, Рубль в этот момент думал, что если сдаст эти нехитрые собачьи экзамены, его заберут и опять отвезут на Родину, в Москву, в Сокольники.

Лишний раз я убедился, что собаки тоскуют не меньше нашего.

Мы привезли сувениры, в том числе хохломскую роспись, которую, как подсказала Алена, он любит и высоко ценит. В числе других сувениров был фотоальбом «Николаев», который, уезжая, я подарил ему на прощание. Наш город был закрыт, и его не то что в мире, но даже и в СССР толком не знали.

Далеко не каждый мог заехать сюда и увидеть эти мощные судостроительные заводы, стапели, краны. Поэтому, отправляясь в странствия, я взял за правило запастись альбомами, демонстрирующими наш родной город, его редкую южную красоту и огромный потенциал: человеческий, производственный, научный. Достался альбом и Моргану Дэвису. Когда тот начал его листать, его внимание привлекла страница с фотографией двух мощных финских кранов «Конэ», в свое время установленных на нулевом стапеле Черноморского судостроительного завода специально для строительства авианесущих крейсеров. Я тут же рассказал, что вместе они могут поднимать грузы весом до 1800 тонн. Мистер Дэвис в ответ заохал, заговорщически подмигнул и закатил глаза, давая понять, что поражен и восхищен. Если такие краны стоят, то в Николаеве живут люди, рукастые и квалифицированные, которые могут строить мощные военные корабли. Ведь во времена Советского Союза им в Америке все преподносили по-другому: в СССР живут одни пьяные недоумки в ушанках, не имеющие представления о современном научно-техническом прогрессе, а по улицам чуть ли не медведи разгуливают. Тут я его добил окончательно, сообщив, что именно здесь строились крупные советские авианосцы. Дэвис искренне полагал, что корабли такого класса строились только в США. А тут, в какой-то Украине, о которой большинство американцев и не слышало никогда, - и вдруг настоящие авианосцы, причем не хуже, а даже лучше американских!

Я еще и пошутил: «Мы не только многое умеем делать, но еще и кадры свои вам поставляем», - и показал на дочку. Все добродушно рассмеялись.

Пока мы жили в Америке, моя жена Наталья каждый день что-то готовила. Здесь вообще не очень-то готовят, предпочитая фаст-фуды и полуфабрикаты быстрого приготовления, которые за несколько минут можно разогреть в духовке. Поэтому когда супруга стряпала что-то вкусненькое, да еще и каждый день новое блюдо, все были в восторге. Собственно, вкусы американцев мы изучили еще в Николаеве, когда к нам в гости ходили друзья Алёны – американские миссионеры. Они очень любили украинский борщ, суп с фрикадельками и вареники с самой разной начинкой. Даже когда Алёна уехала, они по привычке приходили к нам в гости, веселые и беззаботные, с отменным

аппетитом, съедали по две порции. Им скоро возвращаться домой, у них в Америке родители, а каково живется моему дитю? Я не знал, даст ли ей там кто тарелку супа, и в те годы эта безвестность угнетала больше всего. Выходит, что Бог отблагодарил нас за то добро, которое мы делали для этих американских детей.

Помню, они жили по разным квартирам, и когда приходили ко мне, я давал им ведрами и ящиками овощи и фрукты со своей дачи и то, чем меня угощали во время командировок в хозяйства области. Миссионеры недоумевали, как можно брать продукты бесплатно: «Александр, сколько это стоит? - спрашивали они не раз. – Мы не будем бесплатно брать у тебя все это». А я думал: вы здесь возьмете, а моей дочке в вашей стране тоже кто-то даст. Так и вышло.

Хочу отметить не только американцев, но и наших земляков, которые живут там. Это Галина и Володя Хаиты, Нина Абрамовна и Яков Владимирович Кразы, семья Гефтов из Лос-Анджелеса, Виктор Ляпис из Сан-Франциско. Кстати, Ляпис – прекрасный врач – когда-то работал в николаевской больнице скорой медицинской помощи, и в 1984 году обнаружил у меня язву двенадцатиперстной кишки. Он и сейчас не остался равнодушным к моему здоровью. Во время каждого моего визита в Америку, он меня приглашает к себе и внимательно осматривает, консультирует, дает рекомендации.

Когда мы, наконец, вылетели на родину, в самолете предстояло провести 14 часов. Все впечатления от первого визита в Америку прокручивались словно видеопленка. Но радовало то, что мы собственными глазами увидели жизнь своей дочери и остались довольны. К тому же за нее можно быть вдвойне спокойно – она не одна, у нее есть Дэниел. Он привязался к нам, и в аэропорту, провожая нас, неожиданно расплакался. Дочка попыталась пошутить, но расплакалась вслед за своим женихом. Получилась очень трогательная сцена расставания, которую невозможно забыть, как и многие другие свои впечатления от увиденного и пережитого там.

Но оставим эмоции и обратимся к вещам сугубо материальным. Добирались мы рейсом авиакомпании КЛМ. Сначала по маршруту Сан-Франциско – Детройт. Там пересели на большой самолет, в котором из 340 пассажиров, наверное, 330 были индусами, летевшими через Амстердам на Бомбей.

В Детройте наш самолет задержался, и мы уже начали волноваться, что можем не успеть на киевский самолет в Амстердаме. И в самом деле, в аэропорту Амстердама мы приземлились в тот момент, когда уже близилась к завершению посадка в самолет Амстердам – Киев. Кое-как успели прыгнуть, что называется, на подножку.

При посадке в Киеве выяснилось, что весь наш багаж – четыре чемодана – благополучно улетел в Бомбей. Времени после посадки самолета в Амстердаме оставалось настолько мало, что служащие аэропорта даже не пытались открывать грузовые люки. Что поделаешь, пришлось в аэропорту Борисполь сделать заявление, что вещей у нас нет. В Николаев поехали налегке на машине товарища, который приехал нас встретить. Дома оказались примерно в час ночи. И сразу телефонный звонок: дочка из Америки звонит, волнуется, как мы долетели. Я ответил, что хорошо, но вот если бы нам еще и вещи вернули, было бы совсем замечательно. Аленка сначала подумала, что я пошутил, но уяснив, что это не шутка, сообщила, что в Сан-Франциско находится штаб-квартира авиакомпании КЛМ, и пообещала: «Сейчас позвоню туда. Ну, я им дам!»

В Киеве нам гарантировали, что все вещи вернут в сохранности. Самолет из Бомбея полетит в Вену, а оттуда наши вещи переправят в Одессу, и мы можем получить их в этом городе. Я сразу сказал: «Знаю, что такое Одесса. Отправите туда вещи – мы их больше никогда не увидим. Такой вариант мне не подходит».

Когда дочка позвонила в офис КЛМ, там к моей проблеме отнеслись совершенно по-иному. Через сутки после прилета где-то в шесть утра раздается звонок. Кто-то голосом, похожим на голос робота, говорит: «Стою у знака поворота на Матвееву. Как мне добраться к вам?» Я ничего не понял. Человек объяснил, что он агент компании КЛМ и везет мои вещи, благополучно снятые с бомбейского самолета, автомобилем из Киева. Думаю, человек не местный, зима, ночь, нужно поехать и встретить. А он в ответ: «Не положено, я сам должен доставить вещи точно по указанному адресу». Я дал адрес, но сам не выдержал и выбежал на Ингульский мост. Машин в это субботнее зимнее утро было мало. Поэтому я без труда вычислил их автомобиль, сел рядом, и показал, как проехать

к дому. Представитель компании отказался от помощи, и сам доставил чемоданы в нашу квартиру.

Я подумал: вот фирма, и наших служащих уже выдрессировали! Мои чемоданы, побывав в Бомбее, в целости и сохранности вернулись в Николаев. А все потому, что авиакомпания дорожит своей репутацией, а ее служащие – предоставленным им рабочим местом.

Нам до такого еще долго идти, да и вообще неизвестно, дойдем ли. Удивляет одно: в такой нищей стране, с очень низкими показателями развития, и вдруг такая разница в уровне доходов людей! Одни нищие, в помойных баках роются, а другие жируют, не знают, на что бы им еще свои деньги истратить...

Итак, мы вернулись после первой поездки в Америку и окунулись в свои повседневные будни. Великое дело – работа, когда ею занимаешься, получаешь большую радость.

Вскоре после нашего отъезда Алена и Дэниел поженились. У них была очень красивая свадьба в Лос-Анджелесе, собрались только самые близкие друзья и родственники со стороны жениха. Семья у него большая – пять братьев и шесть сестер, а своих внуков и внучек его отец и мать и по именам, скорее всего, всех на память не назовут. Дочка мне сказала, что когда на день матери у родителей Дэниела собираются все: сыновья, дочери, невестки и дети, получается стол человек примерно на сорок. Конечно, не все они живут в Лос-Анджелесе и не все смогли приехать, но кто смог – тот пришел.

У нас свадьбы гуляют совершенно по-иному, особенно в деревнях. Пока весь самогон не выпьют, всех кур не переловят, пока тещу в каком-нибудь болоте не искупают, где она еще и болячку, не дай бог, подхватит. А если морды друг другу не набьют, так это и вовсе не свадьба, а так, скромная вечеринка. Там это намного краше и приятней. Посидели за столиками с фруктами, шампанским и мороженым, утопающими в море цветов, пообщались. И даже если свадьба была совсем скромной, никто никого не осудит.

В январе 2002 года у нас появился внук. Назвали его необычным именем Итан. Чудный малыш. Его первые снимки,

полученные нами в Николаеве, сделаны в роддоме, когда ему было всего два дня. В Америке рожают всей семьей. Муж присутствует при родах, видит муки, в которых рождается новая жизнь, не без его, кстати говоря, помощи, и потом вряд ли уже забудет. Может, в том числе, и поэтому и отношение к любимому человеку там заметно отличается от нашего.

Дня через четыре после родов Алена была уже дома. У нас в голове прочно засела мысль: как можно скорее увидеть своего американского внука. Тем временем жизнь Алены и Дэниела заметно усложнилась. После событий 11 сентября 2001 года в Штатах наступил экономический спад, ударивший и по сфере компьютерных технологий. Распадались многие фирмы, сокращались штаты. Лопнула и фирма «Молодая луна», где работали наши молодые родители. В Америке обычно так не делают, и позже дочка с мужем поступили умнее: она устроилась в одной компании, он – в другой. Но сначала они оба остались за воротами фирмы и примерно полгода жили на пособие по безработице. По нашим меркам это большая сумма – 1300 долларов на каждого человека. Но для самих американцев это не деньги. Ведь любая молодая семья мечтает о хорошей квартире, а она влечет за собой затраты полторы-две тысячи долларов ежемесячно. Детский сад – тысяча долларов, если взять няню на дом – две тысячи. Плюс огромные налоги.

Первой нашла работу Алена – через несколько месяцев после родов. Но крохотный малыш... Желательно, чтобы на фирме об этом никто не знал – уволят сразу. Это они по телевизору такие гуманные и человечные, а на самом деле американские работодатели очень прагматичные и до жестокости расчетливые. Фирме не нужен работник, который будет бегать кормить дитя, смотреть за ним, думать о своей крошке. Им нужна только работа с максимальной отдачей, деньги, прибыль. А если у тебя в семье прибавление – до свидания. Разбейся со своим грудничком сам.

Алена украдкой бегала домой, чтобы покормить малыша. Часто ей приходилось по работе летать в Техас и Флориду. Как могла, им помогала мама Дэниела. Но мы понимали, что им все равно очень тяжело. Тем более что новая работа была не в пример сложнее предыдущей. Рабочий день начинался в семь утра и продолжался до позднего вечера. В итоге я уговорил

жену ехать помогать Алене, благо, что в первый приезд нам дали американскую визу сразу на три года.

Супругу я отправил в начале мая. Она полностью посвятила себя внуку и дочке с мужем, кормила их, выполняла домашнюю работу. Им стало значительно проще. Вечером Алена приходила домой, приносивалась и радовалась: «Ах, как вкусно пахнет у нас в доме. Что нам бабушка приготовила на этот раз?» А то ведь до этого привыкли бегать по кафе и ресторанам, а там, мало того, что дорого, так и не всегда особенно вкусно и полезно. Готовить же дома не принято, да и времени нет.

Впрочем, в ресторанах я увидел и свои положительные моменты. Если у нас туда идут исключительно выпить-погулять, то в Америке, как правило, действительно поесть. Очень часто идут всей семьей, даже с грудными детьми. Садятся, заказывают, ужинают. Самое интересное, там почти не пьют, ну может быть кто-то возьмет себе бутылку пива. Если кто чего не съел, официант собирает блюда в специальные пакеты и вручает посетителям на выходе, чтобы могли потом перекусить дома. Многие с таким расчетом и заказывают: часть съесть в ресторане, а остальное - унести домой. Их это устраивает.

...Жена и дочка звонили почти каждый день, уговаривали скорее приезжать. Я приехал в конце сентября и пробыл там почти два месяца. Потом мы улетели в Украину вместе с женой. От цветущих роз и магнолий, в нашу зиму, которая в 2002-2003 гг. была небывало суровой, длилась почти до апреля, и повлекла за собой страшный неурожай зерновых. Теперь, когда я пишу эти строки, мы собираемся к концу 2003 года ехать вновь, чтобы встретить в Америке день рождения нашего внука. Он, любознательный симпатичный мальчик, растет буквально по часам. Помню, как мы в Сан-Франциско прогуливались, он в десять месяцев уже всем улыбался серьезной улыбкой взрослого мужика и радостно зыркал по сторонам. Совершенно незнакомые люди останавливались и засматривались на наше маленькое чудо, разговаривали, трогали за ручки. Я с гордостью шел рядом с ним. Он уже немного говорит, дочка рассказывает, что он находит фотографии, которые я снимал в Америке, целует и кричит: «Деда! Деда!» Как сказал дочке один знакомый: Алена, таких детей должно быть много. Будем ждать, может, у нас появятся новые внучата.

Так что мы дали Америке не только квалифицированного специалиста – нашу дочку, но и еще одного маленького гражданина. Помню, как зять меня спросил: «Если вам так нравится в Америке, зачем же вы возвращаетесь в Украину?» Я ответил: «Сынок, это наша родина. А приеду я к вам навсегда, если мой внук станет президентом США». Посмеялись, конечно. Кстати, президентом этой страны и в самом деле может быть только гражданин США, родившийся на территории своего государства.

При всем желании, несмотря на сорок лет стажа, стабильную работу, на свои звания Заслуженного журналиста Украины и почетного гражданина г. Николаева, на неплохой, казалось бы, заработок, мне поехать в Америку к дочке совсем непросто. Даже деньги на перелет мы с женой накопить можем с большим трудом, не говоря уже об оплате проживания там, питании, каких-либо подарках для близких и знакомых.

На Западе добросовестная работа человека оценивается суммами совершенно иного порядка. Как однажды сказал мне один английский лорд, листая «Вечерний Николаев» (этот англичанин, владелец нескольких газет, был в нашем городе проездом, и решил зайти в редакцию «Вечернего Николаева», чтобы ознакомиться с работой ведущей городской газеты), фоторепортер такого уровня в Великобритании получает примерно 150 тысяч фунтов стерлингов в год. А у меня в том месяце, за который смотрел газеты британский гость, было опубликовано в газете более сотни моих авторских снимков – обычное для меня дело. Конечно, при таких заработках – а у американцев они не меньше, чем у британцев, – можно позволить себе, не напрягаясь, летать в другое полушарие. А нам с визитом в США помогала дочка - спасибо ей! Сами бы никогда не осилили все траты, связанные с такими поездками.

Конечно, жили мы не только поездками в Штаты. Я, помимо работы в «Укринформе», где не выпадаю из пятерки лучших фотокоров уже более двух десятилетий, сотрудничаю с газетами. В последние годы работаю с газетой «Вечерний Николаев». Кроме того, изданы фотоальбомы, буклеты, комплект открыток и большой перекидной календарь с моими работами.

1

А.А.Кремко

2

А.А.Кремко

В большинстве это снимки, отражающие жизнь нашего города, показывающие его красоту и самобытность, его жизненный потенциал. За прошедшее время был организован ряд моих персональных выставок. Одна из них в 2003 году открылась в Москве. Другая выставка – рассказ о нашем зоопарке – была открыта в Николаевском горисполкоме, позднее экспонировалась в выставочных залах города и должна отправиться в Москву. Посмотреть есть на что, ведь наш зоопарк признан одним из лучших в СНГ и, безусловно, лучшим в Украине.

Последние работы – очередной альбом «Николаев» и туристический альбом, также рассказывающий о моем любимом городе. Безусловно, сам бы я не потянул издание таких дорогостоящих альбомов. Я благодарен городскому голове Николаева Владимиру Дмитриевичу Чайке за помощь, оказанную в финансировании тиражей последних альбомов. Самого Владимира Дмитриевича знаю уже больше тридцати лет. Наш мэр – человек, на всю жизнь сохранивший комсомольский задор юности, с пониманием и уважением относящийся к моим творческим замыслам, помогающий воплотить их в жизнь. При его содействии за последние годы изданы мои фотоальбомы общим тиражом свыше шестидесяти тысяч экземпляров.

Одна из главных целей издания таких альбомов – повышение авторитета Николаева в Украине и за ее пределами. Сейчас наши альбомы разошлись по многим странам СНГ и Европы, попали и в Америку, и в Австралию, и на другие континенты. Если узнаю, что человек едет за границу, я порой просто дарю ему свои альбомы: берите, показывайте иностранцам, рассказывайте, ведь Николаев – база для строительства военных кораблей – всю жизнь был закрытым городом, хотя мы заслуживаем того, чтобы нас знал весь мир. Наш город прекрасен, но многие в мире еще о нас ничего не знают, или еще хуже, считают, что здесь люди живут на деревьях, а по улицам бродят медведи.

Сегодня местные власти принимают усилия, чтобы повысить известность и инвестиционную привлекательность Николаева. Значительные подвижки налицо. Еще двенадцать-четырнадцать лет назад иностранцы в наших краях были большой редкостью, а нынче мэрия и областные власти ежегодно принимают до 150 иностранных делегаций. И если в наш город приезжали с ознакомительными визитами, как говорится, на разведку, то

сегодня бизнесмены из других стран уже начинают вкладывать деньги в Николаев, открывают и успешно ведут здесь свой бизнес. Каждый приезжающий имеет возможность увезти с собой такой альбом, чтобы показать его у себя на родине, тем самым, повышая интерес к нашему городу, расширяя круг людей, знакомых с его историей, культурным наследием, промышленным потенциалом.

...В 1994 году я получил звание Заслуженного журналиста Украины, а совсем недавно решением сессии городского совета мне было присвоено звание Почетного гражданина города Николаева. На личном опыте я убедился, что получать звания легче, чем потом соответствовать этому званию, держаться на плаву, на высоком уровне. Ты же не один – вокруг коллеги, причем такие ребята, которые умеют работать, и подчас ничуть не хуже тебя. Ты, получив звание, обязан работать еще лучше, чтобы никто не показывал на тебя пальцем, мол, все это липа и Кремко «стал заслуженным незаслуженно». Поэтому звание - это с одной стороны почет, а с другой - груз ответственности. Не хочу показаться напыщенным, но считаю, что пока мне удастся с честью нести этот груз.

Считаю, что в целом моя жизнь удалась. Есть любимая работа, прекрасные жена и дочь, множество друзей, есть награды и регалии. Чего хотел – добился, многое смог сделать, а может, что-то еще смогу сделать в будущем. Будем жить! Время покажет.

«Тех, кто прожил вместе больше тридцати, надо награждать медалями», - поется в известной песне. Мое повествование было бы неполным, если бы я не дал возможности хотя бы коротко высказаться человеку, которого знаю уже свыше сорока лет и все эти годы крепко люблю, ценю, искренне уважаю. Итак, знакомьтесь: моя супруга Наталья Николаевна Кремко.

Ей слово.

«Родилась я 12 апреля 1944 года в городе Николаеве. Мой отец после освобождения города ушел с войсками на Одессу. Назад в семью он не вернулся. Мать осталась с больной бабушкой – у нее была сердечно-бронхиальная астма – и с

1

А.А.Кремко

2

А.А.Кремко

младенцем, то бишь со мной. Вскорости отец и мать разошлись, и я его встретила только через сорок пять лет в городе Одессе.

Жизнь была нелегкой. Мама рассказывала мне, как, бывало, получит булку хлеба на паек, я ее всю съем, а они с бабушкой только сидят молча и смотрят.

В 1961 году закончила двадцатую школу, которая тогда называлась железнодорожной и относилась к ведомству Одесской железной дороги. Очень хотела поступить в Днепропетровский государственный университет и стать химиком. Но, к сожалению, меня никуда непустили, и мне не оставалось ничего другого, как поступить в Николаевский кораблестроительный институт.

По тем временам в городе была всего два института – НКИ и педин. Бывало, николаевцы подшучивали: кто не смог поступить в НКИ, тот идет в педагогический. Училась я легко, но без особого интереса. Поэтому всю жизнь завидую людям, которые любят свою работу и идут на нее с радостью.

Двадцать лет я отработала на Черноморском судостроительном заводе в отделе главного технолога. Работала добросовестно, выполняла работу, которую мне поручали. Потом был научно-исследовательский институт «Сириус», а дальше – работа, которая далека от моего образования.

Мои школьные друзья, когда встречаются со мной, очень удивляются, что моя карьера сложилась именно так. Я была активной комсомолкой, но до членства в партии дело не дошло. Если наш парторг отдела ходил за мной и убеждал, что я должна стать членом партии, то я так не считала. Я была наивной и верила всему, что было написано в трудах Ленина и Моральном кодексе строителя коммунизма. Еще передо мной был наглядный пример того, как некоторые коммунисты вели себя в реальной жизни. К сожалению, их поведение не соответствовало ни одному пункту из того, что было написано в кодексе строителя коммунизма. Но никакого наказания за это не несли.

Да, возможно, моя судьба и карьера могли сложиться бы и по-другому, но я благодарна Богу за то, что все сложилось так, как сложилось, и ни о чем не жалею.

С Сашей мы познакомились на заводе, когда я пришла в лабораторию, где он уже работал. Это был очень интересный молодой человек, очень энергичный и активный. Мы оба были членами завкома комсомола, а по тем временам завком стоял

на одном уровне с райкомом комсомола. Вскоре его забрали в армию. Я его провожала, и для меня эти проводы были очень грустными.

Но жизнь продолжалась. Через три года Саша вернулся. Мы еще год дружили, встречались. Тогда вопросы брака не решались так быстро, как сегодня. И 14 октября 1967 года наконец поженились.

Вот уже тридцать шесть лет мы – одна семья.

В жизни бывает всякое, и я не верю тем людям, которые говорят, что в их жизни все очень хорошо. Они лукавят. Не зря говорят: жизнь прожить – не поле перейти.

У нас выросла прекрасная дочь Аленка – наша надежда и опора.

Я всю жизнь старалась не мешать Саше заниматься его любимым делом. Понимала, что это – не просто щелкать фотоаппаратом, а творить, и у него это получается. Один знакомый как-то сказал моей соседке: «А, это тот Кремко возле вас живет, который фотограф?..» - «Он не просто фотограф, - с достоинством ответила соседка, - а фотокорреспондент и настоящий фотохудожник. А мы с вами тоже можем нажимать на затвор фотоаппарата и говорить, что мы фотографы».

Сейчас многие «нажимают». Их снимки ставят на полосы газет. Раньше это было не так просто.

По иронии судьбы последние десять лет я работала в газете «Рідне Прибужжя» в должности зав. канцелярии и видела нелегкий труд журналиста изнутри. Тот, кто думает, что журналистика – это легко и просто, глубоко ошибается. При этом, если литературный журналист может писать материал на своем рабочем месте, то фотокору обязательно требуется быть в нужном месте, в нужное время, да еще и не в одном, а сразу в двух-трех, и необходимо везде успеть.

Сейчас есть цифровые фотоаппараты, а раньше – проявители, закрепители, дефицитная фотобумага, которую иногда не удавалось достать. Не всякий мог выдерживать эти сложности, этот бешеный темп, оставаясь настоящим мастером своего дела. Для того, чтобы работать, нужна жесткая внутренняя самодисциплина. У Саши она есть.

Сегодня к журналистике на словах относятся с уважением и пониманием, а на деле, зачастую, все происходит иначе. Когда-то наш редактор, зная мое техническое образование,

предложил мне писать на соответствующие темы. Но я даже в мыслях не могла себе такое разрешить. Я считала и считаю, что сапоги должен шить сапожник, а писать и снимать – журналист. Нынче все просто: главным редактором может стать любой, не обязательно заканчивая журфак университета. Будут ли читать такую газету – это уже второй вопрос.

Таков мой взгляд со стороны на очень нелегкий труд журналистов...

В 2002 году я ушла на пенсию. У меня теперь другая жизнь, есть время все вспомнить, проанализировать, сделать выводы. Я благодарна Богу, что он свел меня с Сашей. Он - наша опора. И это не просто слова. Он прекрасный муж и отец, он всегда очень ответственно подходит ко всем домашним праздникам, очень любит преподносить приятные сюрпризы. Скажем, пока я была у дочери в гостях, закатил в квартире грандиозный ремонт. Вернулась – это было потрясюще!

Я всегда благодарила его маму - за то, что она смогла воспитать настоящего мужчину, который чувствует ответственность за свою семью. К сожалению, ее уже нет, она ушла из жизни.

Саша очень добрый человек. Он безгранично любит свою дочь, заботится о ней, старается как-то поддержать, поощрить, побаловать. Я всегда была для нее своеобразным цербером, а он – нет: все понимающий, надежный, все исполняющий. Дочь мне как-то сказала: «Ты мама всегда была строгой, а вот папа...».

Вот какой он, наш папа!

Он очень любит животных, обожает свою домашнюю собаку, относится к ней не хуже, чем к человеку: по ночам встает и укрывает, словно малыша, балует, разговаривает. Не он управляет ею, как хозяин, а она им: что собака хочет, то хозяин с готовностью выполняет.

Я могу рассказать о Саше много хорошего, доброго, интересного, смешного. Думаю, что своим поведением, общительностью, своей коммуникабельностью, он хорошо себя характеризует. Саша – душа компании. Он узнаваем. Где бы он ни появлялся, там всегда звучат шутки и смех.

Я хочу, чтобы Саша жил долго-долго, чтобы его творчество продолжалось и засияло новыми красками, а мы всячески будем ему в этом помогать и вместе с ним радоваться».

ИЗ КНИГ ОТЗЫВОВ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ФОТОВЫСТАВОК АЛЕКСАНДРА КРЕМКО РАЗНЫХ ЛЕТ

1974 год

Смотрел твои, Саша, работы и радовался, как ты вырос за последние три года, которые мы с тобой отработали в разных редакциях. Много у тебя хорошего, много удач. Никогда не уходи с дороги газетчика, фотопублициста. Фотографом может быть почти каждый из нас, а вот репортером – нет. Дерзай на этой нелегкой репортерской стезе...

**Анатолий Колесник,
журналист**

* * *

У тех, кто хоть раз в жизни своими глазами видел эти фото-пейзажи, надолго останется в сердце чувство любви к родной земле, чувство гордости за ее щедрость и богатство.

Учительница Орлова

* * *

Поражает широта тематики, глубина образов, зоркость видения мира, и конечно огромная трудоспособность. Так держать!

Э.Мефферт

* * *

Выставка тов. А.А.Кремко - это волнующий рассказ о жизни наших людей, их чувствах и переживаниях, радостях и заботах, труде и отдыхе. Не обилием световых комбинаций и эффектов, не нарочитыми и замысловатыми кадрами ценятся фотоснимки, а своей художественностью и правдивостью. А в фотографиях тов. Кремко есть и правда жизни, правда человеческих чувств, красота родной природы. Искусство видения, высокая фото-техника и реализм отличают снимки тов. Кремко.

Переходя от фотографии к фотографии, мы встречаемся лицом к лицу с фактами современности, теми неповторимыми

1

А.А.Кремко

2

А.А.Кремко

мгновениями в жизни человека, которые запечатлены кадрами прекрасного мастера фотографии тов. А.А.Кремко и которые надолго останутся в памяти.

**Синицкий, фотолюбитель,
ул. Космонавтов**

* * *

Я знал, что ты станешь настоящим репортером. Твои сегодняшние работы служат доказательством этому.

**В.Куйбарь,
журналист**

* * *

Светло, талантливо, легко,
Умело, точно, дивно.
Итак, да здравствует Кремко! -
Мы скажем ОБЪЕКТИВно.

**Э.Январев,
В.Качурин,
Г.Сарапион**

* * *

Круг сюжетов, попавших в фотообъектив Александра Кремко, столь широк, что он удовлетворит самым разнообразным художественным вкусам. Каждый посетитель выставки найдет на ней свое любимое. Думаю, что наибольшей высоты художник достигнет в лирических, жанровых и пейзажных сюжетах.

Я знаю Сашу Кремко давно и могу с радостью констатировать, что он, как художник, растет не по годам, а по дням. Уверен, что и на крупнейших выставках светописи он будет занимать самые высокие места.

**А.Топоров,
литератор, педагог,
Николаев**

* * *

Хочу научиться так фотографировать. Когда подрасту, приду в фотоклуб, а пока прихожу второй раз на выставку. Мне все нравится, особенно природа и спорт.

**Саша Гуреев,
семиклассник**

* * *

Фотожурналист – профессия творческая. Посмотрев вашу выставку, понял, что путь к хорошей и интересной фотографии был нелегким.

**Бывший фотокорреспондент из Латвии
И.Станкевич**

2002 год

Снимать, как Кремко
Не так уж легко!
Душа у Кремка
Светла и легка.

Э.Январев

* * *

Уміти спіймати посмішку, настрої - це наче схопити за хвіст жар-птицю: це казково. Зробити це, зафіксувати прекрасні і сумні, величні і веселі миттєвості нашого життя може справжній Майстер, Творець. Дякуємо О.Кремку за щедрість душі, за отой Божий дар, який робить наше життя Вічним.

**Тетяна Даниленко,
журналіст і сусідка.**

* * *

Ваш мир – необычный, волшебный, неожиданный. Такое ощущение, что даже Николаев (сам Николаев!) - из волшебной, очень красивой сказки.

Инга Савицкая

* * *

Дорогий Maestro! Крики – браво!
Корабель у мандри вируша.
Так душа співає – нелукава,
Об'єktiv і око – як душа.
Ти іще з коханою в обнімку,
І вино, й пташине молоко...
А твоє життя – як ти на знімку,
І безсмертя дарував Кремко.

Дмитро Кремень

* * *

Видеть мир так, как видит его Александр Кремко, могут немногие: выразительно, осмысленно и четко.

Т.Бондаренко

* * *

Перестану пить, скоплю денег, куплю фотоаппарат и буду как Кремко.

С.Осецкий

* * *

У ваших произведений есть особое отличие. Ваши снимки отличаются степенью красоты. Наверное, чтобы на века запечатлеть этот миг, необходимо быть таким человеком, каким есть вы. Некоторые фотографии просто излучают добро и положительную энергию, передавая ваше настроение.

Евгений Ласкин

* * *

Саша, ты великий труженик, умеешь хорошо работать... Первую твою выставку на этом же месте мы смотрели с Василием Поликарповичем и были в восторге.

Александра Ивановна Стрельникова

Мне всегда импонировали люди с высокой общественной активностью, открытые и доброжелательные, нацеленные на совместные дела и общее благо. Эти качества в полной мере присущи Александру Кремко, которого я знаю, можно сказать, всю сознательную жизнь – с комсомольской юности. Так складывалось, что наши пути время от времени пересекались, а с того момента, когда в 2000 году меня избрали Николаевским городским головой, сотрудничество с Александром Александровичем стало постоянным.

Теперь мне даже трудно представить себе, как бы мы обходились без А.Кремко с его волшебным объективом и постоянной готовностью к творчеству. Нужно очень любить свой родной город и его людей, чтобы без усталости запечатлевать их на сотнях и тысячах черно-белых и цветных фотоснимков, находя все новые и новые ракурсы. Благодаря усилиям и инициативности Александра Александровича, постоянно побуждающего окружающих к движению и росту, у нас появилось несколько замечательных красочных изданий, помогающих городским властям пробивать завесу закрытости и секретности, которой многие годы был окутан Николаев. Его снимки являются украшением, можно сказать, «фирменным знаком» нашей городской газеты «Вечерний Николаев».

Земляки по достоинству оценили его талант фотолетописца и огромный труд. В общегородской программе «Горожанин года» Александр Кремко был признан победителем в номинации «Средства массовой информации», а вскоре городская община удостоила его высшего звания – Почетный гражданин города Николаева.

Нас многое с ним роднит: и общая память о комсомольской юности, и природный оптимизм и жизнелюбие, и любовь к нашему славному красавцу-Николаеву и его людям. И еще одно – оба мы до самозабвения любим петь, и порой, бывает, когда оказываемся в одной компании, не можем удержаться от того, чтобы не спеть дуэтом «Белые крылья» или какую-нибудь другую любимую и задушевную песню.

Нынешнее жесткое и прагматичное время, казалось бы, не способствует проявлениям общественной активности и бескорыстного служения общему благу. Тем отраднее, что в нашем городе есть немало людей, для которых слова «городской патриотизм», «энтузиазм» – не пустой звук. Влюбленность

в Николаев и родной край, желание и умение сделать его краше - для Александра Кремко органическое состояние души.

Спасибо ему за это!

Владимир Чайка,
Николаевский городской голова.

ЖИВАЯ ЭНЕРГИЯ

Не верится, что этому человеку – 60. И не только потому, что он – стройный, подтянутый, всегда в движении, а потому что он, в моем представлении, всегда одинаково молод.

В 1967 году я ушел с комсомольской работы, но очень длительное время следил за всеми, кто на этом поприще трудился. Естественно, болело сердце и за газету «Комсомольская искра», к созданию которой имел прямое отношение. Дела с подпиской всегда были непростые. Команда журналистов в газете была хорошей, профессиональной, но многим не хватало опыта, журналистского мастерства.

И вот заметил, что появились на страницах молодежной газеты «живые» фото – фото от жизни, а не статично выстроенные лица. Познакомился с их автором – молодым, приветливым пареньком. Затем стал часто общаться.

Подкупала его безотказность. Это сейчас фотокорреспонденты сами ищут сюжеты, события, выбирают объект показа. А тогда многое печаталось по указанию свыше. Работая первым секретарем горкома партии, нередко доводилось подсказывать газетчикам, что надо показать в печати. И стал замечать, что Саша Кремко, внимая наставлениям, не просто добросовестно их «отрабатывает», а умеет в каждой съемке найти свой «угол зрения». Его работы не уступали работам «южноправдовских» Ильи Кальницкого и Бориса Рыбакова.

Во второй половине 70-х годов прошлого столетия я работал в других городах, но замечал, что фото А.Кремко часто стали появляться в республиканских и союзных изданиях. И приятно было осознавать, что ты этого молодого человека знаешь лично, имеешь фотографии, им сделанные.

Когда в конце 80-го года я снова стал работать в Николаеве, первое время жил в гостинице «Ингул». И вот иду утром на работу, а навстречу - Саша Кремко ведет дочурку в школу. Удивился, что так быстро растет новое поколение, ибо сам Александр был таким же, каким я его видел семь лет назад и каким запомнил: легко одетым и с двумя фотоаппаратами на шее.

Да и сейчас, когда я приезжаю в область или встречаюсь с ним в Киеве, каждый раз про себя отмечаю, что внешне он мало изменился, но как человек вырос!

Свое эссе я назвал «Живая энергия». На первый взгляд – тавтология, ибо энергия – это уже движение. Но есть потенциальная энергия, которая срабатывает в какой-то определенный момент, а Александр Александрович Кремко – это постоянное движение. Именно непосредственность, стремление везде быть, всюду успеть, все самому увидеть и запечатлеть стало основой его мастерства и признания. Его фотопортреты, фотоэтюды, фотопейзажи сегодня знают не только в Киеве или Москве. Фотоальбомы с его работами – достойный подарок каждому николаевцу и гостю любого ранга и любой страны.

Работы А.А.Кремко нередко мы видим на страницах украинских центральных газет. Его мастерство и трудовой путь достойно оценены. Не знаю, есть ли еще где-то областной центр, который Почетным гражданином города признал фотокорреспондента. Николаевцы это сделали и не ошиблись, потому что своими работами Александр Кремко прославляет город, его людей, их деяния, пишет его историю. А это очень многое значит.

**Вице-президент землячества
«Николаевщина» в Киеве
Л. ШАРАЕВ.**

О книге заслуженного журналиста Украины, фотокорреспондента Укринформа Александра Кремко говорит
Чрезвычайный и Полномочный Посол Украины в России
Николай Петрович Белоблоцкий:

Когда узнал, что заслуженный журналист Украины Александр Александрович Кремко к своему юбилею готовит новую книгу, искренне порадовался. Особенно тому, что он решил в

ней рассказать, что осталось за кадрами его съемок. Ведь мне много раз приходилось наблюдать за работой Александра на различных мероприятиях, в трудовых коллективах, на отдыхе и просто на улице. И всегда отмечал про себя его умение подметить интересный людской типаж, уловить, казалось бы, обычный миг нашей жизни, который затем на его фото становится достоянием истории. С Сашей у нас множество общих знакомых, которых он снимал. Теперь будет возможность узнать из книги профессиональные секреты фотомастера, понять, как воплощаются его замыслы в шедевры.

И это не преувеличение. Александру Кремко удалось создать галерею портретов известных в Николаевской области и Украине людей труда, искусства и политики, отобразить в снимках красоту уникальной природы Прибужья и северного Причерноморья. В своей любви к родному городу корабелов он признался не на словах, а в нескольких красочных фотоальбомах, которые теперь стали визитной карточкой Николаева. И город не остался в долгу перед фотомастером, признав его своим почетным гражданином.

В людях я больше всего ценю искренность и профессионализм. Именно, эти качества, присущи фотомастеру Александру Кремко. Мне кажется, что с Сашей мы знакомы целую вечность. Так бывает, когда человек с первой встречи легко и без проблем входит в твою жизнь и надолго становится искренним другом. Его можно позвать в нужную минуту, и он никогда не откажет. Тогда забывается день и час первой встречи, а остается это чувство вечного знакомства.

Саша не раз снимал и меня. В далекой молодости для молодежных газет, затем центральных изданий страны во время моих рабочих поездок из Киева в Николаев, и теперь в Посольстве Украины в Москве. Скажу честно: не люблю позировать перед объективом, хотя и знаю, что публичному политику этого не избежать. Порой раздражает, когда приходится под прицелом фотоаппарата изображать радость, а в это время на душе кошки скребут. Саша же свою работу всегда делает мастерски. Предлагая принять ту или иную позу для съемки, он пересыпает эти приготовления шутками-прибаутками, свежими анекдотами. Хочешь, не хочешь, а в такие моменты забываешь о проблемах и улыбаешься... Вот это я и считаю профессионализмом.

В моих фотоальбомах хранится много фотографий, сделанных Александром Александровичем Кремко. Они возвращают меня в разные периоды жизни. И порой старый кадр навеивает столько приятных воспоминаний о друзьях, о пережитых вместе моментах...

Уверен, что новая книга известного украинского фотожурналиста у многих тысяч его героев пробудит подобные чувства и станет учебным пособием для его начинающих коллег. Ведь призвание фотожурналистики не только отображать мгновение современности, но и сохранить для истории дух времени, людские характеры, ушедшей эпохи.

ЕНЕРГЕТИКА ФОТОТВОРЧОСТІ

Уперше ми зустрілися грудневого вечора 1966 року в редакції новоствореної (вірніше, відродженої) обласної молодіжної газети. Після сумнозвісних хрущовських реорганізацій, які зачепили своїм руйнівним крилом і пресу, миколаївська "Комсомольська іскра" перемістилася до Одеси. І тепер, після чергової постанови ЦК партії, яка повертала все на криги своя, з 1 січня 1967 року в місті корабелів відновлювався випуск молодіжки, але вже з новою назвою - "Ленінське плем'я".

Ось того, грудневого вечора й зібрались ми, молоді журналісти, які добровільно зголосилися працювати у новій газеті, на свою найпершу планірку - новорічного номера. Завдання, прямо скажу, було не з простих. З одного боку - святковий номер, що мусив мати свою режисуру, свій дизайн, новорічну тематику. З іншого ж - у ньому мали бути заявлені бодай провідні рубрики, теми на більш тривалий період. Ми ставили собі за мету з першого ж номера визначити найхарактерніші риси обличчя газети, які б відповідали її призначенню і спрямованості.

На тій планерці мою увагу привернув високий юнак з густою шевелюрою темно-русявого волосся, якого редактор газети Павло Куляс представив як фотокореспондента газети. Я знав лише, що його звуть Олександр, і що прийшов він до новоствореної редакції з Чорноморського суднобудівного заводу,

де теж займався фотосправою, хоча в газеті до того, на відміну від більшості з нас, здається, не працював.

Та вже з перших днів нашого знайомства, з перших спільних відряджень за редакційним завданням я дедалі більше й більше пересвідчувався, що в особі Олександра Кремка редакція придбала не просто фотокореспондента, який сумлінно виконує свої обов'язки, досконало володіє фототехнікою. До газети прийшов майстер у прямому розумінні цього слова. Його пріоритетні знімки, в яких розкривалися найтонші риси людських характерів, фоторепортажі, котрі майстерно відтворювали динаміку подій, оригінальні роботи в інших жанрах, що вихоплювали з бурхливого потоку життя й затримували на плівці неповторні миттєвості часу, засвідчували, що ми маємо справу зі справжнім фотомитцем, людиною, яка по-своєму бачить світ.

Маючи вже певний досвід редакційної роботи, я знав, що фотоілюстрація в газеті нерідко виконувала другорядну роль. Її використовували для "розбавлення" сліпого тексту на полосі, підверстували під тим чи тим матеріалом тощо. Фотопраці ж Олександра Кремка несли в собі зовсім інше смислове навантаження. Вони були самодостатніми. Їхня інформаційна наповненість, змістовна енергетика, надавали в багатьох випадках потрібного заряду всьому номеру.

Пам'ятаю, у мене виникла тоді ідея розповісти нашій молоді про романтичну професію доглядачів маяків, про архітектуру цих специфічних навігаційних споруд, їхню часом досить цікаву історію. Саша Кремко одним з перших схвалив цю ідею. Вона захопила його так сам, як і мене. І ми вдвох поринули в роботу. Разом відвідали Очаківський маяк, Руський. Ожарський, Тендрівський, Передній Вікторівський Аджигольський, Лиманський... Розповідаючи про кожен з них, ми намагались органічно поєднати переконаність друкованого слова і наочність фотоілюстрацій. Статичні, задавалося б споруди, мовби оживали під всевидющим об'єктивом Кремка. Знімки не просто доповнювали текст, вони фотомовою розповідали про доглядачів маяків, допомагали читачу предметніше уявити специфіку їхньої праці.

З Олександром Кремком працювати було цікаво. Іноді його погляд фотохудожника допомагав чіткіше визначитися з темою, подачею матеріалу, краще побачити несподівану грань характеру людини, знайти вдалий сюжетний поворот.

Запам'яталося наше відрядження до Чорноморського заповідника, що розмістився на території Херсонської та Миколаївської областей. Я збирав і готував до друку текстовий матеріал про цей незайманий куточок незайманої природи півдня України. А Саша Кремко намагався зафіксувати з допомогою фотооб'єктиву найцікавіші моменти його невидимих для сторонніх очей життя. Зірке око професіонала здатне було побачити і царствені постаті двох плямистих оленів, що стрімко вихопилися на порослий типчаком пагорб, і граціозну красу білих великих чапель в Ягорлицькій затоці, і сліди драматичних поєдинків у боротьбі за виживання серед тваринного світу заповідника...

Наша творча співдружність тривала протягом кількох років. Докладна розповідь про неї зайняла б чимало місця. Тож розповім лише про один епізод. В 1989 році, працюючи вже головним редактором журналу "Вітчизна", я вирішив провести журналістське розслідування згубного для природи розширення будівництва Південно-Української АЕС. Готуючись у відрядження, зателефонував Кремку і запропонував поїхати на АЕС разом. Саша охоче погодився. І ось ми - на скелястому березі Південного Бугу. Перед нами - дивовижний каньйон, унікальна пам'ятка природи, куточок Швейцарії в нашому рівнинному степовому краї. Внизу вирує спінена вода на Богданівських порогах-бояках, обабіч стрімкого потоку височіють гранітні скелі, над якими тисячоліття працювали вітри-архітектори й скульптори. Одна скеля схожа на голову бородатого чоловіка, інша нагадує рухли середньовічного замку, ще одна скидається на гігантську черепаху, що вигріває на сонці свій крем'янистий панцер. І вся оця неповторна краса приречена на затоплення. Для охолодження нових реакторів АЕС потрібно багато води, тож на місці каньйону герострати з владних кабінетів замислили утворити два водосховища, що мали поховати і завбачливо висаджені в повітря скелі і острови Бузького гарду - колиски козацької вольності і природне середовище місцевої флори і фауни, занесеної до Червоної Книги.

Олександр Кремко без зайвих пояснень зрозумів свою мету: треба будь-що зупинити це варварство. І не тільки силою слова, а й переконливими фотосвідченнями. І він не гаючись взявся до роботи. Побачивши, а потім і використавши у своєму розслідуванні його знімки, я був вражений - наскільки точно й

професійно зумів він показати, над якою красою занесено було сокиру. На знімках - і "бородата" скеля Пугач, і стрімкий нурт Південного Бугу, в оточені поруйнованих вже подекуди безжальними вибухами гранітних берегів, і бурильна машина, схожа на величезного овода, що уп'явся своїм жалом в чергову скельо-жертву і розгублені обличчя бурильників: "Нас примусили". Гадаю, що ті фотозвинувачення, опубліковані в журналі теж сприяли тоді запровадженню мораторію на затоплення Богданівського каньйону. Фотознімки О.Кремко теж стали своєрідною охоронною грамотою гранітного Побужжя.

Не хочеться вірити, що моєму давньому другові - 60. А якщо це й правда, то 60 років у такому разі не що інше, як пік розквіту творчих сил і молодості.

Олександр ГЛУШКО,
заслужений журналіст України,
головний редактор журналу "Вітчизна"

В КНИГУ ОБ А.А. КРЕМКО, ПРИУРОЧЕННЮЮ К ЕГО 60-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ

Что привлекает в творчестве николаевского фотохудожника Александра Кремко? Однозначно ответить трудно. Очевидно, его искренность, откровенность, тонко подмеченная примета времени, эмоция, душевный порыв. В его альбомах можно найти то, на что сегодня в обществе дефицит: доброту, любовь, совершенство, оптимизм, гармонию красоты и чувств. Его снимками говорит само время. Работа, которую маэстро светописи делает талантливо, профессионально и с любовью, неоценима: он иллюстрирует жизнь. Во всех ее красках и проявлениях, такую, какая есть.

Так пусть же никогда не исчерпается родник творческого вдохновения мастера-летописца, пусть талант и художественный поиск будут всегда на взлете, пробуждая добрые

человеческие эмоции и чувства. Желаю Вам, Александр Александрович, и дальше так держать, сохраняя присущий вам собственный почерк художника. Пусть натюрморты Ваши пахнут, цвета на снимках – не блекнут, а глаза героев Ваших фотографий говорят...

Крепкого Вам здоровья, семейного благополучия и творческих удач.

**Александр Кузьмук,
народный депутат, генерал армии Украины.**

ЧОРНО-БІЛА РАЙДУГА НАДІЇ

Якби в еллінському світі була фотографія, то в неї, я у мистецтва, була б і своя богиня-муза, як у історії - Кліо, у театру - Мельпомена, у поезії Камена... І тепер ми могли б побачити навіть, як Прометей добуває для людей огонь, а Геракл роздирає пашу леву, Ясон вирушає за золотим руном у далеку Колхиду...

Якби уславлений майстер фотографії Олександр Кремко жив у ті древні часи, він ходив би світами не зі списом чи кіфарою, а з фотоапаратом, він не міг би не придумати щось таке, в якому б сфокусувалися світло й тінь. Справді, тільки уявити: фотовиставка з ликами Зевса чи Юнони, а ось Геаркл бесідує с Євгієм, б'ється з левом, а поряд - Еней відпливає із зруйнованої Трої, скіфський цар Скіл у варварському вбранні кочовика стоїть у храмі Венери, що в древній Ольвії на березі Гіпаніса - Південного Бугу.

Талант Олександра Кремка - особливий. Він не просто газетний фоторепортер, увінчаний за свою творчу роботу найвищим титулом - званням заслуженого журналіста України. Багато дискусій з приводу того, чи фотографія справді мистецтво, чи так, паліатив: зловив у кадр об'єкт, навів фокус - і пташка вилітає з об'єктиву. Ні, йому дано неймовірний хист фотолітописця, фотохудожника, хоча вміння "зловити неймовірну мить, яка прекрасна", налаштованість на блиц-шедевр притаманні йому у високій мірі. Тисячі світлин, розсипаних по

1

А.А.Кремко

2

А.А.Кремко

сотнях газет і журналів світу, репродукованих миттєвостей життя - тому підтвердження.

Що прикметно? За свою багатющу творчу працю маестро Світла й Тіні опанував усі властиві мистецтву фотографії жанри - він і репортер, і портретист, і жанрист, і пейзажист. З того часу, коли миколаївському хлопчику подарували скромний апаратик "Смена", він змінив не один тип апарату. Та в даному випадку важливе не тільки металеве чи скляне фотооко, а й мистецький погляд самого майстра, котрий фокусує всезагальне і конкретне.

Я знаю О.Кремка мало не чверть століття - і з першої зустрічі в "молодіжці" захопився цим чоловіком-вулканом, чий творчий темперамент б'ється, наче ртуть. Нелегку, як стажування на галері в ланцюгах і з веслом, роботу в газеті він і тоді вмів перетворювати на захоплюючий ритуал творення: скільки ностальгії за власною, освяченою любов'ю, молодістю та молодістю його героїв у цьому каталозі-альбомі! Справді, навіть у масштабах України таких проникливих митців знайдеться небагато, хоча тепер їм і справді легіон, коли в нашій державі не менше 1000 одних лише газет.

Дмитро Кремінь,
поет, лауреат Державної премії України
імені Т.Г.Шевченка.

БЫВШИЙ КОРРЕСПОНДЕНТ, ЗАВЕДУЮЩИЙ ОТДЕЛОМ И РЕДАКТОР ОБЛАСТНОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ГАЗЕТЫ "ЛЕШНСЬКЕ ПЛЕМ'Я" АЛЕКСАНДР БИЛЫК:

В журналистских кругах Николаева долгое время бродила байка о том, как известный, талантливый труженик пера и добрейшей души человек готовил материалы в областную газету. Во время командировки на посевную он, завидев

трактор в поле, просил водителя редакционной легковушки: "Притормози".

Выйдя из машины, кричал трактористу: "Ты из какого колхоза?", "Сколько за день засеваешь?", "А как фамилия?", "Жена, дети есть?". Получив исчерпывающие ответы, журналист возвращался в редакцию. А на следующий день в газете на полстраницы выходил очерк о герое посевной.

В фотожурналистике такой номер не проходит. Мы не раз спорили с Кремко, кому сложнее работать: пишущему или снимающему журналисту. Каждый оставался при своем мнении, но я видел, как тщательно готовится Саша к любой съемке. Будь-то в коридорах власти, в коровнике или на полевом стане. Всегда белой завистью завидовал его умению выхватить из толпы фотогеничное лицо. Но это было всего лишь полдела. Человек иногда оказывался «деревянным», и не мог свободно держаться перед объективом. И здесь проявлялось еще несколько талантов Кремко: сценариста, режиссера и оператора. Саша мог часами «мучить» свой объект ради того, чтобы уловить тот миг, когда человек раскрывается, сбрасывает с себя закрепощение и становится самим собой. Помогают ему в этом уникальная наблюдательность, огромное чувство юмора, немыслимая коммуникабельность. «Разбудить» своего героя Саша может и безобидной шуткой, и едкой репликой, и новым анекдотом...

Свободный художник не всегда любит работать на заказ. Особенно, если герой съемок совсем не Ален Делон и одет он не в мантию, а потрепанную телогрейку. Кремко не исключение, но редакционное задание для него закон. Поэтому никогда на мой редакторский стол не ложилась явная халтура «для отработки». А поношенная фуфайка лишь подчеркивала, насколько тяжела и непроста работа тракториста.

Не у многих фотокорреспондентов встречал я и такое огромное стремление к усовершенствованию мастерства, к творческим поискам. Кремко буквально заваливал редакцию серией фоторепортажей. «Проглотить» их малоформатная молодежка была не в состоянии. И другой бы давно перешел на «нарядную» систему работы: получил задание, сделал одно фото и - на свадьбу или другую халтуру. Такой ритм не для Александра. За день он в диком темпе проживает три-четыре жизни. Это я чувствовал и в Киеве, когда из Укринформа в мои

новые редакции приходили репортажи Кремко. Если эти снимки читателям всего лишь иллюстрировали то или иное событие, то для меня они были духовной связью с малой Родиной, они вызвали сопереживание и ностальгию. Газетная строка пробудить это чувство не всегда может...

Знаю, что за многими снимками Кремко стоят сюжеты достойные повести или романа. Поэтому с нетерпением жду выхода новой книги Александра Александровича в свет. О каких «закадровых» историях поведает Мастер? О том, как газета и фотокор «лепили» из обычных тружеников героев нашего времени, или это будет повествование «про «залізний міст» в Первомайске, или хроника строительства и работы Южно-Украинской АЭС, или впечатления о встречах с известными государственными деятелями, политиками, артистами?

Нет, угадать невозможно. В одном уверен - это будет интересно для всех. И в первую очередь для тех, с кем дружит Кремко. Это будет полезно для тех, кто мечтает стать фотомастером. Новой творческой тебе удачи, Маэстро фотографии!

ПРОСТОЙ СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Александр Кремко, в моем представлении, - редкий экземпляр счастливого человека. Не в том смысле, что он – баловень судьбы или какой-то уникальный «везунчик». Нет, он сам, как сформулировал Чехов, - «кузнец своего счастья».

Дар фоторепортера, редкое умение «останавливать мгновения» - это от Бога. Нажать кнопку фотоаппарата может каждый. Но увидеть, рассмотреть, выбрать нужное мгновение, единственное и неповторимое, и успеть его ухватить объективом – для этого нужен особый дар. Александр Кремко наделен им от природы в полной мере.

Но нельзя представлять себе этого одержимого профессией человека как спокойно сидящего и ждущего, когда яркая и выразительная «картинка» сама «вплывет» в расчехленный объектив. Он – талантливый трудяга. На моем пути нечасто встречались столь неутомимые «трудоголики», как Кремко. Но

не о профессиональной ипостаси этого фотомастера хочется сказать. Это – само собой, и сказано об этом немало.

Я – о другом. По-моему, он счастливый по жизни человек потому, что сумел своим удивительным душевным чутьем найти оптимальный баланс между тем, что отдаешь другим, - и что от жизни получаешь. «Чем больше от себя отрываешь – тем больше тебе остается», - воскликнул в одном из своих стихотворений Андрей Вознесенский. Александр Кремко – независимо от поэтических формул, интуитивно - тоже живет по этому правилу. Оно предельно простое: будь максимально щедрым – и тебе воздастся!

Он щедр в творчестве и дружбе, щедр в застолье и семейной жизни, щедр на улыбки, песни и удивительные кадры.

Два года назад я наблюдал, как он снимает Андрея Вознесенского, приехавшего в Николаев. Наш «Сан Саныч» далековат от элитарной книжной поэзии, но высоковольтную ауру, витающую над фигурой легендарного властителя дум «шестидесятников», - он уловил сполна. И сумел передать ее в замечательных – остановленных, но в то же время очень динамичных – мгновениях. Это я к тому, что ему подвластно все. Диапазон персон, запечатленных камерой Кремко: от генсеков и поэтических гениев – до чумазого судосборщика и деревенской старухи.

С появлением цифровой техники Кремко все больше зависит не от увеличителя и ванночек с растворами, а от компьютера. Так получается, что теперь практически все его кадры проходят через мой монитор. И творческая лаборатория мастера разворачивается перед моими глазами. Поучительная картина – особенно для скороспелых репортеров, воспринявших всерьез иллюзию всемогущества «цифровика» и компьютера. На самом же деле и «Смена-2», и сверхнавороченный цифровой «Никон» – всего лишь более или менее совершенные инструменты. Сами по себе они беспомощны. А оживают только в руках настоящего Мастера.

**Владимир Пучков,
поэт, главный редактор газеты «Вечерний Николаев»,
Заслуженный журналист Украины.**

1

А.А.Кремко

2

А.А.Кремко

Помню, перед отъездом подруга, живущая за границей, решительно отстранила все мои коробки. Прижав к груди фотоальбомы с видами Николаева, попросила:

-Возьму только их. Это самый замечательный подарок...

В ту минуту я (уже в который раз) с благодарностью подумала об их авторе – Александре Кремко. «Сан Саныче», как любовно зовет его молодежь. Не было бы этих замечательных альбомов, не разлеталась бы по всему свету добрая и красивая память о нашем маленьком южном городе.

Город Николаев и Александр Кремко... Стоит только взглянуть на его работы, и станет понятно: оба органичны и неразрывны, как земля и растущее на ней дерево. Чувствуется: Николаев для Кремко - не только маленькая родина, отчий дом, - место особенное, благословенное, где он – свой, «ко двору», где ему дышится легко и свободно.

И это вполне объяснимо: Николаев подобрал все запахи и краски его жизни... И сохранил вечное: воспоминания детства, мамину улыбку, сладкий привкус первого поцелуя, глубину южных ночей, дурманящий запах акаций, тепло человеческих отношений, заряженную оптимизмом энергию, идущую от сердца к сердцу многочисленных героев его фотоснимков. Да впрочем, и всех, кто его знает... О Кремко можно сказать так: он родился под знаком любви и обаяния.

Николаев подарил ему первую и настоящую любовь, его Наташу. Натальей Николаевной невозможно не восхищаться: это и обаяние, и женская красота, и прекрасный вкус, и материнская жертвенность. С ней он живет в счастливом браке уже долгие годы. Тут, в Николаеве, родилась их дочь, красавица – Аленка, которая не так давно и сама уже стала мамой. В их уютном и красивом доме на Набережной – культ дочери. А теперь уже и культ внука – маленького украино - американца Этана. Именно тут, в Николаеве, Александр Кремко состоялся как личность, как Мастер, как гражданин... Он насквозь пропитан николаевским воздухом, характером, духом и дыханием родного города. У него есть много причин быть благодарным городу. Один из авторских фотоальбомов Александра, объемлющий тридцатилетний период его профессиональной работы, так и называется «Я люблю этот город»... Признаваясь Николаеву в любви, Мастер ни капли не покривил душой.

Александр Кремко мог бы жить в Москве, Киеве, в любом многомиллионном городе планеты. Но был бы вполне счастлив и в захолустном райцентре. Ему, как настоящему художнику, нигде не дано отдыхать и везде интересно: в чем я убеждена, так это в том, что его талант в любом уголке земного шара не даст ему покоя. Кремко не устанет искать и экспериментировать. Шашины снимки - зеркало, в котором отражается он сам. Чем ярче его собственный взгляд на мир, чем щедрее душа, тем рельефнее, свежее и убедительнее он передает подмеченное. Умело фокусируя и отражая все грани жизни нашего времени: динамично, универсально, как умеет. Для этого он и взбирается на самый высокий шпиль, поднимается в небо, висит над пропастью, скользит по речной глади...

Его, конечно же, сватали, заманивали разные престижные агентства, тиражные столичные газеты сулили золотые горы. Но он не прельстился. Если по-настоящему любишь, не так просто по - живому оторвать от сердца. Да и нужны ли такие жертвы? Зачем таланту прописка? Сегодня творческое имя Александра Кремко и так известно далеко за пределами нашей державы. Через видеоискатель его фотокамеры, зениту меткого взгляда с нашим краем знакомятся Америка, Африка, Япония, Новая Зеландия, Австралия, Аргентина, Италия, Канада... Его снимки – визитная карточка не только нашего города, края, но и державы. Фото Александра Кремко украшают семейные альбомы известнейших государственных и политических деятелей Украины. А сколько их в частных альбомах николаевцев!

Текстовки фотографий Кремко – это человеческие глаза, мимика жестов и взглядов. На его снимках ощутимы плеск волн, шелест листвы, шорох взвившейся от ветра занавески, звонкий смех малыша, горькие рыдания брошенной старости... От его фотографий веет огромной силой человеческих эмоций. Я наблюдала, как по-разному воспринимают его работы на персональных выставках, но никого они не оставляют равнодушными. Каждый снимок - миг ушедшего времени, продолжает жить уже своей, самостоятельной жизнью. Все, что материально, что замкнуто в единую систему, правильно, органично и гармонично. Эта система - большой и вечно меняющийся мир необратимости, в котором каждая маленькая

частичка — сложная, такая разная и интересная человеческая жизнь...

Помню период нашей совместной работы в редакции областной газеты, коллективные командировки, одержимость поиска новых тем и героев, грязь разбитых сельских дорог, промозглую слякоть и походные бутерброды на быструю руку...

Помню до боли родной, но теперь уже такой далекий деревенский двор моей маленькой родины в селе Ефремовка... Уже покойных хлебосольных отца с матерью, весело шкварчающая на сковородке-«титанике» яичница на сале для нашей проголодавшейся журналистской братии, занесенной сюда командировкой... Мы славно работали за столом, не заметив, что наш Кремко, как всегда, успел гораздо больше. Эти замечательные снимки, запечатлевшие миг ушедшего времени, для меня бесконечно дороги.

Вообще ездить «в районы» с неугомонным и вездесущим Кремко считалось особым шиком: под его хорошее настроение за время поездки надрывались со смеху. Он — человек-вулкан, не только искуснейший рассказчик, юморист и хохмач, но и завидный остролов (попадись под горячую руку — сразу же полный словесный нокаут). Эти качества здорово помогают ему молниеносно расположить незнакомого человека, снять скованность и зажатость, в один момент «разгерметизировать» своего героя. Я видела, как светлели суровые лица мужчин, не привыкших к улыбкам, как мгновенно преображались, подтягивались и модели женщины, не устояв перед его обаянием. В этом тоже Божий промысел его таланта.

А как замечательно он поет! Кто-то, шутя, заметил: «Отними у Саши фотоаппарат, он песнями на хлеб заработает»...

С Александром бесконечно интересно работать. Но за ним трудно поспевать. Кажется, он уже все заранее видит и знает. Он не скупится на идеи, подсказки, но ни за кого не работает. Он может помочь. Может выругать (иногда достаточно бесцеремонно) за нерасторопность, оплошность, медлительность: у самого-то рабочий день четко спланирован уже с рассвета. Конечно же, ему трудно понять людей, не умеющих или не желающих трудиться. Он их просто не воспринимает.

У него очень много от Бога. Но еще больше от собственного трудолюбия, организованности и настойчивости. Несо-

мненно, творческие работы Александра Кремко, особенно репортерские, вершина мастерства. Это более высокое небо кремковской фотожурналистики, несколько иная орбита полета, так сказать, высший пилотаж.

В который раз, листая фотоальбом, подумала: Александр ведь не только по-настоящему влюблен в наш Николаев, в жизнь, в людей, он подталкивает своим творчеством нас так же искренне, всем сердцем любить.

Человек вообще должен любить. Александру это дано: он умеет любить Жизнь в любую ее погоду, в любое настроение. Он любит ее изменчивость, суету, любит людей и все, что его окружает. Это огромный талант – любить. Не отвлекая свою душу по пустякам на мелкие житейские дразги, поиски «ведьм» в чужом огороде, мелкотравчатую банальную человеческую злость и зависть. И этот дар, пожалуй, ценнее творческого таланта фотомастера - «душу держать за рукав», которым щедро наделил его Создатель.

Как обязателен Кремко в работе, так обязателен он и по отношению к коллегам, домашним, и даже братьям нашим меньшим. Забавно в любую погоду на тихом и уютном бульваре Макарова наблюдать хозяина, гуляющего с любимицей семьи – озорной фокстерьершей Бафи: псина с огромнейшим рвением угождает хозяину, радостно таская теннисный мячик...

Вообще-то Александра Кремко можно встретить везде. Его рабочий день непредсказуем. Круглая дата на Сашинном календаре не подвластна круглосуточной жажде познания мира, трудолюбия, бесконечного поиска творческого адреналина.

Галина Порфирьева.

1

А.А.Кремко

2

А.А.Кремко

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	4
Жизнь за кадром	6
Из книг отзывов персональных фотовыставок Александра Кремко разных лет	105
ЖИВАЯ ЭНЕРГИЯ.....	110
энергетика фототворчості	113
В книгу об А.А. Кремко, приуроченную к его 60-летнему юбилею	116
ЧОРНО-БІЛА РАЙДУГА НАДІЇ	117
Бывший корреспондент, заведующий отделом и редактор областной молодежной газеты “Лешнське плем’я” Александр Билык:.....	118
ПРОСТОЙ СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК.....	120

Документальное издание

Александр Александрович КРЕМКО

ЖИЗНЬ ЗА КАДРОМ.

Компьютерный набор:

Корректор: Т.И. Чернова

Компьютерная верстка: А.С. Непомнящего

ISBN 966-96187-5-4

Сдано в набор 02.12.03. Подп. в печать 28.02.043.

Формат 60х90/16. Бумага офсетная. Гарнитура "Futuris".

Печать офсетная. Усл.печ. лист. 15,5.

Тираж 1000. Зак. №501

Типография ЧП Гудым И.А.: 54027, Николаев,
ул. Адмиральская, 20. Тел. (0512) 35-23-36, 35-20-18.